
ЗОНА СМЕРТИ
Андрей Ливадный
ТИТАНОВАЯ ЛОЗА

Annotation

Стылое, промозглое утро 15 сентября 2051 года…

Минуло почти полвека с момента Второй Чернобыльской катастрофы. На этот раз грохнуло сразу в пяти местах. От Соснового Бора под Питером до Курчатовского института в Москве, от новосибирского Академгородка до Казантипа. Одновременные взрывы чудовищной мощности положили начало кошмарному Пятизонью. Трудно представить, что в нем мог кто-нибудь выжить. И тем не менее люди выжили. Новым сталкерам противостояли не только мутанты и аномалии, но и бездушные порождения суперсовременных технологий. Механоиды и сталтехи, автоны и перекати-зоны – истинные обитатели Пустоши. Этот мир принадлежит им, и без боя они его не уступят. Но отчаянная девушка-сталкер Дарлинг – позывной «Титановая Лоза» – не из тех, кто отступает перед трудностями…

Андрей Ливадный Титановая Лоза

Пролог

15 сентября 2051 года…

Стылое, промозглое, нервное утро.

Еще сумерки. Полоска зари едва тлеет у горизонта. Порывистый ветер гонит клубы пыли среди развалин высотных зданий, треплет полог штабной палатки.

Вокруг мириады огней. Полевые госпитали медицины катастроф, освещенные изнутри болезненно ярким светом, машины со включенными фарами, бронетехника, разметочные сигналы временных вертолетных площадок, габаритные светляки устремленных в небо антенн связи…

А вокруг руины, руины, руины…

Минута тишины.

Разбор завалов прекращен. Все замерли.

Лица людей злые и усталые, техника запыленная, а тишина глухая, отдающая безысходностью второго рассвета после катастрофы, потрясшей Землю.

Очередной порыв ветра все же распахнул полог штабной палатки, и вдруг голос – хриплый, надсаженный, вырвался оттуда, заставляя вздрогнуть спасателей, военных, медиков…

– Пять! Пять взрывов одновременно! – Генерал Шепетов резко встал, едва не опрокинув стул, вскинул руку, растопырил пальцы, словно хотел загрести ими лицо побледневшего полковника, смять его, скомкать, как бесполезные бумаги, что все копились и копились на столе. – Пять взрывов, синхронизированные до секунды! Это не может быть случайностью, совпадением!

Аскетичная обстановка полевого штаба пропиталась атмосферой нервозности. В нездоровом желтом свете плавал сигаретный дым, тускло сияли голографические экраны, бросая землисто-серые отсветы на лица нескольких офицеров.

Не дождавшись ответа от полковника, Шепетов обернулся к тактическому терминалу, коснулся сенсора. В полуметре от него тут же спроецировался полупрозрачный, словно созданный из уплотненного воздуха стереомонитор, в объеме которого возникло изображение группы ученых, столпившихся у карты евразийского континента.

Соединение, установленное с аналитическим центром МЧС России, стало следствием машинального действия безмерно уставшего, почти

потерявшего надежду, но еще не сломленного человека. Шепетов находился на грани отчаяния – чувства не свойственного боевому генералу. Впрочем, ощущение безысходности буквально витало в воздухе, его испытывали все, начиная от рядового спасателя и заканчивая высшими чинами Генштаба.

Никто ничего не понимал. Вторые сутки на исходе, а информации – ноль. Вокруг – тотальные разрушения. Пять мощнейших взрывов, повлекших за собой цепную реакцию техногенных катастроф, пробудивших тектоническую активность земной коры, грянули одновременно в пяти точках евразийского континента, удаленных друг от друга на сотни километров.

Масштаб бедствия не укладывался в рассудке.

Генерал молча, будто окаменев, смотрел на экран, погрузившись в тяжелые мысли, что кружили водоворотом, тянули в омут отчаяния…

Нет информации… Нет способа послать в зоны бедствий хотя бы беспилотные аппараты. Все попытки завершились провалом – взрывы грянули неожиданно, спутники успели зафиксировать лишь исполинские выбросы миллиардов тонн вещества, атмосфера над эпицентрами катастроф мгновенно помутилась, а затем там начали происходить невозможные, непостижимые с точки зрения современной науки явления, словно сама природа восстала против людей…

Глаза Шепетова сузились, взгляд чуть прояснился. Он вздрогнул, осознав, что уже секунд тридцать молча смотрит на огромную, составленную из сотен экранов электронную карту Евразии, занимающую всю стену аналитического центра МЧС. Пять условных сферических фигур, наполовину утопленных в толщу земной коры, выделяли зоны бедствия: примерно равные по диаметру, они изолировали от остального мира Новосибирский Академгородок, Институт имени Курчатова в Москве, недостроенную атомную электростанцию на полуострове Казантип, в Крыму, атомную станцию в Сосновом Бору и, наконец, уже печально известную зону отчужденных пространств в районе бывшей Чернобыльской АЭС.

– Ну, что вы там столпились?! – не выдержав воцарившейся гнетущей тишины, рявкнул Шепетов, привлекая внимание специалистов аналитического центра. Приближалось время очередного доклада Президенту, а он не мог сказать главе государства ничего нового – в то время как мировые информагентства будто с ума посходили, изливая с экранов, сообщая по радио, распространяя по компьютерным сетям откровенный бред о вторжении инопланетян, падении астероидов,

испытании секретного оружия, – он снова и снова расписывался в собственном бессилии…

– Нам удалось произвести вычисления, используя данные сейсмологических и метеорологических станций, а также со спутников, полученные перед их сходом с орбит, – обернувшись к комплексу связи, сообщил руководитель научной группы. – Это потрясающе… – На взгляд генерала, ученый вел себя неадекватно. Что может быть *потрясающего* в картине глобальной катастрофы, стершей с лица Земли целые города?!

– Мы построили математическую модель катастрофы, – как ни в чем не бывало, продолжил профессор Марников. – При ее анализе сделано невероятное открытие! Первоначально существовала «материнская» аномалия, возникшая в гравитационном поле Земли всего на доли секунд. Затем она распалась на пять очагов, представляющих собой сферические деформации поля тяготения планеты!

– Что это дает?! – не выдержав, вспылил Шепетов. – Какой практический толк от ваших умозаключений?! Объясняйте доступным языком!

– Минуту терпения, – кивнул Марников. Сжав сенсор лазерной указки, он выпустил кроваво-красный лучик. – Практический смысл огромен. Надеюсь, генерал, вы понимаете разницу между полой сферой и шаром?

– Естественно!

– Мы доказали, что гравитационные аномалии имеют структуру полых сфер! – торжествующе заключил Марников. – Это значит, что искажения гравитационного поля имеют четкие внешние и внутренние границы, а сила тяготения внутри отчужденных пространств, по нашим предположениям, соответствует норме!

– То есть там сохранились условия для жизни? – встрепенулся генерал.

– Вероятно. Мы не в состоянии прогнозировать последствия произошедших землетрясений и спровоцированных ими техногенных катастроф. Наши вычисления показывают, что каждая из зон бедствий в данный момент окружена Барьером гравитационного искажения. Его глубина, по самым последним данным, составляет три километра для каждого из отчужденных пространств. – Профессор чиркнул лучом по непонятным отметкам, расположенным подле сферических фигур, наполовину утопленных в толщу земной коры. – Повышенное значение гравитации одинаково для периметра всех зон, где произошли катастрофы. Нам удалось установить, что сила тяготения возрастает постепенно,

достигая трехкратной величины на расстоянии полутора километров от внешнего радиуса Барьеров, а затем постепенно уменьшается, если двигаться в сторону изолированных пространств. Барьеры на данный момент стабилизировались. Новые толчки пока не фиксируются. Вероятно, все тектонические сдвиги, связанные со скачкообразным увеличением гравитации, уже произошли.

Шепетов, внимательно выслушав руководителя научной группы, вернулся к рабочему столу, тяжело сел в кресло. Тонкая нить надежды вновь пульсировала в рассудке, он мысленно цеплялся за нее, твердя себе – еще не все потеряно!..

– Что еще удалось узнать?

– Стабилизация Барьеров дала нам возможность начать расчет реальной нагрузки на технику и определить, какие из машин способны преодолеть рубеж повышенной гравитации…

– Считайте! Быстрее! Там вторые сутки люди заперты! Без помощи! – Генерал отвернулся, переключил канал связи, соединяясь со штабом военно-космических сил. – Дмитрий Сергеевич, что скажешь?

Командующий ВКС покачал головой:

– Все аппараты группировки, находившиеся над регионами катастроф, сошли с орбит. Связь по-прежнему прервана, спутниковый контроль территорий утрачен. Пока мы корректируем орбиты других аппаратов…

Генерал махнул рукой: *хватит!*

– Проклятье… – Шепетов вновь открыл телекоммуникационный канал с центром МЧС. – Марников! Мне нужно знать, что стало первопричиной гравитационного скачка!

Профессор в ответ лишь покачал головой:

– По моим сведениям, на нашей планете нет оружия или прибора, способного изменять значения гравитации! Тем более в таких масштабах!

– Пять катастроф произошли одновременно! Теперь вы говорите о синхронном формировании пяти Барьеров. Это, по-вашему, цепь случайностей?! Что мне докладывать Президенту?!

Вопрос уже набил оскомину…

– Мы работаем, – глухо ответил Марников. – Сейчас в качестве гипотезы рассматривается теория гиперточки Сливко-Клейна.

– Ее суть?

– Сложно объяснить в двух словах, генерал. Но я попытаюсь… – Марников замялся, подбирая формулировки. – Вы слышали о многомерном пространстве?

– Нет, – честно признал Шепетов. – Я не увлекаюсь фантастикой.

– В таком случае просто выслушайте. Если источник возникновения «материнской» аномалии расположен в ином измерении, то, согласно теории гиперточки, его проекция на наш мир будет иметь вид нескольких полых гравитационных сфер, при этом математический центр каждого из искажений одновременно является центром любого другого, а также центром аналогичного явления в ином измерении…

– Достаточно!.. – прервал его Шепетов. – Сконцентрируйте все усилия на точных расчетах по технике!

– Зря злитесь, генерал, – внезапно возразил профессор. – По некоторым косвенным данным мы можем предположить, что между пятью изолированными зонами катастроф в данный момент происходят процессы обмена веществом. Если информация подтвердится, мы получим прямое доказательство теории Сливко-Клейна!

Последние фразы Марникова заставили генерала нервно вздрогнуть.

– Не понимаю! Как может происходить обмен веществом между территориями, расположенными на огромном удалении одна от другой?!

– Мгновенно. Я же сказал, согласно рассматриваемой теории, у всех гравитационных сфер существует единый центр в ином измерении. Через него и происходят процессы спорадической транспортировки вещества. Понятия «расстояние», «время» в данном случае теряют смысл… Возможно, вам будет проще понять меня, если вы представите себе гипотетические внепространственные тоннели, связующие между собой центры пяти аномальных зон, и некий «узел», расположенный вне пространства и времени…

– Хватит!.. – Шепетов чувствовал, еще немного, и он окончательно сорвется. – Представьте мне расчеты по вероятной нагрузке на людей и технику при прохождении Барьеров. Нужно проникнуть в отчужденные пространства – это *главная* задача момента! А там посмотрим, на что годны все ваши теории!..

* * *

Пока генерал Шепетов пытался прояснить ситуацию, его заместитель, полковник Земцов, вел переговоры с группой военных строителей.

Выслушав очередной доклад, он обратился к генералу:

– Иван Андреевич, метростроевцы завершили разбор завалов в техническом тоннеле, есть шанс преодолеть Барьер под землей и выйти к Институту Курчатова!

Шепетов задумался.

– Мне доложили, что аномалии имеют форму сфер. Они одинаково

мощны под землей, в воздухе, везде!

– Да, но двигаясь по поверхности, техника, вероятнее всего, встанет на рубеже тектонических разломов, – спокойно возразил Земцов. – Расчищенный тоннель свободен, тюбинги выдержали нагрузку, нам остается лишь продолжить его еще на сотню метров и вывести на поверхность уже внутри отчужденного пространства!

– Сколько понадобится времени?

– Пять-шесть часов!

– Наконец-то… – Шепетов облегченно вздохнул, вновь вызывая командующего ВКС: – Дмитрий Сергеевич, у тебя группы готовы?

– Да. Ты же знаешь, ждем только «отмашки». Все бойцы экипированы по стандарту действий в условиях иных планет. Герметичные бронекостюмы с сервоусилителями, автономное жизнеобеспечение, боевые сканирующие комплексы, вооружение импульсное.

– Появилась возможность проникнуть в блокированный район. Кто из твоих готов пойти первым?

– Группа капитана Баграмова, – не задумываясь, ответил командующий. – «Альфа-12», – зачем-то уточнил он.

– Отправляй капитана и его людей сюда, к моему штабу. – Шепетов вновь коснулся сенсора, соединяясь с командующим ВВС России. – Артем Михалыч, появилась теоретическая возможность прорыва через воздушное пространство. Сейчас с тобой свяжутся из аналитического центра МЧС. Нужны лучшие пилоты…

В двух километрах от Барьера…

Кроваво-красное солнце застыло в зените. Пыль не оседала, витая в воздухе. Ласковое тепло бабьего лета скрипело на зубах мельчайшей бетонной крошкой.

За комбинированным ограждением из мономолекулярной проволоки, усиленной лазерными заслонами, на площадке перед разрушенной станцией метрополитена виднелись палатки с опознавательными знаками военно-космических сил России, ровной шеренгой выстроилась боевая техника, лишь строительные механизмы, припаркованные как попало, нарушали строгий армейский порядок.

Баграмова инструктировал полковник Решетов:

– Твоя задача – пройти через тоннель, дальше вот по этому маршруту. – Полковник активировал электронный планшет. – Егор, мы ничего не знаем, – откровенно признался он. – Ни причины взрывов, ни источника формирования Барьеров, ни обстановки внутри зоны катастроф.

Неизвестно, с кем или с чем вы столкнетесь. Синхронность взрывов заставляет предполагать теракт.

Капитан молча изучал маршрут.

– Выходим к сектору лабораторий. Что дальше? – скупо осведомился он. – Задача группы?

– Основная задача – попасть в границы отчужденных пространств. Выяснить обстановку, собрать данные.

– Связь?

– Через тоннель потянешь кабель. На выходе установишь полевой коммуникатор. Но не факт, что он будет адекватно работать, поэтому бойцам – вести постоянную запись событий. Если телеметрия не пройдет, всю информацию передашь на физических носителях.

– Кому? – Баграмова удивляло, что инструкции приходится получать, задавая наводящие вопросы.

Решетов поднял на него воспаленный взгляд покрасневших глаз.

– Ученые рассчитали – вертолеты «Ка-85», двигаясь на максимальной высоте, способны преодолеть Барьер. Отобрали лучших пилотов. Твою группу с воздуха поддерживает лейтенант Хомяков. Позывной – Кайман. Точка встречи обозначена на карте. Ему передашь носители с информацией.

– Понятно. Что с выжившими?

– Ими займутся другие группы. Егор, твоя задача – разведать обстановку, взять под контроль особый стратегический объект и удерживать его. Вот. – Полковник указал на маркер. – Институт имени Курчатова. Сектор секретных лабораторий. Там хранятся результаты исследований и образцы новейших экспериментальных энергоблоков. Они не должны попасть в руки посторонних, а тем более – предполагаемых террористов. Все, – Решетов отключил тактический терминал. – У тебя тридцать минут на подготовку.

Зона катастрофы. Окрестности Института имени Курчатова

Огромная фреза медленно вращалась, вгрызаясь в необычайно твердый, но неоднородный материал, представляющий собой уплотненную гравитацией породу, в которую загадочные силы вкрапили обломки зданий, металлические конструкции, реже – предметы, невероятным образом сохранившие форму и структуру материала.

Вслед за прокладывающей тоннель машиной двигался еще один роботизированный комплекс, автоматически устанавливавший усиленные тюбинги; при вращении они герметично смыкались друг с другом, издавая

резкий визгливый звук.

В тоннеле трехметрового диаметра некоторое время стоял треск – под воздействием аномально высоких сил гравитации происходила неизбежная осадка конструкции, пауза длилась десять-пятнадцать минут, после чего под потолком очередного пройденного участка включались приборы освещения.

Тоннель постепенно принимал положительный уклон, наконец огромная фреза вытолкнула на поверхность несколько обломков бетона и с глухим затухающим воем остановила вращение; в тоннель хлынул мутный дневной свет, обе машины медленно выползли наружу и застыли неподалеку от отверстия в земле, обрамленного фрагментами взломанной железобетонной конструкции…

…Час спустя в недрах проложенного механизмами хода послышались неясные звуки, похожие на мерную, ритмичную, тяжелую поступь, сопровождаемую тихими всхлипами монотонно работающих сервомоторов.

Звуки приближались, становились все явственнее, четче, пока в тусклом свете потолочных панелей не показалась первая человеческая фигура, облаченная в тяжелый бронированный костюм, похожий на выполненный из металлокерамики скафандр, снабженный механическими усилителями мускулатуры.

– Альфа-12 – Первому. Докладываю. Прошли зону повышенной гравитации.

– Первый на связи. Как ощущения?

– Тяжело. Будто все тело свинцом наливается. Механическая мускулатура помогает, иначе не сделали бы и шага.

– Выдвигайся к выходу из тоннеля. Всем бойцам вести постоянную запись событий.

– Я помню, – глухо ответил командир спецподразделения.

Капитан Баграмов первым выбрался на поверхность, метнулся за ближайшее укрытие и замер, напряженно осматриваясь.

Открывшаяся панорама резанула по нервам Егора подсознательным, интуитивным ощущением смертельной опасности. Он не увидел ничего схожего с выданной ему электронной картой местности, никакого намека на присутствие выживших, да и мог ли кто-нибудь выжить?

В пространстве за Барьером неведомая сила полностью перепланировала рельеф, словно земную твердь размягчили, смяли причудливыми складками и…

– Первая пара, вперед!

Лиловые небеса змеились искажениями, сочились неживым светом, словно смотришь в бездонный колодец и не видишь ни облаков, ни солнца, только вездесущее сияние депрессивных лиловых оттенков.

– Зарубин, установить средства связи!

Вокруг в хаотичном, немыслимом смешении высились угловатые фрагменты зданий, меж ними виднелись застывшие пологими волнами, уводящие в небеса участки тротуаров и улиц… Взгляд капитана скользнул дальше, наткнулся на скрученный в узел, переплетенный с кусками кованой ограды фонарный столб, косо застывший в нескольких метрах от точки выхода, словно позабытая скульптура безумного художника-авангардиста…

Тишина оглушала.

Поначалу она казалась зловещей и абсолютной – после утомительного марш-броска через зону с повышенным значением гравитации в ушах стоял назойливый гул, но постепенно он истаял; капитан услышал протяжное поскрипывание, посмотрел в ту сторону и увидел валяющийся на потрескавшемся асфальте лист кровельной жести, по которому периодически пробегали плавные волны, – он изгибался, словно живой, не смещаясь при этом ни на сантиметр.

Дыхание бойцов в коммуникаторе шлема участилось. Они попарно покидали тоннель, занимая позиции в ожидании команд.

Снова покосившись на лист железа, по которому с завидной периодичностью пробегали волнообразные конвульсии, капитан понял, что электронные карты, полученные от командования, можно смело стереть с запоминающих устройств. Тактическая система не нашла ни одного ориентира, привязка к местности утрачена, и теперь их единственная зацепка – зев прорытого машинами тоннеля да направление на объект.

Взгляд по сторонам не предвещал ничего хорошего.

Окружающее пространство выглядело зловеще. Четыре «улицы», поднятые над уровнем руин, плавно изгибались застывшими вздыбленными волнами асфальта, причудливо переплетались, постепенно уходя ввысь, исчезая в лиловой дымке.

На фоне невероятных картин тотального разрушения резко выделялись цепочки фонарных столбов – они выглядели нетронутыми, лишь некоторые сломаны либо скручены, с остальных, оставшихся ровными (будто они – вызов окружающему хаосу, невольно подумал Егор), свисали порванные провода, а вот с ними-то как раз творилось нечто неладное: при полном отсутствии ветра провода раскачивались, свивались в кольца, пружинистыми спиралями пытались дотянуться до исковерканной земли, искрили, что выглядело совершенно невозможным…

– Юрко, что на сканерах? – Баграмов в потусторонние силы не верил, не раз убеждаясь на практике, что большинство явлений только выглядят необъяснимыми…

– БСК[1] в сбое, командир. Пять-шесть метров, дальше не берет. Тут вокруг непонятные энергетические поля.

Ладно. Искры пока что спишем на статику. – Егор обернулся, жестом приказав двум разведчикам выдвигаться на рубеж двадцати метров, усилием воли отогнал непонятно откуда накатившую жуть, взглянул в небеса и, не заметив там никакого движения, выдохнул в коммуникатор:

– Сенченко, Данилов, ко мне!

Двое бойцов выросли за спиной, как тени.

Справа, на удалении от зловещих, уводящих в высь дорог, Баграмов заметил крупный фрагмент многоэтажного здания. Создавалось впечатление, что обломок монолитной бетонной постройки был поднят в воздух, а затем рухнул обратно – вокруг него просматривалось подобие кратера – ровная округлая площадка, окруженная кольцевым валом различного строительного мусора.

– К зданию. Проверить сканерами остойчивость, занять позицию, прикрывать продвижение группы. – Отдав приказ, Егор снова вызвал Юрко:

– Саша, что с дорогами? На чем они держатся?

– Гравитационная аномалия, командир. Сейчас пытаюсь определить точную границу «пятна» пониженной силы тяготения.

– Работай.

Ни хрена себе!.. – Егор вновь ощутил неприятный холодок. По всему получалось, что армированное стекловолокном дорожное покрытие сначала подверглось воздействию высокой температуры, деформировалось, а затем отслоилось и застыло, удерживаясь в поле пониженной гравитации, сохраняя целостность лишь за счет конструктивной прочности материала.

– Юрко?

– Передаю данные. Граница аномальной зоны нанесена на карту.

– Сенченко?

– На позиции. В здание не пошли, оно все растрескалось, на одной арматуре держится. На подступах – непонятная серебристая поросль. Сканируется как чистый металл.

Осмыслив полученную информацию, Баграмов мысленно проложил маршрут движения. Если по дороге не будет сюрпризов, то через полчаса группа выйдет к тому месту, где до катастрофы находился Институт имени

Курчатова.

Передав данные по маршруту, он негромко скомандовал:

– Парами вперед! Прикрываем друг друга. Один сканирует, второй контролирует обстановку визуально! Пошли!

* * *

Четырнадцать километров…

На полигоне, в полной экипировке, используя механическую мускулатуру, Егор преодолевал такое расстояние за полчаса.

Группа продвигалась медленно, бойцы сканировали каждый метр прилегающего к маршруту пространства, выявляя все новые «пятна» гравитационных аномалий, которые они были вынуждены обходить. Постепенно взгляду открывалась совершенно новая реальность. Кровь стыла в жилах от попытки представить, что именно творилось тут в момент катастрофы…

Здания, дороги, коммуникации – все перемешано в немыслимых сочетаниях, в некоторых местах многотонные обломки строений были необъяснимым образом внедрены друг в друга, часто попадались фрагменты строительных конструкций, из которых выступали поверхности других «объектов», начиная от различных труб и заканчивая бытовыми приборами, словно в какой-то момент бетон стал мягким, как пластилин, а сотни различных предметов просто «погрузились» в размягченную субстанцию, оставшись навек замурованными в ней.

Ни людей, ни птиц, ни животных. Даже растения исчезли.

На чудом уцелевших фрагментах дорожного покрытия, на стенах перекошенных зданий – следы пожаров, взрывов, бурые потеки воды, подпалины от ударов высоковольтных разрядов электричества – все признаки цепной реакции технических катастроф. Периодически на пути группы попадались завалы, состоящие из машин, видимо, ударная волна сметала их с автомагистралей… а метров через сто, поднявшись на очередную «возвышенность» исковерканного рельефа, они вдруг оказались перед ровным участком поверхности размером с футбольное поле, где смятые автомобили, куски зданий и оплывшие горы земли соседствовали, словно неведомый исполин вытряхнул их тут из прохудившегося пакета.

Через полтора часа, пройдя по вогнутой стене лежащего плашмя двенадцатиэтажного здания, они оказались на краю «обрыва» – крыша строения уходила вниз тридцатиметровой пропастью, а в полукилометре, во впадине, взгляд Баграмова вдруг зафиксировал знакомые очертания построек.

Не может быть!..

Институт…

Но как он уцелел среди тотальных разрушений?!

Бойцы группы рассредоточились по краю обрыва – снизу долетал непонятный, басовитый многоголосый гул.

– Сканируем! – машинально приказал Егор, включая систему оптических умножителей боевой экипировки.

Рядом со зданиями института вращался огромный мутный вихрь.

Цифровые камеры шлема, укрупняя фрагменты кадров, записывали их, система боевого распознавания целей внезапно подсветила алым несколько контуров…

Егор с трудом верил своим глазам. Секундное замешательство едва не заставило его усомниться в здравости собственного рассудка.

На огромном пространстве, расползаясь в разные стороны от мутного смерча уплотненного воздуха, медленно продвигалась различная техника: издалека это выглядело так, будто сонмище жуков прокладывало себе путь, карабкаясь по горам строительного мусора, но стоило приблизить изображение, как взгляд тут же различал контуры механизмов. Баграмов в немом изумлении созерцал поржавевшие бульдозеры, экскаваторы, тягачи, испятнанные серебристыми кляксами непонятной субстанции, заполнившей пробоины в корпусах машин…

Система распознавания целей продолжала бить тревогу, отметив присутствие семи древних БМП, снятых с вооружения лет пятьдесят назад.

Первый вопрос – *откуда тут им взяться?* – казался актуальным пару секунд, не больше.

Внезапно, без видимой причины и предварительной подготовки, внизу вспыхнула яростная схватка.

Егор даже не успел выкрикнуть приказ своим бойцам – все свершилось в считаные мгновенья, – один из бульдозеров, густо облепленный непонятными нитями серебристой паутины, вдруг лихо развернулся, отработав одной гусеницей, и два плазменных сгустка, вырвавшись из его кабины, ушли в разные стороны: первый ударил в ближайшую БМП, превратив ее в гудящий сноп огня, а второй, похожий на огромную переливающуюся шаровую молнию, врезался в отвесную крышу здания, на краю которого в этот момент находилась вся группа «Альфа-12».

Еще миг, и сотни ветвящихся молний объяли лежащую на земле двенадцатиэтажку, обнимая здание корявыми, изломанными разрядами; Егор почувствовал, как вздрогнула многострадальная постройка, и вдруг…

Здание на миг подернулось маревом искажения и начало рассыпаться.

Егора сбросило вниз, но вместо болезненного удара о землю он ощутил, что очень медленно падает, словно снизу его поддерживала незримая сила, затем, не дав толком ни испугаться, ни осмыслить происходящее, над зоной пониженной гравитации рванул мощный порыв ветра и человеческую фигурку в боевой броне, словно пушинку, понесло прочь, в сторону зданий института, навстречу медленно вращающемуся вихрю замутненного воздуха.

Тишина.

Он не помнил, потерял ли сознание, или прошли всего доли секунды после удара плазменного сгустка?

Егор попытался пошевелиться.

Земля и камни, засыпавшие его, поддались под напором сервомускулов, он приподнялся на одно колено, успев удивиться тому, что во время головокружительного полета не выпустил из рук ИПК.

Мысли еще путались, губы кривились, приказ бойцам группы – немедленно доложить – спазмом застрял в горле, ощущение ватного бессилия сводило с ума, он вскинул голову и вдруг увидел вертолет: «Ка-85», окутанный сполохами ракетных запусков.

Молчавший коммуникатор внезапно ожил:

– Кайман… нахожусь под ударом… – Голос пилота едва прорвался сквозь треск помех.

Неясная тень метнулась вверх от вспаханной взрывами земли, и Егор увидел, как неведомая сила ударила в «вертушку», сминая бронированную кабину, а затем небеса поглотил оранжево-черный взрыв.

Медленно вращавшийся в десятке метров от Баграмова мутный смерч вдруг запульсировал, расширился, жадно подхватил тело капитана и поволок его в круговое движение, ударяя о камни, выступы бетона, туда, где гнездилась абсолютная тьма…

Глава 1 Пустошь

Четыре года после катастрофы. Пятизонье…

Раннее утро.

Время редкого затишья, когда пепельный туман пустоши окутывает изувеченную катастрофой землю, ползет серыми языками по сети оврагов, беззвучными ленивыми гейзерами выплескивается из тектонических трещин, кружит над аномальными участками, выдавливаясь в форме гротескных фигур.

Идеальная пора для сбора н-капсул. Здесь, в самых опасных регионах отчужденных пространств, встречаются очень редкие виды металлорастений, чьи свойства уникальны, а плоды бесценны. *Хотя*, – мысленно поправилась Дарлинг, – *торговцы всегда готовы назвать конкретную стоимость того или иного артефакта.*

При других обстоятельствах она непременно бы задержалась на пару часов, побродила по окрестностям – пепельный туман часто преподносит сюрпризы смелому и пытливому сталкеру, умеющему обойти ловушки, но сегодня ее вело дело более неотложное и важное, чем поиск техноартефактов или сбор металлических плодов, зреющих в утолщениях ветвей автонов.

Вот уже сутки Дарлинг шла по следу наемников. Для сталкера среднего уровня способностей смена трех зон отчуждения за столь короткий период времени – действие практически невозможное. На стремительную погоню не хватит ни выносливости, ни энергии имплантированных накопителей, ни зарядов для оружия. Каждая из пяти изолированных от внешнего мира территорий встречает чужака кордонами доминирующих группировок, изувеченные катастрофой пространства полнятся противоестественной механической «жизнью», зачастую более опасной, чем вооруженные отряды сталкеров. Кругом руины, аномальные физические явления, ловушки, преграды – каждый метр территорий, оказавшихся внутри периметра Барьеров, готов отнять жизнь человека сотней различных способов, но Дарлинг не зря получила позывной Титановая Лоза. Как редчайшее металлорастение, она сосуществовала с отчужденными пространствами во взаимной привязанности, умела видеть жестокую красоту смертельно опасного мира, и Пятизонье зачастую отвечало взаимностью, питая жизненные силы Дарлинг из своих потаенных источников, помогая Титановой Лозе выносить предельные

нагрузки.

Наемников было четверо.

Матерые, выносливые, жестокие, они старались продвигаться быстро и скрытно, но если на пути вдруг вставал блокпост или лагерь, который не обойти стороной, живых свидетелей они не оставляли.

Те, кто приходил в Пятизонье извне, обычно делились на две категории. В первую входили проводники, промышляющие тем, что за определенную мзду помогали преодолевать Барьеры всем желающим, они же поставляли мелкие партии товаров торговцам Приграничья. Как правило, проводники представляли интересы мелких криминальных групп, не рисковали углубляться в отчужденные пространства далее чем на пару километров и вообще старались избегать неприятностей, зная, что любое нарушение герметичности защитной экипировки приведет к необратимым, гибельным последствиям.

Вторую категорию составляли уже серьезно подготовленные ходоки, работающие на крупные транснациональные группировки, рассматривающие Пятизонье как надежный источник сверхприбылей. В отчужденные пространства нелегально поставлялось оружие, медикаменты, продовольствие, а отсюда импортировались техноартефакты, частицы металлорастений, капсулы со скоргами, фрагменты механизмов, претерпевших изменения вследствие протекающих тут стремительных процессов эволюции техносферы.

Наемники, по следу которых шла Титановая Лоза, представляли так называемый техносиндикат – одну из международных криминальных структур, тесно связанную с ведущими мировыми корпорациями, заинтересованными в получении уникальных образчиков технологий, источником которых являлись аномальные пространства.

Дарлинг не любила пришлых. Мир Пятизонья жесток, но даже самому суровому его обитателю он по-своему дорог. Тем, кто приходит из-за Барьеров, не понять этого сокровенного чувства, живущего в глубине самых очерствевших сталкерских душ. Они здесь – незваные гости. Их холодное равнодушие к окружающему, одинаковое безразличие, с которым пришельцы устраняют помехи, встающие на пути, неважно, будь то поросль металлорастений, опорный пункт сталкеров или эволюционировавший механизм, охраняющий «свою» территорию, выдают в них чужаков, хорошо тренированных псов, выполняющих *работу*, – им ничего не дорого, не свято, кроме денег, полученных за очередной рейд…

…Двигаясь по едва приметной тропе, заросшей молодыми побегами металлокустарника, Дарлинг не упускала ни одной мелочи. В пепельном

тумане все виделось серым, призрачным, свидетельства былой жизни, прерванной катастрофой пятьдесят первого года, попадались едва ли не на каждом шагу. Здесь, в пустоши, они выглядели особенно жутковато, таинственно, хотя ощущения Титановой Лозы, скорее всего, были субъективны. Она почти не помнила своего прошлого, все, что предшествовало потрясшему Землю катаклизму, выцвело, поблекло, потерялось в череде имплантаций, произведенных мнемотехниками Ордена.

Она не боялась исчадий Зоны, но вздрагивала, когда из серого клочковатого тумана внезапно появлялся фрагмент здания, с зияющими провалами окон, за которыми в сумраке угадывались изломанные предметы меблировки, или путь вдруг преграждал древний ветхий заборчик, с примыкающим к нему фрагментом клумбы, осколком фонтана, с изувеченной скульптурной группой, – каждый раз Дарлинг невольно пыталась дорисовать в своем воображении картину из прошлого, но ничего не получалось, лишь серые, безликие тени толклись на пороге сознания…

…Чувство тревоги, резкое, будто удар энергетической плети, накатило внезапно, заставив ее остановиться, машинально вскинуть оружие и активировать импланты второго уровня.

Метрах в двадцати пролегала свежая просека. Наемники воспользовались ею, но Дарлинг разумно остерегалась «торных дорог», зная, что ходить по недавним просекам – только дразнить судьбу. В Пятизонье подобный след оставляют либо физические аномалии, либо крупные стаи механоидов, движущихся путями своих загадочных миграций.

Ощущение приближающейся угрозы нарастало с каждой секундой.

Титановая Лоза застыла, анализируя данные, поступающие от имплантированных датчиков. Наемникам, пришедшим извне, никогда не сравниться со сталкером-универсалом. Здесь другая реальность, живущая по иным законам. Что способны воспринять от нее боевики техносиндиката, закупорившиеся в герметичных бронескафандрах, полностью полагающиеся на штатные системы обнаружения, действие которых сейчас блокировал пепельный туман?

Дарлинг не зря проявила беспокойство. Она хорошо знала, сколь мощный, самодостаточный, опасный, полный смертельных превратностей мир простирается вокруг. Здесь нет проверенных троп или торных дорог…

Остановившись, Титановая Лоза прислушалась к своим ощущениям. Она сконцентрировалась на ментальном восприятии пустоши, анализируя воспринимаемые имплантами эманации окружающих энергий, пока

сознание не синтезировало скупой, схематичный, но точный по сути образ трех бредущих по просеке сталтехов – опаснейших исчадий Пятизонья…

Наемники, еще не подозревая о приближении биомеханических обитателей пустоши, шли прямо на них.

Досадуя на самоуверенную глупость пришельцев, решивших облегчить себе путь, Дарлинг мысленно обругала их последними словами. Теплых чувств к наемникам она не испытывала – на запутанном маршруте Титановой Лозе не раз приходилось бороться с искушением, – она могла воспользоваться множеством удобных моментов и тихо вырезать группу, но каждый раз сдерживала себя, памятуя о цели рискованной погони.

Ну не охранять же их? – возмущенно подумала Дарлинг, но тут же осеклась в мыслях. Командор Хантер поставил перед ней конкретную задачу: отыскать расположенную за Барьером базу техносиндиката. Орден сталкеров не отказывался от сотрудничества с внешними силами, но, как и любая крупная, уважающая себя группировка Пятизонья, предпочитал владеть всей полнотой информации о «деловых партнерах», даже если те старались сохранить в тайне некоторые аспекты своей деятельности или дислокации.

Теперь самоуверенность наемников грозила свести на нет все усилия предыдущих суток. Если они банально погибнут, то Дарлинг придется возвращаться в Цитадель Ордена ни с чем, а такой расклад совершенно ее не устраивал.

* * *

Три сталтеха, появившиеся на просеке, когда-то были людьми.

Тот, кто ни разу не сталкивался с подобными существами, издалека мог бы принять их за предельно истощенных сталкеров, из последних сил бредущих по своим делам, но стоило присмотреться повнимательнее, и обманчивое внешнее сходство моментально рассеивалось, и даже у бывалого, закаленного превратностями аномальных пространств бойца по спине вдруг пробегала непроизвольная дрожь.

Одежда и экипировка сталтехов, как правило, представляла собой лохмотья, плоть фактически отсутствовала, лишь кое-где болтаясь мумифицированными фрагментами, вместо мышц металлизированные кости скелета оплетали тонкие, скрученные в подобие жгутов серебристые нити, в глубине провалившихся глазниц тускло-красное сияние выдавало работу каких-то устройств, заменивших человеческие органы восприятия, скрюченные пальцы все еще сжимали оружие, но работало оно или нет, оставалось лишь догадываться.

Грянувшая несколько лет назад катастрофа необратимо изменила не только пять отчужденных пространств, но и их обитателей. Биосфера безвозвратно погибла, а на изолированных Барьерами территориях неожиданный карт-бланш получила техносфера, в буквальном смысле «проросшая» на руинах опустевших городов.

Скорги – микроскопические металлизированные частицы, способные создавать сложные самоорганизующиеся структуры, – стали основой всего техноса Пятизонья. Никто в точности не знал, как и откуда появились их первые колонии, породившие металлорастения, – догадок и гипотез существовало множество, но ни одна из них пока не получила прямого подтверждения.

Дарлинг привыкла опираться не на теории, а на данность. Титановая Лоза скептически относилась к предположениям различного толка. Выжить среди гибельных пространств помогал лишь реальный, подтвержденный практикой опыт, а он упрямо свидетельствовал, что примитивные агломерации скоргов не появлялись из ниоткуда, а созревали в н-капсулах на ветвях автонов. Достигая определенного размера, они чаще всего просто падали на землю, давая начало новой поросли металлокустарников, но случись зрелому плоду, взрываясь брызгами серебристой субстанции, запятнать ею человека или механизм, как поведение микрочастиц радикально менялось. Стремительно размножаясь, скорги начинали создавать колонии нового типа, безжалостно реконструируя захваченный «носитель», сообразуясь с понятной лишь им трактовкой определения «функциональность», превращая какой-нибудь старый, давно проржавевший механизм или проявившего беспечность сталкера в *нечто*, отвечающее только одному признаку – способности вести эволюционную борьбу, жестко и успешно конкурировать с другими порождениями Зоны, выигрывать в естественном отборе, сражаясь за территории, богатые ресурсами или источниками энергии, за право «утилизации» поверженного противника и присвоения его уникальных подсистем.

Условно «носители» скоргов классифицировались Орденом по признаку изначальной принадлежности: «сталтехами» называли пораженных проказой Зоны людей, а «механоидами» – реконструированные скоргами механизмы.

Военные и ученые придерживались иной классификации, но Дарлинг принадлежала Ордену и оперировала привычными для нее терминами.

Выяснить потенциальную опасность сталтеха или механоида несложно. Реконструкция скоргами захваченного носителя не происходит мгновенно, следовательно, чем значительнее видимые невооруженным

глазом изменения, тем выше боевые возможности противника.

Титановая Лоза активировала зрительный имплант.

Выбранный фрагмент реальности рванулся навстречу, на миг стал нечетким, словно воздух превратился в матовое стекло, затем рассудок привычно отфильтровал помехи, отсеивая пелену тумана, и она *увидела* сталтехов.

Двое получили изменения не так давно – их плоть еще не успела разложиться, лишь посинела и вздулась, отливая многочисленными серебристыми вкраплениями, поблескивающими сквозь прорехи изодранной одежды, а вот третий представлял серьезную угрозу. Он был инфицирован скоргами так давно, что успел превратиться в металлизированный эндоостов, оплетенный тонкими жгутами серебрящихся нитей, выполняющих функцию мышц. Двигаясь во главе группы, старый сталтех, покрытый шрамами, демонстрировал явное лидерство. Его походка была мягкой, уверенной, без конвульсивных подергиваний, в то время как двое тащившихся чуть позади то и дело спотыкались, существенно замедляя продвижение группы.

Впрочем, торопиться им некуда… – мысленно рассудила Дарлинг, убирая за спину бесполезный в данной ситуации ИПК. Доли секунды она колебалась, делая выбор между энергетической плетью и армганом,[2] затем касанием сенсора активировала лазерный излучатель, закрепленный на правой руке от запястья до локтя.

Попадать в поле зрения наемников не хотелось. Оценив соотношение сил, Титановая Лоза рассудила, что избавившись от старого, наиболее опасного сталтеха, она окажет боевикам синдиката достаточную помощь. С остальными двумя пусть справляются сами. Дарлинг совершенно не волновало, погибнет ли кто-нибудь из наемников в назревающей схватке, – ей было вполне достаточно, чтобы выжил хотя бы один из них…

* * *

Визуальный контакт наемников со сталтехами произошел неожиданно для обеих сторон.

Из-за экранирующих свойств пепельного тумана потенциальные противники обнаружили друг друга на дистанции прямой видимости, когда их разделяли считаные метры.

Нужно отдать должное боевикам техносиндиката – они растерялись лишь на мгновенье, но в пустоши и такого промедления порой бывает достаточно, чтобы пополнить ряды нежити.

Дарлинг, слушая частоту наемников через мью-фон,[3] различила лишь сиплый предупреждающий вскрик:

– Сталтехи!

Двое, что несли увесистый контейнер с н-капсулами, бросили бесценный груз, метнувшись в стороны, командир группы и замыкающий открыли огонь из короткоствольных импульсных автоматов, но очереди, попадая в цель, не причиняли противнику особого вреда – игольчатые пули бесполезно рвали и без того мертвую плоть либо, высекая искры, рикошетили от армированных колониями скоргов чрезвычайно прочных металлизированных костей.

Открыв стрельбу, наемники в лучшем случае выиграли несколько секунд. Три человекоподобные фигуры, сбитые с ног, не успели огрызнуться в ответ, но с них станется, подумала Лоза, выжидая, пока боевики техносиндиката либо сами справятся с ситуацией, либо по-настоящему запаникуют – тогда ее вмешательство в схватку станет неизбежным, но, возможно, останется незамеченным.

Не справились.

Вместо того чтобы проявить разумную осторожность и скрыться вместе с грузом, наемники продолжали стрелять, теперь уже в четыре ствола. Вероятно, они были уверены, что игольчатый боеприпас ИПП, на короткой дистанции крошащий бетон в мелкую пыль, решает абсолютно все проблемы в этом мире…

Дальнейшие события походили на дурной сон.

Дарлинг, успев сменить позицию, видела место схватки как на ладони. Установив армган на максимальную мощность, она вскинула руку с закрепленным поверх брони оружием, прицелилась, но выстрелить не успела – старый сталтех, демонстрируя внезапную смертоносную грацию, привстал на колено и прыгнул, сокрушительным ударом проломив бронированное забрало гермошлема ближайшего противника, вбив острые осколки сломанных лицевых костей в мозг наемника.

В эфире захлебнулся нечеловеческий вопль.

Два более медлительных сталтеха, с которых очереди импульсного оружия лишь сорвали остатки вздувшейся плоти да оцарапали металлизированный скелет, неуклюже поднимались на ноги, намереваясь присоединиться к вожаку, застывшему над трупом бьющегося в конвульсиях противника.

По руке старого сталтеха медленно стекали тягучие ручейки серебристой субстанции, капая в пролом окровавленного забрала боевого

шлема погибшего – это колония скоргов торопилась размножиться, стремясь захватить еще один носитель.

Командир наемников, не прекращая огня, начал отступать, один из его подчиненных схватил контейнер с н-капсулами и поволок его прочь, видимо, не в силах расстаться с бесценным грузом даже перед лицом неумолимой смерти, а вот третий оцепенел, выронив оружие, словно его внезапно поразило каменное проклятие…

Дарлинг не дала предводителю нежити завершить инфицирование трупа и повторить стремительную атаку. Лазерный разряд максимальной мощности полоснул по металлизированному эндоостову и, перерубив позвоночник, развалил старого сталтеха на две половины…

В этот миг оцепеневший от ужаса боевик синдиката вышел наконец из ступора, попятился и, выкрикнув что-то истеричное на не знакомом Дарлинг языке, рванул с пояса плазменную гранату…

Ей не надо было объяснять, что произойдет дальше.

Резко пригнувшись, Титановая Лоза стремительно нырнула в прореху между ветвями металлорастений, туда, где импланты зафиксировали небольшую выемку, подходящую в качестве укрытия, а секундой позже со стороны просеки полыхнул ослепительный взрыв.

Упругая раскаленная ударная волна пронеслась над головой, размягчая ветви автонов, сжигая уже созревшие и только начинающие набухать н-капсулы, покрывая заросли металлорастений коростой расплавленных ветвей.

Горячий дождь из мелких капелек расплава хлестнул по броне Дарлинг, скатываясь на землю шипящими, плюющимися сизым дымком шариками, и вдруг наступила ватная, неестественная тишина…

Выждав некоторое время, она перевернулась на спину, взглянула вверх, хотя и без этого было понятно, что случайное укрытие превратилось в ловушку – ветви автонов, размягчившиеся, частично расплавленные температурой плазменной вспышки, сомкнулись над ней, образуя уродливое, уже остывающее, но невероятно прочное сплетение…

* * *

Лежа на спине, глядя на оплавленные ветви металлокустарника, Дарлинг, вспомнив о задании и наемниках, неожиданно подумала:

Убью дегенератов…

Мысль справедливая. Задание можно выполнить разными способами. Например, допросить с пристрастием оставшихся в живых боевиков синдиката. После полученного только что потрясения они сломаются

быстро, сами выдадут местоположение базы…

Если они не в состоянии элементарно справиться со сталтехом, за какой надобностью вообще рискнули сунуться в пустошь?! Хотели запутать следы? Или у них тут есть дело? Поведение наемников казалось ей нелогичным, учитывая, что полученный в Ордене груз – контейнер с различными видами н-капсул – весил немало и стоил баснословно дорого.

Теперь на взрыв плазменной гранаты соберутся все окрестные механоиды… – с досадой думала Титановая Лоза, сняв с пояса и расчехлив энергетическую плеть. – *Нужно успеть перехватить наемников, прежде чем они бездарно погибнут…*

Рукоятка, покрытая слоем пенорезины, являлась контейнером для заключенных внутри артефактов. Секрет их взаимодействия и технология изготовления оружия хранились мастерами-мнемотехниками в строжайшей тайне. После прикосновения к сенсору в торце рукоятки появился язычок извивающегося голубоватого энергетического щупальца. Оно мгновенно подросло, зашевелилось, слабо потрескивая, непроизвольно потянулось к ближайшей ветви автонов, но Титановая Лоза обуздала его стремление к саморазряду. Для неопытного сталкера плеть – орудие суицида. Прикосновение голубоватого, аморфного на вид энергетического язычка ведет к мгновенной приостановке всех процессов на атомарном уровне. Ударить себя – проще простого, а вот подчинить оружие своей воле, заставить формируемый им энергетический сгусток резко вытянуться при взмахе и поразить избранную цель, способен лишь сталкер-универсал, владеющий способностью контролировать техноартефакты.

Внешность Дарлинг никак не выдавала ее внутреннего напряжения. А оно росло с каждой секундой. Имплантированные кибернетические модули принимали команды рассудка, транслируя их компонентам оружия, и, наконец, последовал короткий взмах – энергетический разряд, похожий на ослепительную, причудливо извивающуюся веревку, хлестнул по ветвям автонов, временно сделав их ломкими и безопасными.

Не теряя ни секунды, Титановая Лоза выбралась из укрытия, едва не превратившегося в смертельную ловушку.

Отключив плеть, в которой осталось четыре заряда, она осмотрелась.

Пепельный туман разогнало взрывной волной. Ветви металлорастений в радиусе нескольких сот метров превратились в сплошную корку, застывшую причудливыми разводами.

Приближения механоидов она пока не ощущала, да и двое выживших наемников куда-то запропастились…

Вряд ли их база расположена за Барьером пустоши, – продолжала

размышлять Дарлинг, преодолевая последние метры, отделявшие ее от истекающего сизым дымом кратера.

Отогнув оплавленные ветви автонов, она осмотрелась.

Тишина стояла гробовая. Потревоженные взрывом окрестности понемногу вновь начинали тонуть в мутной мгле. Обугленные фрагменты плоти, куски экипировки, оплавленные части эндоостовов нежити, уже не годное оружие – все смешалось в отвалах небольшого кратера.

Дарлинг поморщилась, ощутив зловоние.

Присев на краю дымящегося отвала, она некоторое время наблюдала, как из потрескавшейся почвы с негромким потрескиванием пробивается, вырастая на глазах, тонкая, гибкая поросль – это скорги, уцелевшие в неистовой вспышке, восстанавливали численность, используя остаточную тепловую энергию взрыва для создания миллионов себе подобных частиц.

Вот один из тонких, пружинистых побегов дотянулся до оплавленного металлизированного фрагмента эндоостова старого сталтеха, обвил его, скользнул в глубь дымящейся почвы, затем вновь появился из-под земли, несколькими гибкими витками охватив следующую «кость», связывая их воедино…

Дарлинг уже видела однажды похожий процесс. Пройдет несколько дней, и из обломков трех уничтоженных сталтехов будет вновь собран хотя бы один. Можно, конечно, воспользоваться плетью, «заморозить» останки, но к чему нарушать естественный ход событий? Скорги – неотъемлемая часть Пятизонья, они вездесущи – все сталкеры носят импланты, созданные на основе стабилизированных мнемотехниками колоний микрочастиц. Они – источник формирования новых форм жизни, возможно, начало следующего витка эволюции Земли и ее обитателей…

Не время ставить сомнительные эксперименты, – подумала Дарлинг. Она ни на секунду не забывала о двух выживших наемниках и о данном себе обещании больше не красться по их следам, а решить проблему получения информации более быстрым и радикальным способом.

Вопрос в том, где теперь их искать?

Прошло всего пять минут с того момента, как грянул взрыв, но боевики синдиката носили броню, оснащенную сервомускулатурой, и за это время могли отмахать несколько километров, спеша убраться подальше от места неожиданного столкновения с нежитью.

Дарлинг не торопилась броситься в погоню. Импланты молчали, пепельный туман опять сгустился, мешая нормальной работе датчиков, а от просеки в разные стороны ветвилось несколько троп, проложенных сквозь чащу автонов крупными механоидами. Поддавшись панике, наемники

могли уйти в любом из доступных направлений.

И все же они не просто так рискнули идти через пустошь, – уже в который раз подумала Титановая Лоза. Вызвав из памяти электронную карту, обновляющуюся каждые два часа через подключение мью-фона к сталкерской сети, она внимательно изучила окрестности. Был неподалеку один объект, подходящий в качестве цели рискованного броска через гибельные пространства, но при условии, что наемники ведут двойную игру, обманывая синдикат…

Что вполне возможно, – мысленно заключила Дарлинг, ментальным усилием переориентировав датчики имплантов на узкофокусированное сканирование избранного направления.

После минутного поиска обнаружить выживших боевиков не удалось, зато она зафиксировала две ловушки, не нанесенные на электронные карты пустоши.

Метрах в тридцати от нее туман выпучивало плавным грибом, среди пепельно-серых завитков свинцового марева в воздухе медленно кружило несколько предметов.

Лестница в небо… Так сталкеры называли ловушки, представляющие собой зоны пониженной гравитации. Обычно обнаружить их очень сложно, поначалу уменьшение силы тяжести в аномальном пятне почти не ощущается, и лишь ступив за незримую черту, человек вдруг испытывал роковое воздействие, внезапно взмывая вверх на десять-пятнадцать метров, а то и выше. Нетрудно представить, что происходило дальше, в момент, когда барахтающийся в воздухе сталкер, двигаясь по инерции, пересекал противоположную границу аномального пятна. Стремительное падение с высоты семиэтажного дома, как правило, приводило к летальному исходу, а чуть позднее к появлению еще одного сталтеха – вездесущие скорги своего не упустят…

Дарлинг, определив границы обнаруженной аномалии, решительно направилась к грибовидному выбросу пепельной субстанции.

Не дойдя нескольких метров до четко видимой границы пятна, обозначенной клубящимся облаком тумана, она отцепила от пояса бухту прочного, сплетенного из тончайших побегов металлорастений троса и, закрепив его за многотонный, торчащий из земли бетонный обломок, мелкими приставными шагами, стараясь не совершать резких движений, вошла в границы аномалии.

Чувство щекотливого зависания внутренностей пришло внезапно.

Подошвы обуви оторвались от земли, она побледнела, но продолжала медленно стравливать трос, постепенно поднимаясь вверх, стараясь

маскироваться на краю пепельного выброса.

Земля понемножку уходила вниз, Титановая Лоза уже поднялась выше зарослей металлокустарников, но не остановилась на достигнутом: чтобы импланты заработали более эффективно, ей следовало подняться над уровнем затянувших окрестности испарений.

Дарлинг осознавала, что сильно рискует, любое резкое движение или внезапный порыв зарождающегося утреннего ветра могли вытолкнуть ее в зону нормальной гравитации, и тогда падение неизбежно, но иного выхода из сложившейся ситуации она не видела – потерять след наемников было бы сейчас просто обидно…

А вот и они!

Две фигуры в узнаваемой экипировке двигались скорым шагом, удаляясь в сторону мрачной громады высотного здания, перемещенного сюда в момент катастрофы, косо воткнутого в землю титаническими силами, уродовавшими ландшафт.

Дарлинг лишь усмехнулась в ответ своим мыслям. Как просты и незамысловаты мотивы многих рискованных человеческих поступков… В окрестностях располагалось достаточно развалин, но законсервированная от разрушения, перемещенная за тысячи километров верхушка небоскреба, в направлении которой она и осуществляла поиск, была известна как место заключения разного рода сомнительных сделок. В мрачных глубинах косо торчащего из земли здания, превращенных в натуральные трущобы, находили прибежище отбросы сообществ сталкеров, тут всегда можно было отыскать исполнителя для какой-либо грязной работы или продать товар сомнительного происхождения.

К этому зданию и направлялись наемники. Вряд ли сейчас они действовали с одобрения синдиката, скорее всего, хотели сбыть часть полученных в Ордене н-капсул, списав потерю некоторой доли груза на превратности транспортировки. Симулировать аварию одной из ячеек контейнера несложно – достаточно привести в негодность генератор, создающий «консервирующее» электромагнитное поле. При такой поломке транспортировать колонии скоргов слишком опасно – бесценные плоды металлорастений проще вытряхнуть, иначе их спорадическая активация может уничтожить весь груз вместе с доставляющими его ходоками…

Разобравшись в нехитром замысле алчных наемников, Титановая Лоза успокоилась. Теперь они уже никуда от нее не денутся. До «трущоб» (так сталкеры именовали между собой обломок небоскреба) им идти еще километра два, а затем у боевиков синдиката возможен лишь один маршрут отхода – на запад, к зоне «тамбура», расположенной среди древних

построек атомной станции. Только оттуда они смогут войти в общую для всех пространств Пятизонья транспортную сеть Узла…

Пользуясь уникальным моментом, Дарлинг решила задержаться еще немного в границе аномалии, производя запись ее параметров и заодно внимательно осматриваясь вокруг. Мало кто из сталкеров может похвастаться, что имел возможность созерцать панораму пустоши с высоты.

Смятая складками, покрытая трещинами, заполоненная зарослями автонов равнина, пользующаяся славой самой опасной территории Пятизонья, имела длинную и трагичную историю, начавшуюся еще в восьмидесятых годах прошлого века, когда после аварии на Чернобыльской АЭС вокруг нее была создана зона отчужденных пространств, призванная оградить людей от губительных последствий техногенной катастрофы, не допустить их случайного проникновения в зараженные радиоактивными выбросами окрестности атомной станции.

Жизнь так и не вернулась сюда с той далекой поры, а катастрофа пятьдесят первого года окончательно и бесповоротно завершила формирование пустоши в ее сегодняшнем виде. Если в других регионах за периметром Барьеров оказались крупные города, то здесь из «достопримечательностей» изобиловали лишь причудливые складки рельефа, зияли широкие, кое-где дышащие огнем недр, протянувшиеся на многие километры трещины и разломы.

Сглаженные временем руины населенных пунктов, покинутых еще в двадцатом веке, едва возвышались над уровнем земли, исключение составляли засеки и городища скоргов, возникшие в недавний период. Их концентрические окружности виднелись во многих местах, и надо сказать, что за последнее время они заметно подросли…

Дарлинг вновь задействовала зрительный имплант, приближая один из характерных образчиков архитектуры техноса. Увиденное заставило ее удивленно приподнять бровь.

Понятия «засека» и «городище» были заимствованы сталкерами из терминологии военных. Пилоты «Ка-85», регулярно контролирующие воздушные пространства Пятизонья, первыми обратили внимание на то, что в некоторых местах заросли металлорастений начали принимать четкие геометрические формы, заметные лишь с высоты.

Ученые живо заинтересовались необычным явлением. Была сделана серия контрольных сканирований, показавшая не только рост новых образований, но и постепенное усложнение их структуры.

Дарлинг видела полученные по каналам сталкерской сети снимки,

дважды ходила с разведывательными миссиями в пустошь, к одному из наиболее крупных городищ. Мнемотехники Ордена, уже давно и успешно применявшие специально выращенные металлорастения в качестве конструктивного материала, также проявили интерес к внезапно обнаруженной «архитектуре техноса», но увиденное сейчас не шло ни в какое сравнение с результатами последних разведок.

Титановая Лоза ожидала обнаружить несколько невысоких кольцевых валов, образованных сплетением металлокустарников, расположенных в форме концентрических окружностей, но ее взору вдруг предстала настоящая крепость скупых, лаконичных геометрических форм…

С высоты она могла заглянуть за периметр вздымающейся на десять метров внешней стены, а импланты позволяли различить подробности центрального фантасмагорического строения городища.

Мрачное зрелище открылось взгляду Титановой Лозы. За три года скитаний по Пятизонью она еще ни разу не сталкивалась ни с чем подобным. Последняя вылазка в пустошь состоялась меньше месяца назад, и в ту пору городище представляло собой три концентрических вздутия, в нескольких местах продавленных следами прохождения крупных механоидов, вес которых порой составлял десятки тонн.

Что же случилось за три недели?

Известно, что автоны добывают металл из почвы. Насчитываются сотни видов металлорастений. Их различают по двум признакам. Первый – химический состав элементов, из которого состоят изломанные под разными углами ветви. Автоны, состоящие из чистого металла, например меди, железа, олова или свинца, встречаются достаточно редко. Большая часть металлокустарников образована различными сплавами, разнящимися по пропорциям входящих в них элементов.

Второй признак при классификации автонов – свойства н-капсул, вызревающих в утолщениях ветвей.

Если руководствоваться обоими критериями, то на просторах Пятизонья можно отыскать сотни видов металлорастений, уникальных по химическому составу и свойствам их плодов.

Сейчас, анализируя показания датчиков, Дарлинг не могла отделаться от мысли, что в городище собраны все возможные представители техноса Пятизонья.

Выросшие на десять метров стены стали в несколько раз толще, их поверхность уже не казалась плавно выгнутой сетчатой конструкцией – в замысловатом плетении автонов виднелись выступающие детали в виде уродливых ветвисто-шипастых наростов, покрытых ржавчиной,

зеленоватыми окислами меди, кое-где шелушащихся окалиной…

За валом внешней стены наблюдалось пространство, свободное от металлической растительности. Там в данный момент громоздились собранные со всей округи остовы различных машин, в основном это была старая строительная и военная техника.

Второй вал металлорастений, поднявшийся на семь с лишним метров, нависал над скоплением древнего металлического хлама. Среди замысловатых сплетений автонов то и дело сверкали дуговые разряды энергии, сыпали искры, созревшие н-капсулы срывались вниз, ударялись о ржавые корпуса древних машин, разлетаясь брызгами серебра…

Дарлинг была потрясена. Она на некоторое время даже забыла о наемниках.

Продолжая наблюдать, Титановая Лоза подмечала все больше подробностей в строении городища, и, по мере осмысления деталей невиданного сооружения, ее постепенно охватывал трепет.

…За третьим кольцом стен возвышалась коническая конструкция, похожая по своей структуре на термитник. Тысячи мелких ходов пронизывали покрытый уродливыми наростами конус, датчики даже на таком удалении фиксировали, что внутри постройки и на ее поверхности копошатся, ползают миллионы мельчайших механоидов, неподдающихся классификации по базам данных Ордена. Это была какая-то новая форма механической жизни, существующая уже не на основе захваченных носителей, – по всей видимости, колонии скоргов научились копировать некоторые прототипы машин, уменьшив их в сотни раз, приспособив под свои, неведомые людям нужды…

Вот почему на взрыв плазменной гранаты не явился ни один из механоидов… – подумала Дарлинг, завершая запись полученных при сканировании данных. – *Они все где-то там, внутри периметра городища…*

* * *

Все еще находясь под впечатлением увиденного, Дарлинг осторожно начала сматывать трос, постепенно опускаясь к земле.

Ее взгляд вновь зафиксировал фигуры двух наемников.

Что-то здесь не так!.. – обожгла рассудок неожиданная мысль. Лоза приостановила спуск, пытаясь понять, чем вызвано ее внезапное беспокойство?

Несколько секунд понаблюдав за наемниками, отрешившись от подавляющего разум зрелища механического муравейника, она быстро

пришла в себя, поняв, в чем дело.

Вместо того чтобы бодро топать к зданию «торгового центра», являющегося прекрасным ориентиром даже в условиях пепельного тумана, боевики синдиката вдруг начали забирать вправо, по непонятной причине вновь возвращаясь к небольшому холму.

Движение…

Титановая Лоза напряглась, сканируя источник внезапной посторонней активности, и вдруг явственно ощутила, как с окружающим миром начинают происходить странные метаморфозы. Ветер еще не поднялся, но языки пепельного тумана, противореча карте распределения аномалий, способных воздействовать на серую, стелющуюся вдоль земли субстанцию, стремительно поползли вверх по склонам лишенного металлорастительности холма, куда только что вновь стали подниматься двое выживших наемников.

Метаморф! – мгновенно сообразила Дарлинг.

Ее ноги коснулись земли, она отступила на пару шагов от границы аномального пятна, убрала трос – все движения были машинальными, быстрыми, в то время как рассудок Титановой Лозы искал сталкера, манипулирующего с реальностью.

Источник искажений где-то рядом. Возвышенность, за которой располагалась накренившаяся двенадцатиэтажная макушка небоскреба, просматривалась отсюда достаточно хорошо: тепловые контуры двух человеческих фигур четко выделялись на фоне термограммы холма. Нескольких секунд наблюдения хватило, чтобы понять – засевший неподалеку метаморф формирует искажение с таким расчетом, чтобы наемники, сбившись с пути, прошли по кругу, выйдя на устроенную для них засаду.

Нельзя сказать, чтобы Дарлинг особенно удивилась внезапному обороту событий. Разгуливать по пустоши с контейнером, полным н-капсул, – занятие крайне рискованное. Самоуверенность бойцов техносиндиката зашла слишком далеко, а последняя выходка с плазменной гранатой окончательно исчерпала лимит их везения.

Шорох…

Титановая Лоза отступила в заросли автонов, ее армган активировался, чуть приподнявшись на фиксаторах, подушечки пальцев левой руки, густо пронизанные прожилками серебра, сомкнулись в одном из четырех возможных сочетаний, имплантированные в них колонии скоргов мгновенно образовали временные связи, соединяясь в генератор, вживленное под кожу запястья «Сердце зверя» подало энергию к только что

образованному устройству, напомнив о себе легким покалыванием.

Неоднократные операции, произведенные мнемотехниками Ордена, сделали из Дарлинг сталкера-универсала. Она одинаково хорошо владела многими специализациями, но каждое преимущество неизбежно имеет и оборотную сторону. На работу боевых имплантов расходовалась жизненная энергия организма, и даже подпитка «Сердца зверя» не застраховывала от резкого истощения сил при скоротечной схватке с несколькими противниками.

Сначала – наемники. Придется предупредить их об опасности, разрушив иллюзию. От мертвецов информации не получишь…

Восприятие мира изменилось. Дарлинг, заняв оборонительную позицию, почти сразу обнаружила источник деформаций реальности. Морок, ведущий бойцов техносиндиката в засаду, действительно генерировался сталкером-метаморфом. Сфокусированный поток энергии, спровоцировавший сбой датчиков их бронескафандров, изменивший показания приборов, отслеживался довольно четко. Метаморф попался опытный, сильный. Он не только воздействовал на приборы, но и сумел окружить вершину холма плотным слоем тумана, чтобы наемники потеряли визуальные ориентиры.

Рядом с метаморфом находился бионик, поддерживающий его силы. Чуть поодаль расположились еще трое сталкеров, готовых открыть огонь, как только боевики техносиндиката спустятся по склону и попадут в аномалию «Магнит» – металлизированное пятно на поверхности земли, образованное хищной колонией скоргов.

В принципе Дарлинг не имела ничего против группы незнакомцев, заметивших взрыв плазменной гранаты, быстро сориентировавшихся в ситуации и решивших заработать приличные деньги. В другое время она не стала бы им мешать, но тут затрагивались интересы Ордена, и Титановая Лоза ни секунды не сомневалась, как ей следует поступить.

«Сердце зверя» подало импульс энергии на импланты.

Дарлинг вздрогнула, смертельно побледнев, каждый нерв отозвался тугой звенящей болью, словно тело пронзили сотни раскаленных игл, но ее боль была лишь бледной тенью той нечеловеческой муки, которую внезапно испытали противники.

«Крик Скорга» – так назывался удар, нанесенный Титановой Лозой. В этот миг Дарлинг была сродни тяжелому камню, брошенному в воду, – от нее во все стороны рванулась волна излучения, резонирующего в имплантах первого уровня, парализующая работу всех вживленных устройств, причиняющая невыносимую боль их обладателям.

Компактный аккумулятор, добытый из крупного механоида, практически разрядился, кожа на запястье горела, словно ее ошпарили кипятком, в голове стоял глухой звон, но удар достиг цели. Дарлинг, усилием воли удержавшая сознание, отчетливо видела, как наемники вдруг остановились, озираясь по сторонам, текучие полосы пепельного тумана, секунду назад поднимающиеся по склонам холма, внезапно начали опадать, рассеиваясь, словно иссякла сила, толкавшая их вверх.

Двое боевиков техносиндиката достаточно быстро сообразили, в чем дело. Находясь на возвышенности, они и без участия безнадежно ушедших в сбой и перезагрузку сканеров смогли рассмотреть незамысловатую засаду. «Крик Скорга» не воздействовал на «натуралов» (так в Ордене называли всех неимплантированных), а вот сталкеры получили по полной программе. Двое из них валялись без сознания, их тела, рухнувшие неподалеку от аномалии, медленно тащило по земле, притягивая к «Магниту», метаморф тоже вырубился, что совершенно неудивительно – такова защитная реакция всех, кто специализируется на манипуляциях с реальностью, а вот бионик и еще один сталкер, оказавшийся выносливее своих товарищей, вмиг обезумев от боли, бросились прочь не разбирая дороги. Бионик вскоре запутался в ветвях автонов, и наемники, поставив на землю тяжелый контейнер, принялись стрелять по нему, но без результата – короткоствольные ИПП хороши на дистанции ближнего боя, а когда цель находится на расстоянии, превышающем сто метров, иглы безнадежно уходят вразлет, теряют скорость и убойную силу.

Дарлинг разжала пальцы, деактивируя боевые импланты, покачнулась от внезапного приступа слабости и, задавив в себе боль, вскинула правую руку, разрядив армган в голову командира наемников.

Тот рухнул как подкошенный, стрельба тут же прекратилась, последний оставшийся в живых боевик техносиндиката, которого Дарлинг избрала для допроса, метнулся за ближайшее укрытие и затих.

Кровь глухо стучала в висках. Применение боевых имплантов всегда сопровождается резким упадком сил, дурнотой, вспышками нестерпимой боли, выбросом в кровь различных стимуляторов обмена веществ. Нервная система человека не предназначена природой для взаимодействия со вживленными наномашинными комплексами, и здесь бессильны что-либо исправить даже самые опытные мнемотехники. Успешная имплантация – только половина дела. Ее результат остается непредсказуем до тех пор, пока сталкер не начнет использовать импланты. Сумеет ли конкретный человек управлять вживленными устройствами, перешагнет ли психологический барьер боли, страха, непонимания тайного смысла

произошедших перемен, зависит только от него.

Дарлинг знала статистику имплантаций. Количество умерших на операционном столе ничтожно по сравнению с числом тех, кто сошел с ума либо погиб, так и не сумев воспользоваться своими новыми возможностями.

Титановой Лозе повезло. Ее имплантировали, а после обучали лучшие мнемотехники Ордена. Между операцией по вживлению сконфигурированных необходимым образом колоний скоргов, выращенных из н-капсул в лабораториях Цитадели, и ее первым самостоятельным выходом на смертельно опасные просторы Пятизонья прошел почти год. Ее берегли, давали возможность постепенно адаптироваться, в процессе тренировок постичь различные аспекты новых, уникальных возможностей организма, и в результате она стала первой из нового поколения сталкеров, не искалеченная Зоной, а бережно, осмысленно *приспособленная* к новым условиям существования.

Если рассматривать боевые возможности Дарлинг, то мало кто мог сравниться с ней. Титановая Лоза являлась своего рода уникумом, эталоном, несомненным успехом мнемотехников, повторить который пока что не удавалось.

…Мгновенья, отпущенные себе на короткую передышку, окончились. Слабость, сравнимая с состоянием легкоатлета, только что выложившегося на преодоление дистанции, постепенно отступала, боль, терзающая мозг, притупилась.

«Крик Скорга» – чрезвычайно редко применяемый удар. Немногие сталкеры обладают необходимым количеством и качеством имплантов для создания боевого генератора соответствующих характеристик, к тому же генерированная Титановой Лозой волна излучения считается едва ли не оружием массового поражения. Любой обитатель Пятизонья, попавший под ее воздействие, будь то человек, скорг, механоид или сталтех, рисковал получить необратимые повреждения психики, системы или чего-то иного, сосуществующего в тесной взаимосвязи с колониями микрочастиц.

Она машинально взглянула в сторону городища.

Удар дошел и туда. Над зловещим сооружением поднималось грибообразное облако, от которого то и дело отделялись небольшие, роящиеся группы механоидов нового типа.

Городище сейчас было похоже на растревоженный улей.

Дарлинг поняла – нужно убираться отсюда, чем скорее, тем лучше.

«Сердце зверя» опустошено. На накопление нового заряда энергии ему потребуются часы. В перенапряженных мышцах ощущалась

непроизвольная дрожь, в суставах чувствовалась ломота – то была неизбежная цена удара, обезвредившего всех противников в радиусе нескольких километров.

Наемник… – Слово, как заклятье, пульсировало в рассудке.

Прошло менее минуты после выстрела из армгана, поразившего командира боевиков, а реальность уже претерпела значительные изменения. Все стихло, словно перед грозой, пепельный туман начал стремительно таять, даже аномальные участки поверхности, сформированные хищными скоргами, на время вырубились, двоих потерявших сознание сталкеров не дотащило до «Магнита» каких-то полметра.

Дарлинг машинальным, заученным до автоматизма движением перетянула увесистый ИПК со спины на грудь. Об энергетических воздействиях пока придется забыть, силы организма небеспредельны, да и армейский лазерный излучатель, функционируя в режиме максимальной мощности, почти исчерпал емкость накопителя. В такой ситуации импульсное оружие становится незаменимым. В отличие от легких ИПП, которыми были вооружены наемники, «карташ»[4] снаряжался цилиндрическим боеприпасом, его эффективная дальность при стрельбе очередями составляла порядка полукилометра, а в режиме одиночного снайперского огня, с применением адаптивной системы наведения, оружие было способно поразить легкобронированную цель на километровом рубеже.

Дарлинг скользнула в заросли автонов, двигаясь к тому месту, где, по ее расчетам, укрылся последний из наемников.

Поднявшись к вершине лысого, лишенного металлорастительности холма, представляющего собой плотно спрессованную груду бетонных обломков, Дарлинг обнаружила там лишь мертвого командира группы боевиков.

Контейнер с н-капсулами исчез.

Взглянув в сторону «торгового центра», она заметила, как из здания небольшими группами выходят сталкеры. Встревоженные отголосками глобального энергетического удара, несомненно обратившие внимание на неожиданную активизацию скоргов в городище, они решились покинуть укрепленное логово, чтобы произвести разведку.

Встречаться с группами ренегатов и отщепенцев, контролирующих окрестности мрачного обломка высотного здания, у Дарлинг не было сейчас ни сил, ни желания. Она поняла, что недооценила последнего

оставшегося в живых наемника, у которого хватило решимости и здравого смысла, чтобы взять себя в руки, оценить обстановку и отказаться от продолжения рискованной аферы.

Взглянув в западном направлении, где высились мрачные, полуразрушенные корпуса древней атомной станции, Титановая Лоза достаточно быстро обнаружила одинокую удаляющуюся фигуру. Задействовав механические усилители мускулатуры, наемник синдиката, взвалив на себя увесистый контейнер, скорым шагом уходил в сторону тамбура. Оценив уже пройденное им расстояние, Дарлинг поняла, что вряд ли успеет догнать, обезвредить и допросить его в границах пустоши.

Ей не оставалось ничего иного, как возобновить преследование.

Глава 2 Бетонный остров

Новосибирская зона отчужденных пространств

Спустя час после событий в пустоши…

Третий по счету переход дался тяжелее прежних.

Дарлинг, в отличие от большинства других сталкеров, не испытывала мистической оторопи перед процессом внепространственной транспортировки, хотя перемещение сквозь Узел нельзя было назвать приятным. Мгновенный скачок через иное измерение обычно сопровождается тяжелыми, необъяснимыми, но, к счастью, временными деформациями психики, с которыми приходится вести борьбу в первые минуты после материализации в очередном пространстве Пятизонья.

Если ты не возвращаешься «домой», а входишь на чужую территорию, главное – сразу затаиться, не наделать глупостей, переждать, пока постэффекты воздействия Узла перестанут терзать рассудок.

Полностью блокировать портал силами одной группировки практически невозможно: при прохождении через Узел объект материализуется в произвольной точке, внутри радиуса километровой окружности, центром которой является исполинский, медленно вращающийся вихрь. Границы зоны такого произвольного разброса и являются периметром тамбура.

Обычно заставы и блокпосты выставляются на некотором удалении от вихря. Они не представляют собой сплошного рубежа, и потому у каждого прибывающего сталкера есть хороший шанс разминуться с силами доминирующей группировки.

Дарлинг, преследуя последнего оставшегося в живых наемника, успела запеленговать работу его маркера[5] и совершила переход в Академзону с разницей всего в две минуты.

Зона Новосибирского тамбура встретила ее шквалистыми, сбивающими с ног порывами ветра.

Импланты сбоили, перед глазами все двоилось, в сознании стыли нереальные, смутные, тревожащие образы, душа билась в необъяснимой агонии: волнами накатывало чувство беспредельной тоски, отчаяния, хотя для ощущения безысходности, какого-то жизненного тупика не было серьезного повода.

Она со стоном рухнула на колени, тратя остаток сил, отползла в

сторону, под прикрытие хаотичной груды бетонных строительных блоков, и затаилась, переживая сумеречное состояние рассудка.

Через пару минут немного отпустило, вернулась способность мыслить, словно сознание, натужно преодолев заслон непонятных, давящих, вязких образов, вновь соприкоснулось с реальностью, облегченно впитывая враждебную мглу…

Сориентировавшись, Дарлинг переместилась, забирая левее в поисках нового укрытия: справа приближался патруль «зеленых», еще одна боевая группа Ковчега фиксировалась за спиной, метрах в ста от груды бетонных блоков, там, по всем признакам, располагался блокпост.

Отследив маршрут патруля, Титановая Лоза совершила еще одну короткую перебежку, теперь она поднялась чуть выше, затаившись у старого укрепления, сметенного атакой механоидов. Среди вывороченных из земли железобетонных конструкций пластались распоротые мешки, из которых высыпался почти весь песок, на оплавленном треножном станке косо застыл покрытый коростой окалины корпус генератора электромагнитного импульса, в нескольких местах виднелись воронки с остекленевшими краями – не так давно тут произошла серьезная стычка между людьми и механическими обитателями Пятизонья, мигрирующими через Узел.

Она равнодушно осмотрела место схватки, подметив, что егеря Ковчега не изменяют традиции: трупы павших сталкеров были убраны, корпуса механоидов сожжены с применением термитного состава – температура его горения не оставляет скоргам ни малейшего шанса на реанимацию.

В остальном окружающая обстановка не отличалась от стандарта обыденности. В трехстах метрах от позиции Дарлинг вздымался покрытый трещинами холм, его венчало покосившееся здание, возведенное еще в эпоху социализма. Мутный вихрь медленно вращался на пространстве внутреннего двора старого универмага, среди руин складских помещений, эстакад для разгрузки товара, гор мусора, земли и различных увесистых обломков, принесенных сюда пульсациями Узла.

Окрестности холма патрулировали несколько боевых групп Ковчега, основные же силы, выделенные для контроля тамбура, дислоцировались в здании универмага и на склонах господствующей высоты, откуда открывались хорошие сектора обстрела.

Нужно сказать, что, в отличие от других тамбуров, Новосибирский выглядел тщательно вычищенным, как и большинство прилегающих к нему территорий. Дарлинг по опыту знала: сколько ни вглядывайся, здесь

не заметишь поросли металлорастений, не увидишь механоида, спешащего по своим делам. Егеря Ковчега строго следят за стерильностью подконтрольных группировке территорий, зачищая местность после каждой пульсации.

Впрочем, Дарлинг не собиралась анализировать критические разногласия, существующие между Ковчегом и Орденом в части идеологии *надлежащего* мироустройства. Она чувствовала себя на вражеской территории, и этого было достаточно. Титановой Лозе не требовалось никаких разъяснений, она не раз принимала участие в схватках с боевыми группами Ковчега и сейчас вела себя предельно внимательно. Недооценивать противника – худшая из всех глупостей. Егеря были прекрасно подготовлены, их объединяла жесткая дисциплина, а идеология группировки позволяла расстреливать любого пришельца, без выяснения причин его появления в границах Академзоны.

Наемник, похоже, также был прекрасно осведомлен о местных нравах. Его выбросило метров на двести выше, почти у подножия холма. Если бы не остаточный сигнал запеленгованного маркера, то Дарлинг было бы сложно обнаружить неподвижного человека, затаившегося, включившего все маскирующие подсистемы бронескафандра.

Шли томительные минуты, а боевик синдиката не двигался с места.

Его все еще плющит после транспортировки или же он решил ждать вечера? – вопросительно подумала Титановая Лоза, перенастраивая импланты, чтобы следить не только за своей целью, но и за перемещениями патрулей. Один важный вывод она уже сделала – судя по осторожному поведению наемника, техносиндикат на данное время не в ладах с Ковчегом.

Теперь, после перехода, она была уверена, что искомая база расположена где-то неподалеку, в ближайших окрестностях Академзоны. По данным осведомителей Ордена, опорный пункт синдиката дислоцировался вне периметра Барьера, но так это или нет, покажут ближайшие несколько часов.

Нападать на наемника в зоне тамбура было опасно и бессмысленно. Проще набраться терпения, продолжая следить за ним.

Еще раз осмотревшись, Дарлинг приготовилась ждать дальнейшего развития событий, одновременно восстанавливая силы.

В том, что они ей понадобятся, не возникало ни малейших сомнений – пройти через Барьер дано далеко не каждому сталкеру, а ведь еще предстоял нелегкий обратный путь…

* * *

Наемник действительно ждал вечера.

Он прекрасно ориентировался в схеме патрулирования тамбура, знал расположение каждого блокпоста – в этом Титановая Лоза убедилась, следуя по пятам боевика.

На окраину Новосибирска они вышли глубокой ночью, в пепельную непогоду, тенями обошли два опорных пункта Ковчега, затем свернули к руинам Нового Поселка, где на берегу Бердского залива до катастрофы располагалась станция Береговая.

Дарлинг чувствовала – финал изматывающей погони близок.

У Титановой Лозы уже возникло предварительное предположение, куда именно движется наемник как проклятый, тащивший на себе тяжеленный контейнер. Теперь, когда зона тамбура осталась позади, его действия стали более уверенными, похоже, что он не раз проходил тут прежде и хорошо знал близлежащие ловушки, ориентиры, места скопления механоидов – иногда он петлял, явно обходя опасные места.

Наконец, боевик синдиката, а вслед за ним и Дарлинг вышли к побережью Новосибирского водохранилища.

Сбросив с плеч свою ношу, наемник на некоторое время скрылся в полуразрушенном здании, затем, вновь появившись на берегу, проверил герметизацию бронескафандра и, пятясь, затащил тяжелый контейнер в воду. Еще минута, и темная, покрытая рябью волн поверхность закрутилась водоворотом над его гермошлемом, полностью скрыв боевика и груз.

У Дарлинг исчезли последние сомнения. Наемник явно намеревался преодолеть Барьер, и, если судить по электронным картам, составленным в Ордене, – на его предполагаемом маршруте находился лишь один заслуживающий внимания объект.

Бетонный остров…

Мысленно просмотрев сопроводительный информационный файл, Титановая Лоза лишь утвердилась в правильности своего вывода: именно тут проходила одна из тайных, тщательно оберегаемых «троп», которой торговцы техносиндиката пользовались для нелегальной переброски товаров в границы Пятизонья.

По сведениям картографов Ордена, находящийся за Барьером объект являлся незавершенной строительной площадкой, частично уничтоженной во время катастрофы пятьдесят первого года. Что именно собирались возвести на просторе водохранилища, оставалось неясным, ни на одной из сохранившихся старых карт Бетонный остров отмечен не был, не нашлось

сведений о нем и в доступных базах данных различных министерств. Вполне возможно, что строительная площадка прежде принадлежала военным, но после образования Пятизонья те не предпринимали попыток каким-то образом использовать удобно расположенную площадку, хотя бы в качестве наблюдательной точки.

Действия наемника не удивили Титановую Лозу. Способ преодоления Барьеров под водой был известен давно, но использовался редко. Не каждый сталкер владеет навыками дайвера, да и специальное снаряжение стоит недешево. Несколько лет назад Орден рассматривал возможность организации подводных каналов для сообщения с внешним миром – в этих целях в Сосновом Бору, а также на побережье Казантипа и тут, в Академзоне, заложили специальные тайники с необходимым оборудованием, но практика показала, что подводный путь, кроме явных преимуществ, имеет и свои минусы. Во-первых, в районе пикового значения гравитации Барьера возрастает плотность воды, во-вторых, сильные подводные течения требуют от сталкеров недюжинной физической силы, и, в-третьих, психологическое воздействие водной стихии выдерживает далеко не каждый.

В конце концов от замысла пришлось отказаться, а вот тайники сохранились.

Одним из таких схронов и воспользовалась Дарлинг, решив довести до логического завершения трудную погоню.

* * *

Преодолев Барьер, она поднялась к поверхности, чтобы осмотреться.

Наемник исчез, он как будто растворился в холодных водах Обского моря, но Дарлинг уже не нуждалась в проводнике. На электронной карте, составленной в Ордене, были зафиксированы не только отчужденные пространства Академзоны, но и прилегающие к Барьеру территории, так что сориентироваться не составляло особого труда.

Она окинула взглядом окрестности. Отсюда, несмотря на непогоду, был отлично виден призрачный, переливающийся искажениями пузырь гравитационной аномалии, навек скрывшей за стеной уплотненного, непроницаемого для взгляда воздуха, не только Академгородок, но и две трети превращенного в руины Новосибирска. После катастрофы в зоне отчужденных пространств оказалась также часть реки Обь и приличный фрагмент акватории Новосибирского водохранилища, именуемого в народе Обским морем.

Облака как будто притягивало к мутному куполу. Попадая под

воздействие повышенной гравитации, они опускались все ниже и ниже, двигались быстрее, порой цепляя за верхушки смутно различимых на берегу, почерневших, накрененных в сторону от эпицентра катастрофы деревьев.

Обстановка внешнего мира не вызывала у Дарлинг положительных эмоций. Напротив, вне пределов гравитационных пузырей она ощущала себя неуютно, чего стоило бескрайнее небо, простирающееся над головой, не ограниченное плавными закруглениями Барьера, нависшее, будто необозримая облачная плита…

Сориентировавшись, она снова ушла под воду.

* * *

Через час, достигнув намеченной точки, Титановая Лоза осторожно поднялась к поверхности.

Так и есть… Не ошиблась…

Волны бессильно бились о бетонную стену. Двое часовых, зябко ежась на промозглом ветру, прохаживались по кромке парапета.

Вот он – таинственный Бетонный остров.

Дарлинг вновь нырнула. Мутная вода ограничивала видимость, двигаться приходилось, ориентируясь по приборам, – устройство спутниковой навигации, входящее в состав экипировки из схрона да пара специализированных датчиков, нормально работавших за границей Барьера, хоть и неравноценная замена отключившимся имплантам, но хоть что-то…

Отвесная бетонная стена уходила под воду, преграждая путь. Ржавые остатки непонятной металлоконструкции лепились к ней.

Дарлинг нырнула глубже. Двигаясь вдоль бетонной стены, она потратила некоторое время на поиски зарешеченного выхода дренажной системы. Тоннель, полностью затопленный водой, являлся частью запутанных подводных коммуникаций. Считалось, что после катастрофы пятьдесят первого года строительную платформу никто не использовал, хотя среди вольных сталкеров ходили слухи о неких торговцах, попытавшихся организовать тут перевалочный пункт, – по руслу Оби под водой очень удобно проходить Барьер, не привлекая внимания военных, контролирующих внешние периметры всех отчужденных пространств, но их бизнес процветал недолго – однажды все обитатели Бетонного острова были найдены мертвыми. Двадцать человек, отлично вооруженных, всегда находившихся настороже, растерзала какая-то неведомая тварь. После этого об острове поползли слухи, один другого страшнее. Сталкеры, побывавшие

на заброшенной строительной площадке сразу после случившейся там бойни, говорили, что стены внутренних помещений были сплошь покрыты выщербинами от пуль, обожжены лазерными разрядами, часть находящихся над водой построек вспучило от взрывов плазменных гранат.

Ни одного выжившего, лишь истерзанные либо обугленные ошметья плоти, разбросанные повсюду, да лужи крови, разбавленные дождевой водой.

После еще несколько сталкеров, ищущих укрытия вне границ Барьера, без вести пропали среди лабиринта недостроенных помещений Бетонного острова, затем зловещий список пополнили два патрульных катера военных, и с тех пор уже никто не сомневался: над рукотворным островком тяготеет какое-то неведомое проклятие.

Титановая Лоза придерживалась иного мнения. Многие явления Пятизонья казались мистическими, но на поверку любому из них можно было найти здравое объяснение. Другой вопрос, что мало кого интересовали поиски истины в ее чистом виде.

Страх перед неведомым, необъяснимым порождал суеверия, которым более других подвержены сталкеры. Местных жителей в округе почти не осталось, военные проявляли мало интереса к этому участку акватории Новосибирского водохранилища, маршруты патрулирования боевых катеров как будто специально огибали проклятый островок на почтительном удалении.

Бетонный остров, окутанный зловещим ореолом тайны, – идеальное место для скрытого перевалочного пункта. Не нужно обладать даром провидения, чтобы понять: у техносиндиката, эксплуатирующего Пятизонье как неиссякаемый источник сверхприбылей, существуют обширные связи среди «нужных людей». Как и любая международная криминальная структура, синдикат пустил глубокие корни в среде военных и в сталкерских группировках, одних – разлагая взятками, других – удерживая на коротком поводке поставками оружия, припасов, предметов первой необходимости, которые в Пятизонье ценятся на вес н-капсул…

Дарлинг полагала, что вольных торговцев вырезали по приказу синдиката. Послали наемников, зачистили островок, а после распустили жуткие слухи. С военными наверняка договорились. Вот и вся мистика.

Выломать решетку удалось не сразу, но в конечном итоге она поддалась, с облачками мути вышла из креплений и канула в темную бездну стылой воды.

В тоннеле, к своему удивлению, Титановая Лоза не обнаружила ничего подозрительного, похожего на охранные либо сигнальные

устройства.

Добравшись по системе подводных коммуникаций до вертикального колодца, Дарлинг сняла часть снаряжения, надежно закрепив его, чтобы не унесло слабым течением, и начала подъем.

Как Дарлинг и рассчитывала – вертикальный колодец не был полностью затоплен, – вода расступилась без всплеска, сквозь маску проник тусклый желтоватый свет.

Странно. Отсутствие датчиков охранной системы настораживало. В бетонной стене колодца крепились ведущие вверх ржавые скобы. Она некоторое время напряженно выжидала, затем начала подъем.

Помещение, куда выходил колодец, оказалось полуразрушенным. Рассеянный желтоватый свет проникал в него сквозь дыру в стене, заполненную торчащими в разные стороны, погнутыми прутьями арматуры. Рядом находилась массивная металлическая дверь, перекошенная в раме, явно нефункциональная. Из смежного помещения доносились голоса.

Дарлинг, стараясь не шуметь, прижалась спиной к стене, сняла маску и осторожно заглянула в пролом.

Она увидела длинный коридор, освещенный неяркими желтоватыми лампами, закрепленными прямо у протянутого под потолком кабеля энергопитания. В дальнем конце коридора прохаживался охранник, голоса, на поверку, доносились из-за неплотно прикрытой двери, расположенной недалеко от пролома.

Она прислушалась.

* * *

– Эпоха политических систем уходит в прошлое, мой дорогой генерал. Миром теперь станут править несколько мегакорпораций. Прошу вас уяснить: цена вопроса – мировое господство. Синдикат не простит ошибок ни мне, ни вам.

– Власть денег, богоподобие избранных?.. – Генерал Званцев взял со столика широкий бокал с коньяком и выпил дорогой напиток залпом, как водку. – Ни хрена у вас не выйдет. Попробуйте на другом континенте.

– Что так? – насупился Шаркер. – Вы берете взятки и тут же отрицаете власть денег?

– Не отрицаю, не отрицаю… – Званцев пренебрежительно махнул рукой. – Но почитайте Бисмарка. Он предупреждал: не трогайте Россию.

– Мы не собираемся воевать. Наша задача – сделать население земного шара зависимым от нанотехнологий. Как видите, я откровенен.

Непосредственно зависимым. Когда без имплантов ни один человек не сможет жить, дышать, ну, вы понимаете… Изучение технических мутаций, происходящих в зонах отчужденных пространств, дает нам шанс абсолютной власти над миром.

Званцев усмехнулся. Он вел себя нагло, понимая – синдикату не обойтись без его помощи. Ему нравилось сегодняшнее положение вещей, но генерал не собирался рвать жилы, харкать кровью ради обеспечения мирового господства кучке избранных, страдающих манией величия. Он потихоньку продавал Родину, умеренно рискуя за неумеренные деньги, косил под недалекого, туповатого вояку, но иногда позволял себе показать *норов* – вот и сейчас он встал, подошел к контейнеру, только что доставленному наемником, бесстрашно запустил туда пятерню, набрал горсть н-капсул и произнес:

– Я допускаю, господин Шаркер, что мировое господство в конечном итоге отойдет к какой-либо из мегакорпораций, но, боюсь, не в этой жизни. – Он сжал кулак, раздавив несколько бесценных капсул. Серебристая субстанция потекла между пальцами, ртутными кляксами испятнала пол. – Они неактивны, – бесстрастно заключил Званцев. – За Барьерами эти технологии *не работают*.

Представитель синдиката с трудом сдержал вспышку гнева.

– Вы слишком расточительны, генерал. Я урежу ваше денежное содержание.

– Ой ли?

– Перейдем к делу! – прервал его Шаркер.

– Без проблем. – Званцев разжал кулак, высыпал уцелевшие н-капсулы назад в контейнер. – Не сомневаюсь – отравить атмосферу Земли токсичными выбросами производств для ваших работодателей – не проблема. Но пока девять из десяти сталкеров, вышедших за границы Барьера, тривиально подыхают в адских муках, вам до мирового господства, как мне до Луны. Я слушаю.

Шаркер нахмурился. Эта русская сволочь хорошо знает свою цену. Ну да ладно. Терпение – тоже часть работы. Найти альтернативу генералу Званцеву – вопрос времени.

– Мы хотим осуществить крупномасштабную акцию, при проведении которой нам потребуется помощь со стороны войсковых подразделений, контролирующих Сосновый Бор.

– Продолжайте, – буркнул генерал, возвращаясь в кресло. – Что за операцию замыслил синдикат? На какое содействие вы рассчитываете?

– Нас в последнее время серьезно беспокоит растущая независимость

Ордена, – скупо ответил Шаркер.

– Командор Хантер укусил руку, его кормящую? – Званцев ехидно потер ладони. – Но не вы ли обеспечили Ордену режим наибольшего благоприятствования? Разве не синдикат вооружал Орден, сдерживал наши попытки захватить Цитадель?

– Все так. Мы… – Шаркер состроил недовольную гримасу, – мы недооценили командора, предоставив ему слишком много свободы. В последнее время он стал упрям и малосговорчив. Он прекратил возвращать нам подопытный материал, оставляя отправленных ему людей в Цитадели.

– Да, я слышал, что в ряды Ордена вливается все больше послушников. А чем вы недовольны? Хантер обеспечил вашим ученым возможность ставить эксперименты на людях. Говорят, что он имплантировал даже собственную дочь. Разве отчеты о проводимых экспериментах не самое ценное, что можно выжать из…

– Генерал, вы не понимаете! – прервал его Шаркер. – Успешные мнемотехнические операции, проведенные в Пятизонье, – это лишь начальная стадия глобального эксперимента. Нам необходимо, чтобы командор, как и было условлено, возвращал в Большой Мир людей, которых с таким трудом мы поставляем ему для проведения имплантаций.

Губы Званцева скривились в презрительной усмешке.

– Хантер понял, что зря расходует человеческий материал. Они же тривиально подыхают за Барьером. Я бы на его месте тоже перестал отправлять только что имплантированных сталкеров на верную гибель. Проще внушить им идеологию Ордена и укрепить свои ряды за ваш счет.

– Званцев, вы забываетесь!

– А чего вы от меня хотите? Войсковой операции против Ордена? После того, как сами сделали все возможное и невозможное для превращения недостроенной АЭС в неприступную твердыню? – Генерал развел руками. – Мое правительство не санкционирует применение ядерного оружия, а без него штурм Цитадели заранее обречен на провал.

– Вы слишком высокого мнения о себе, генерал, и слишком низко ставите наши интеллектуальные способности. Есть много других способов, не менее эффективных, чем применение стратегической авиации.

– Ну, например? – Званцев развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

Надо бы сбить с него спесь, – подумал Шаркер.

– Что вам известно о секте «Пламенный Крест», генерал? – словно между прочим осведомился он, с нескрываемым удовольствием заметив, как тень неприятных воспоминаний тут же скользнула по лицу Званцева.

– Это фанатики-то недобитые? – попытался с деланым презрением

отмахнуться генерал.

– У меня есть сведения, что они не так уж и слабы, – продолжал намеренно давить на больную мозоль Шаркер. – После получившей широкую огласку казни захваченного сектантами господина Семеркина, если не ошибаюсь – всемирно известного ученого, изучавшего Пятизонье, вашими «презренными фанатиками» заинтересовались вполне серьезные люди.

– Какой смысл обсуждать прошлые события? – нахмурился генерал. – Инцидент произошел больше года назад.

– И все это время секта росла, получая солидное финансирование, – заметил Шаркер. – Росла и крепла, несмотря на заверения вашего правительства, что Сосновый Бор полностью контролируется военными.

– Вы просто хотите досадить мне! – На щеках генерала появились пунцовые пятна. Он живо вспомнил события января прошлого года, едва не стоившие ему карьеры. Шаркер, скотина, все же нашел способ уязвить его самолюбие. Пытаясь справиться со вспышкой гневных эмоций, Званцев потянулся за широким бокалом, прикрыл глаза, раздувая ноздри, делая вид, что смакует аромат дорогого коньяка, но стало лишь хуже – щеки по-прежнему горели, как в тот злополучный день, когда командующий объединенной группировкой, будучи вне себя от ярости, отхлестал его по морде свернутым в трубку зарубежным глянцевым журналом, на обложке которого красовалась шокирующая фотография процедуры аутодафе, а ниже располагалась броская подпись: «Фанатики сжигают ученых на виду у офицеров спецвойск».

Званцеву тогда дали месяц на уничтожение группировки, но справиться с ситуацией удалось лишь недавно.

Нужно сказать, что год назад генерал знал о «Пламенном Кресте» до смешного мало.

…Они именовали себя «праведниками», носили черную экипировку, украшенную языками пламени, изображенными в виде креста. Секту организовал некто Дьякон. Поначалу вокруг новоявленного проповедника, тронувшегося умом во время катастрофы, объединился разномастный сброд, но постепенно секта набрала силу, выработала собственную идеологию, поставив себе целью преследование ученых, объявив их главными приспешниками нечистой силы, а науку, изучающую Пятизонье, – новой формой ереси, несущей угрозу всем людям.

Военные и сталкеры долгое время не придавали значения вылазкам фанатиков, ошибочно считая их сатанистами, брезгливо отмахиваясь от периодически появляющихся сообщений о нападениях на отдельные

группы ученых и учиненных над пленными расправами, обставленными как «суды инквизиции».

Пренебрежение дорого стоило. В Пятизонье, где жизнь – это череда смертельных опасностей, силу уважают если не все, то большинство. Постепенно у «Пламенного Креста» появилось немало последователей, а таинственным Дьяконом заинтересовались некие теневые дельцы из Большого Мира. В итоге группировка как-то резко окрепла, ряды ее бойцов существенно пополнились, обновилось вооружение, экипировка, что говорило о серьезном внешнем финансировании.

Первоначально база «праведников» располагалась в подвалах полуразрушенной многоэтажки, затем группировка перебралась в лишившуюся единственного купола церковь Неопалимой Купины, в Сосновом Бору. Строение, примечательное тем, что при виде сверху напоминает знак радиационной опасности, после захвата боевиками «Пламенного Креста» быстро превратилось в крепость фанатиков, их святилище, а заодно стала занозой для военного командования и лично для генерала Званцева.

После конкретной выволочки, полученной от начальства, он поклялся вскрыть гнойник, однако изворотливость Дьякона и фанатичная преданность его последователей трижды срывали тщательно спланированные спецоперации.

После ряда неудач Званцев, потеряв всякое терпение, начал всерьез подумывать непосредственно о штурме укрепленной церкви, хотя такой отчаянный шаг предполагал значительные потери со стороны военных и сталкеров – «праведники» скорее бы погибли все до единого, чем позволили «осквернить» обретенное святилище.

От отчаянного шага его отговорил комендант Соснового Бора, ранее служивший в подразделении службы внешней разведки. Он предложил поступить хитрее – организовать несколько ложных научных экспедиций, выманив основные силы фанатиков в погоню за «учеными», которых на самом деле будут изображать бойцы спецназа. В случае успеха в церкви на территории Соснового Бора оставался лишь небольшой гарнизон – сам Дьякон и его личная охрана, справиться с которыми уже не составляло труда силами чистильщиков.

Четвертая по счету спецоперация прошла как по нотам. Званцев верно предположил, что Дьякон не станет жертвовать собственной жизнью, цепляясь за оборону церкви, – как только глава секты «Пламенный Крест» понял, что твердыня окружена, он не принял боя, оставил заслон из десятка фанатиков, а сам с группой приспешников ускользнул, скрывшись через

специально оборудованный подземный ход, выходящий на поверхность неподалеку от тамбура.

Перехватить Дьякона не удалось. Где он находится теперь – неизвестно. Церковь взяли под контроль, основные силы группировки были уничтожены, но для Званцева одержанная победа отдавала горечью нереализованной мести – он хотел бы лично, медленно, по капле выдавить из Дьякона всю его поганую кровь…

…Вынырнув из омута тяжелой задумчивости, генерал вздрогнул, залпом допил коньяк и, исподлобья взглянув на Шаркера, произнес:

– Мы вышибли фанатиков из Соснового Бора. Тема закрыта. Не вижу, как эта кучка беглецов сообразуется с вашими планами, касающимися Ордена.

– Я в курсе последних событий, – самодовольно кивнул Шаркер. – Также я знаю, что к вам в руки попал их склад, где хранилась весьма специфичная боевая экипировка, изготовленная по специальному заказу и доставленная в Пятизонье из-за границы Барьеров.

– Допустим.

– Тогда к делу, генерал. Я не стану просить вас штурмовать Цитадель Ордена. Ее инфраструктура создана при нашей материальной поддержке и еще пригодится синдикату в ближайшем будущем. В данный момент мы хотим вернуть генетический материал, который присвоил командор Хантер.

– То есть людей, отправленных в Орден для экспериментальных имплантаций? – уточнил Званцев.

– Верно. Большинство из тех, кто выжил при имплантациях и перенес психологическую ломку, сейчас стали кандидатами в послушники Ордена. Они ожидают испытания, необходимого для посвящения. Мы предоставим командору повод для боевого крещения новых послушников. Вы, генерал, – Шаркер неожиданно ткнул пальцем в грудь Званцева, – предоставите синдикату необходимую материальную базу и дадите наиболее опытных проводников. Не возражайте, я еще не закончил! – Голос представителя синдиката теперь глухим эхом метался в тесной тишине помещения. – Для проникновения в Цитадель я предоставлю наемников, которых вы переоденете в экипировку боевиков «Пламенного Креста» и обеспечите им режим наибольшего благоприятствования на территории Соснового Бора.

– Сколько? – севшим голосом спросил Званцев.

– Не понял? – Шаркер вскинул на него пристальный взгляд. – Сколько чего? Денег? Вы еще не выслушали до конца, генерал. О вашем вознаграждении поговорим позже…

– Сколько людей вы намерены переодеть и провести через тамбур

Соснового Бора?!

– Не менее полусотни человек, – не задумываясь, ответил Шаркер.

– Слишком много для тайной операции и мало для штурма! – Званцев недоумевал, ему не нравилось требование, выдвинутое Шаркером, и сейчас он бессознательно искал лазейку, чтобы мотивированно отказать синдикату в содействии.

– Я же сказал, мы не собираемся штурмовать Цитадель, – недовольно повторил Шаркер.

– Тогда зачем нужны полсотни бойцов? – упрямо допытывался генерал.

– Большая часть из них – пушечное мясо. Нам необходимо оставить подле Цитадели достаточное количество трупов в экипировке боевиков «Пламенного Креста», – нехотя ответил представитель синдиката. – Хантер далеко не глуп. Провоцируя его, придется идти на жертвы.

Званцев, немного успокоившись, кивнул. *Хрен с ней, с экипировкой,* – подумал он, – *за Барьер ее не отправили, а что со складов в Бору исчезает, всегда можно списать, в первый раз, что ли? Главное, чтобы людей не требовал. Выгорит у синдиката провокация или нет – еще вилами по воде писано, а у Ордена руки длинные, в случае чего и за Барьером достанут…*

– Смысл акции? – взяв некоторое время на раздумье, спросил генерал.

– А почему я должен раскрывать вам наши планы? – сощурился Шаркер.

– Потому что вы требуете не только предоставления коридоров и экипировки, но и проводников, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств укажут на меня! Я должен знать, во что ввязываюсь! – Озлобленно отреагировал Званцев. – Если ваши наемники не справятся с миссией, элементарно провалят задание, мне тоже не поздоровится! Молчать на допросах они ведь не станут, верно?

– Генерал, мы все предусмотрели.

– Все предусмотреть невозможно! Особенно в Пятизонье! Либо выкладывайте свой план, либо ищите других помощников!

– Ладно. – Представитель синдиката прекратил расхаживать по комнате, вернулся в кресло. – Из полусотни человек только десять будут непосредственно работать в Цитадели. Остальные – массовка, прикрытие для основной группы.

– Имплантированные, надеюсь? – Генерал пытливо взглянул на Шаркера. – Мнемотехники Ордена сумеют отличить сталкера от натурала!

– Мы все предусмотрели, – вновь повторил Шаркер. – Тот сброд, что нанят нами в пустоши, вполне соответствует по уровню имплантаций

рядовым боевикам «Пламенного Креста». Никто ведь в точности не знает, какова была истинная численность секты? И вы, генерал, насколько я осведомлен, не поспешили доложить начальству о количестве захваченных в церкви комплектов экипировки, верно?

Званцев мрачно промолчал в ответ.

Налив себе коньяка, он вернулся к теме, от обсуждения которой так ловко ушел представитель синдиката:

– Роль моих проводников? Где гарантии, что их не порешат вместе с вашим пушечным мясом? Без плана операции я и палец о палец не ударю для ее осуществления!

– Все достаточно просто, генерал, не стоит так переживать. На территории Ордена мои люди войдут в контакт с несколькими послушниками-ренегатами, недовольными политикой командора Хантера. Затем диверсионное подразделение проникнет в Цитадель через тайные ходы. Их задача – влепить Ордену кровавую пощечину, на которую командор не сможет не отреагировать.

– Вы собираетесь выманить его из Цитадели, спровоцировать на преследование?

– Именно. В одном вы правы, генерал, – твердыня Ордена неприступна, по крайней мере для тех сил, которые на данный момент способен выставить синдикат. Но мы хорошо изучили личность командора. Публичный вызов и пленение хотя бы нескольких офицеров Ордена вынудят его к преследованию «сектантов». Именно такая скромная задача ставится перед основной диверсионной группой. Кстати, если вам интересно, Дьякон и его приспешники сейчас пребывают в пространстве пустоши. Не скажу, что в добром здравии, но живы. Группа вольных сталкеров видела их мельком и распространила информацию по сети. Так что у командора не возникнет сомнений – он сложит два и два, отправившись в пустошь во главе основных сил Ордена.

– Которые порвут фанатиков, освободят пленных, а потом разберутся в случившемся и вздернут ваших работодателей на дыбе, в назидание остальному миру, – буркнул Званцев.

– Ничего подобного не произойдет, – спокойно возразил Шаркер. – Остатки фанатиков, выживших после вашей спецоперации, – лишь наживка. В пустоши бойцов Ордена будут поджидать настоящие профессионалы. Мы вернем себе весь предназначенный для запланированных опытов человеческий материал, а остальных просто уничтожим. Впрочем, это уже вне вашей компетенции… – осекся Шаркер.

– Фактически вы собираетесь уничтожить Орден и ввести в Цитадель

силы синдиката?!

– Это уже не ваше дело!

– Нет уж. Мое, – неожиданно уперся генерал. – Захват Цитадели не принесет ничего хорошего. Ваши цепные псы быстро превратятся в крыс, засевших в норе. Пятизонье – это не Внешний Мир. Тут свои законы, и диктует их не армия, не синдикат, а сталкерские группировки и аномальные пространства. Орден прекратит боевые операции, что автоматически приведет к неоправданному усилению позиций Ковчега. Вы предлагаете мне своими руками создать трудности, за которые я понесу ответственность перед командованием?

– Мы вас прикроем.

– Сомневаюсь. Не тот уровень. Генерал Шепетов не пойдет на сговор с вами. Его уже пытались купить, и не раз.

– Не ваша забота, – отрезал Шаркер. – Или организовать безопасный коридор для прохождения наемников и предоставить проводников уже выше сил генерала Званцева?

– Да с вашим рейдом проблем не будет. Организую. – Званцев вдруг понял, что действительно организует – слишком глубоко он заглотил наживку, брошенную однажды международным техносиндикатом. – А что дальше? Ведь полный беспредел наступит! Вы собираетесь разрушить баланс сил, складывавшийся годами…

– Генерал, вспомните древнюю мудрость: после нас – хоть потоп. Кто виноват во всем? Сектанты, фанатики. А вы тут при чем? Обеспечьте секретность, не дайте Шепетову узнать правду, и все будет нормально. Смута как начнется, так и пройдет. С Ковчегом мы тоже разберемся. Сделаете все на должном профессиональном уровне – останетесь при деньгах и в шоколаде.

Званцев некоторое время напряженно размышлял, но затем все же был вынужден кивнуть.

У дерьма и шоколада одинаковый цвет, – внезапно подумалось ему.

* * *

Дарлинг слышала все от первого до последнего слова.

В первый момент рассудок помутился, в сознании билось лишь одно слово: *предательство…*

Предали все. Начиная от командования армейской группировки, заканчивая командором Ордена.

Последняя мысль далась особенно тяжело, именно она ударила, словно энергетическая плеть, на миг погрузив душу и разум в сумерки.

Хантер. Он торговал людьми, сталкерами, послушниками Ордена!.. Сколько лет он грел на своей груди гадюку, которая теперь собиралась его ужалить?

Предательство…

Первым порывом Титановой Лозы стало неистовое желание вырезать паучье гнездо, свитое на Бетонном острове, выжечь тут все, не оставив никого в живых.

Горе и гнев, такие живые и сильные, едва не подтолкнули ее к безумному поступку.

Нет… – Ее кулаки медленно разжались. Если расправиться со Званцевым, вырезать наймитов синдиката, Орден падет. Шаркер – лишь пешка, а его хозяева далеко, до них сейчас не дотянуться ни рукой, ни пулей, они переживут потерю эмиссара и придумают что-то новое, еще более худшее. «Сейчас я хотя бы знаю их планы и могу уберечь Орден от уничтожения», – твердила себе Дарлинг, стараясь унять требующую немедленного мщения боль, вернуть утраченный самоконтроль. Но ощущение глобального предательства не позволяло вздохнуть, и она, не выдержав, беззвучно разрыдалась.

Боль не исчезла. Саднящее чувство тревоги не покинуло душу, оно лишь затаилось где-то в груди, но рука Титановой Лозы уже соскользнула с наборной рукояти ножа, которую она стиснула в побелевших пальцах, когда горький удушливый ком подступил к горлу.

Орден был для нее всем – домом, семьей, смыслом, он заменил десятки других понятий, стертых с лика земли и из памяти Дарлинг катастрофой пятьдесят первого года.

И тем больнее, тем горше оказался внезапный удар.

Я вернусь… – твердила она себе, спускаясь по ржавым скобам вертикального колодца.

* * *

Бледный, стылый рассвет занимался над руинами города.

Обычный для Академзоны непрекращающийся погодный катаклизм разыгрался этим утром не на шутку: тяжелые, напитанные пеплом мрачные облака неслись под незримым куполом Барьера, двигаясь от центра отчужденного пространства, где медленно вращался исполинский смерч, к периферии. Ураганные порывистые ветра сминали свинцовые плиты облачности, рвали их на седые космы, заметали пепельно-серыми хлопьями изуродованный, нагой, лишенный даже намека на органическую жизнь ландшафт, похожий на декорацию, подготовленную к съемкам

фильма о другой планете, где цивилизация давно погибла, убив себя и окружающую природу.

Огромные трещины змеились по поверхности земли, некоторые из них достигали десяти метров в ширину, серые водопады, образованные похожей на пепел субстанцией, низвергались в тектонические разломы, а через минуту мутными, гудящими потоками их выбрасывало через мелкие кратеры, напитанные жаром от подземных источников тепла.

Внезапно в бледные краски раннего утра вплелось слабое зеленоватое мерцание: полосы холодного света, похожие на сполохи одноцветного полярного сияния, то появлялись, то исчезали, обращая на себя внимание всех существ, неважно, будь то вольный сталкер, боевик Ковчега или механоид.

Приближалась пульсация Узла – коварное явление, одинаково опасное как для людей, так и для механических форм жизни, населяющих Пятизонье.

Любой, кто заметил в небе сполохи мертвенного света, спешил найти укрытие, чтобы переждать удар стихии. И люди, и механоиды всех мастей отдавали предпочтение подземным убежищам. Неудивительно, что в такие минуты между ищущими спасения существами вспыхивали короткие, ожесточенные схватки за какой-нибудь полуразрушенный подвал, и лишь дикие, лишенные механических носителей скорги – эти вездесущие обитатели отчужденных пространств – никак не реагировали на признаки близящегося катаклизма. Очередной удар стихии являлся для них благом, единственным в своем роде мутагенным фактором, способом освоения новых уголков Пятизонья. Среди тонн вещества, попадающих при пульсации в Узел, спорадически транспортируемых из одного пространства в другое, перемещались и дикие колонии скоргов, при этом они обменивались фрагментами, составляя новые агломерации, получая уникальные сочетания свойств…

…Зеленоватое сияние недолго играло мертвенными оттенками над притихшей землей. Вскоре оно исчезло, будто растворившись в тяжелом, неподвижном воздухе, облака за минуту до пульсации застыли, утих ветер – в такие моменты даже над Цитаделью Ордена, где вечно клубились тучи, можно было на миг увидеть солнце…

Тот, кто имел глупость задержаться, засмотревшись на пробившийся сквозь облака солнечный свет, рисковал либо погибнуть, либо оказаться за тысячи километров от того места, где беспечного сталкера настигал сокрушительный, внезапный удар стихии.

Воздух с каждой секундой становился все осязаемее, все гуще.

Вихрь, лениво вращающийся неподалеку от руин бывшего Академгородка, потерял стабильность, то истончаясь, то распухая; постепенно его флуктуации становились все чаще, зримее, вращение ускорилось, среди серых растрепанных косм начали бить разряды молний, трескучие раскаты грома сотрясали притихшие окрестности, затем мутный столб уплотненного воздуха вдруг начал стремительно расширяться, за считаные мгновенья поглотив все видимое пространство – от горизонта до горизонта.

Пульсация…

Грохот перешел в адский вой, свинцовая плита облаков обрушилась на землю, кольцевая ударная волна судорогой прокатилась по искореженному пространству, словно вихрь ударился оземь и… успокоился, начал лениво подниматься, высачиваясь из трещин тысячами локальных завихрений, вновь собирающихся в единый, медленно вращающийся столб пепельно-серого цвета…

…Постепенно помутившаяся в момент пульсации атмосфера начала очищаться от поднятых в воздух частиц, среди сумрака все еще ветвились разряды молний, но «погода» уже стабилизировалась – легкие частицы подняло вверх, сбивая в облака, тяжелые осели на землю, ветер вновь задул порывами, поднимая поземку праха, наметая теплые пушистые «сугробы» под иззубренными стенами руин…

Пространство Академзоны оживало. Охотники за легкой наживой не могли позволить себе пропустить выпадение «манны небесной». Известно, что в момент пульсации вихрь приносит из иных регионов Пятизонья не только различные обломки, но и множество предметов, каждый из которых при внимательном изучении может оказаться уникальным, бесценным артефактом.

Первыми после пульсации Узла на поверхности появились сталкеры-одиночки. Действуя обособленно или небольшими группами, по два-три человека, они спешили поймать момент, пока технос все еще находится в оцепенении, переживая сбой вследствие воздействия различного рода излучений, которые неизменно сопровождали удар стихии. Впрочем, пониженная активность разнообразных механических форм с лихвой компенсировалась человеческой кровожадностью: перестрелки между сталкерами, не поделившими добычу, порой напоминали масштабные боевые действия, а вскоре, когда открывались гермозатворы разветвленной сети бункерных зон и на поверхность выходили отряды егерей – боевого крыла группировки Ковчег, – события принимали и вовсе крутой оборот.

Каждое боевое формирование Ковчега обязательно включало в свой

состав мнемотехника, энергика и бионика, а также как минимум четверых боевиков – сталкеров, не обладающих какими-либо уникальными способностями, но компенсирующих их недостаток прекрасной боевой выучкой, железной дисциплиной и холодным презрением к чужим жизням. Под раздачу групп зачистки попадали все – начиная от вольных старателей и заканчивая созданиями техноса, попавшими в Академзону милостью пульсации и еще не успевшими покинуть зону тамбура.

Вообще-то девизом группировки Ковчег было сохранение и приумножение погубленной на поверхности жизни, но в адских условиях Пятизонья дальше благих намерений дело не шло. Борьба с эволюционировавшими механизмами, «изуродованными» сталкерами,[6] военными, а в особенности с представителями Ордена, официально именовалась «зачисткой местности от враждебных биомеханических форм». Отряды егерей действительно держали под контролем зону тамбура и некоторые прилегающие к Академгородку территории, зачищая их от механоидов, но большая часть руин Новосибирска и его окрестностей по-прежнему находилась во власти техноса и вольных сталкеров – это были опасные, мрачные регионы, где влияние Ковчега проявлялось лишь эпизодически.

Научное крыло группировки, по слухам, занималось созданием базисной модели новой экосистемы, способной возродить жизнь на поверхности изувеченных катастрофой пространств, но никто и никогда не видел практических результатов проводимых исследований.

Злые языки утверждали, что на самом деле все обстоит намного проще – нет никаких глобальных экологических программ, они лишь идеологическое прикрытие для бизнеса, организованного лидером Ковчега – Генрихом Хистером.

Для подобных утверждений имелись серьезные основания. Новосибирский Академгородок еще до катастрофы являлся всемирно известным центром экспериментальной имплантологии. Нетрудно догадаться, что материальная база многих секретных производств сохранилась в глубине бункерных зон, не пострадав в момент образования Пятизонья. Поговаривали, что Хистер отыскал номерные цеха и лаборатории, поработил выживших ученых, и теперь сотни ремесленников от науки изготавливают импланты, проводят исследования и мнемотехнические операции с использованием уникального оборудования, а предприимчивые торговцы способствуют быстрейшему распространению ходового товара по всем отчужденным пространствам.

Факты – упрямая вещь. Никаких воссозданных на поверхности жизненных форм никто никогда не видел, а вот имплантации в бункерах проводились регулярно, более того, там создавались серийные устройства, которые мог легко вживить себе любой из сталкеров. Если ты носил имплант с клеймом Ковчега, не удаляя при этом уникальный опознавательный код, – существовала огромная вероятность, что егеря тебя не тронут, но позволить себе такую роскошь мог в лучшем случае один сталкер из десяти, остальные же ненавидели обосновавшуюся в бункерах Академгородка группировку, считая, что подстеречь бойца Ковчега и убить его, вынув из тела импланты, – дело правильное, незазорное…

* * *

Очередной удар стихии завершился.

Пепельная поземка вновь стлалась вдоль земли, среди серой хмари уже отгремели локальные стычки, поредевшие группы егерей вернули контроль над покинутым перед пульсацией тамбуром, и лишь самые отчаянные из сталкеров продолжали прочесывать местность в поисках принесенных пульсацией техноартефактов.

Тело человека, облаченного в боевую броню, в безвольной позе лежало на склоне холма. Только что отгремевший катаклизм выбросил его сюда, как морской прибой выбрасывает во время шторма дохлую рыбу, оставляя ее на берегу.

Неподалеку высились остовы полуразрушенных зданий. У подножия возвышенности (бывшей когда-то грудой строительного мусора) в ложбинках и впадинах меж треснутых бетонных плит пробивалась поросль металлокустарников. Тело, выброшенное пульсацией в нескольких километрах от зоны тамбура, немо свидетельствовало, что его обладатель был захвачен врасплох и не успел укрыться либо воспользоваться устройством маркера.

Небо хмурилось, ветер уныло завывал между ветвями металлических растений.

Мертвое пространство, отмеченное руинами зданий, выглядело зловещим и пустынным, но лишь на первый взгляд.

Человек внезапно пошевелился.

С трудом открыв глаза, он долго смотрел в пепельные небеса, его взгляд, поначалу мутный, неосмысленный, постепенно обретал ясность, в расширившихся зрачках читался ужас, там таились отсветы лавовых рек, мелькали смутные тени бредовых картин, не то пригрезившихся, не то увиденных на самом деле, но задержавшихся в памяти лишь обрывками

кошмарных видений.

Застонав, он перевалился на бок.

Мышцы онемели, голову разрывала боль. Сухие, потрескавшиеся губы что-то шептали, но из-за дымчатого забрала боевого шлема не прорывалось ни звука.

Наконец он нашел в себе силы сесть, пошарил рукой вокруг, наткнулся ладонью на приклад ИПК, судорожным рефлекторным движением вцепился в оружие, с усилием приподнял его, осмотрел, затем бессильно прикрыл глаза в попытке понять или вспомнить – что случилось?

Внутренние системы бронескафандра работали исправно, хотя уровень заряда энергоблоков в окошке индикации сполз к угрожающей желтой отметке, составляя всего двадцать пять процентов от номинальной мощности.

КТО Я?..

Вопрос, заданный самому себе, некоторое время оставался безответным.

Вытянув руку, он посмотрел на нее.

Прочнейший сплав бронескафандра был местами оплавлен, покрыт какими-то окислами, испятнан участками окалины, ремень оружия сильно обгорел…

Взгляд бессознательно остановился на клейме, все еще различимом на запястье боевой брони.

Цифры восьмизначного личного номера внезапно приобрели смысл: сквозь багрянец боли, с новой силой вспыхнувшей в рассудке, медленно просочились травматические воспоминания последних секунд перед наступлением абсолютного мрака, он вспомнил удар плазмы, разрушивший здание, медленное падение в зоне гравитационной аномалии навстречу исполинской медленно вращающейся воронке мутного воздуха, движущуюся вокруг, испятнанную серебристыми разводами строительную и боевую технику, место которой в музее, сбитый вертолет, а затем…

Егор Андреевич Баграмов. Капитан военно-космических сил России…

Он вспомнил свое имя, фамилию и звание, но одновременно почувствовал, как что-то очень важное ускользает от него, словно определенные воспоминания стали недоступны, от них сохранились лишь блеклые, лишенные смысла фрагменты.

Оплавленная, покрытая пятнами окалины и рыжеватыми потеками окислов экипировка и сгоревший ремень ИПК косвенно подтверждали бредовое видение исполинской пещеры, по дну которой лениво текли

лавовые реки… Еще он помнил нестерпимые для глаз вспышки света, какие-то тени, перемещавшиеся во мраке тоннелей, через которые его влекла неведомая сила, но безоговорочно доверять обрывочным воспоминаниям он бы сейчас не стал.

Скрипнув зубами, Баграмов попытался встать.

Коммуникатор не работал. Резервная система связи включилась после третьей попытки перезапуска, но никто не откликнулся на автоматическую передачу короткого запроса о статусе бойцов.

Мысль о гибели группы резанула по нервам, но он задавил ее, загнал в самый темный уголок истерзанного болью и кошмарными видениями рассудка.

Система метаболической коррекции боевого скафандра не работала. Ресурс жизнеобеспечения еще не был исчерпан, но существенные внутренние сбои, обозначенные тревожными кодами ошибок, не сулили ничего хорошего.

Нужно убираться отсюда, искать группу, сориентироваться хотя бы… – Баграмов, невзирая на боль, все же нашел силы встать.

Сервомускулатура боевой брони отозвалась надрывным звуком, механические приводы работали так, словно за ними несколько лет никто не ухаживал.

Боль по-прежнему пульсировала в голове, но мысли уже не путались. Он огляделся, машинально сравнивая увиденное с тем ландшафтом, что запечатлела память, и понял, что за период беспамятства оказался совершенно в другом месте.

Рано похоронил ребят, капитан… – мысленно укорил он себя. – *Меня, наверное, отшвырнуло ударной волной от взрыва, разорвавшего вертолет… Устройство связи, возможно, и не работает…*

И все же окружающее выглядело нереально, пугало чуждостью.

Ноги по щиколотку тонули в непонятной пепельной субстанции. Прах, крупными серыми хлопьями падающий с небес, укрывал землю унылым саваном, лишь вызывающе поблескивали заросли металлизированного кустарника да руины каких-то зданий громоздились невдалеке…

Система навигации зависла. Было совершенно непонятно, куда идти, какие ориентиры искать?

Первый шаг дался с трудом. Часть сервомускулов работала с надрывным скрежетом, запаздывала обратная связь, и оттого движение вышло не плавным, а дерганым, резким, Баграмов едва не потерял равновесие, но все же устоял на ногах.

Запускать самодиагностику сейчас не время. *Торчу тут, как мишень,* – промелькнула тревожная мысль. Надо бы найти укрытие. Взгляд упал на ближайшую, более или менее сохранившуюся постройку. Похоже на какой-то цех с проломленным перекрытием, подле вырванных ворот – огрызки дороги и фрагмент рельсового пути.

Чем не временная позиция? – мысленно спросил себя Егор.

Сканеры работали отвратительно. Компьютерное «зрение» не помогало, напротив, лишь вносило резкие, не укладывающиеся в рамки привычного восприятия детали, воспринимаемые капитаном как сбой системы…

Тонко взвизгнул предупреждающий сигнал.

На расстоянии шести с половиной метров датчики зафиксировали ядовитые испарения. Источник – заросли металлизированного кустарника. Неподалеку – пятно повышенной радиоактивности, на удалении в полсотни метров система боевого сканирования медленно, будто сомневаясь в собственных выводах, прочертила сюрреалистические контуры каких-то механических созданий, ассоциирующихся с низкопошибными персонажами скверных фантастических фильмов.

Егор остановился, вскинув оружие.

Игнорировать показания боевых сканеров было глупо, но поверить датчикам – значит признать, что в полусотне метров от него движется полтора десятка неподдающихся идентификации *механических тварей*…

Почему я ничего не слышу?

Егор машинально перезапустил подсистему внешних микрофонов, что-то щелкнуло, затем он услышал характерные звуки – гул электродвигателей, резкий стрекот, металлический лязг, глухие ритмичные удары, до этого воспринимавшиеся как легкая вибрация почвы…

Еще раз перезапустив сканеры, Баграмов включил адаптивный анализ целей, дождался результатов и снова не поверил показаниям приборов.

В авангарде группы механизмов двигались три агрегата, опознанные как примитивные, лишенные блоков автоматического управления, ручные электрические газонокосилки!

Егор, не двигаясь, продолжал наблюдать, все еще не решив, сошел ли он с ума или показания сканеров все же не верны?

Ножи самодвижущихся садовых приспособлений подрубали молодую поросль металлического кустарника, оставляя на земле ровные дорожки измельченного вещества, сканирующегося как смесь чистого железа, олова, меди, свинца и цинка….

Выходит, что кусты на самом деле состоят из различных

металлов?!

Егор по-прежнему мог наблюдать за механизмами только в оперативном окошке сканирующей системы, они двигались вне зоны прямой видимости, перемещаясь в зарослях, постепенно приближаясь к склону небольшой возвышенности. Переключив проекционное забрало шлема в режим нормального видения, капитан убедился, что сканеры не лгут, кусты действительно различались по цветовым оттенкам, будто на самом деле состояли из различных металлов.

Вой и стрекот приближались. Это уже не выглядело сбоем сканеров или игрой воображения. Еще минута – и механизмы выйдут прямо на него, прорубив просеку в металлорастениях…

По показаниям БСК, следом за «косильщиками», подбирая мелко нашинкованные ветви металлических кустарников, продвигались девять устройств, уверенно классифицированных системой распознавания целей как промышленные роботы модели «МПУ».[7] Многофункциональные утилизаторы давно вошли в быт и производство, они заменили целый комплекс приспособлений, автоматизируя процессы переработки промышленных и бытовых отходов. Подобные роботы трудились на свалках, крупных предприятиях, их собратья по ночам выползали на улицы городов…

Он отступил на несколько шагов, машинально присел, укрывшись за крупным бетонным обломком.

Три механизма, двигавшиеся по флангам и в арьергарде группы, после удаления системой распознавания целей «лишних» деталей были наконец идентифицированы – основу их конструкции составляло шасси универсальных роботов-охранников. Они в свое время заменили людей на многих режимных объектах. Оснащенные тепловизорами, вооруженные устройствами электрошоковых разрядников, эти механизмы хоть и не представляли смертельной опасности для человека, но встреча с ними не сулила ничего хорошего.

Стая…

Егор ничего не мог поделать, ассоциативное мышление вытолкнуло именно такой образ. Механизмы явно сотрудничали друг с другом, но если для охранных ботов и утилизаторов объединение в локальную сеть являлось стандартной функцией, то действия газонокосилок пока что не укладывались в рамки разумного.

Для чего они собирают металлы, какова истинная природа возникновения поросли металлических кустарников? – этими вопросами

Егор сейчас не задавался. Он проверил лишь одну догадку, убедившись, что между механизмами существует устойчивая локальная сеть обмена данными, и начал медленно отступать, пользуясь зарослями металлорастений как прикрытием от слабеньких систем обнаружения охранных ботов.

Он не знал, где оказался, не понимал, что происходит вокруг, – потрясенный увиденным, капитан Баграмов обогнул оплывшую в виде холма гору строительного мусора и, стараясь избегать скоплений металлических кустарников, густо проросших там, где из-под земли торчали прутья ржавой арматуры, быстро преодолел несколько сот метров, отделявших его от руин намеченного в качестве укрытия здания.

* * *

Через несколько минут, прижавшись к стене полуразрушенного цеха, Егор осторожно заглянул в иззубренный пролом, оставшийся на месте частично обрушившегося оконного проема. Ствол ИПК описал плавную дугу, но огромное помещение оказалось пустым. Внутри здания ударная волна смела все перегородки – битый кирпич, бетонные блоки, перемешанные с покореженными станками и разбитым оборудованием, высились оплывшими от времени горами вдоль противоположной стены строения.

Здесь также густо пророс металлокустарник, примерно посередине разрушенного цеха на голом бетонном полу свет подствольного фонарика выхватил из сумрака человеческий скелет в рваной, полуистлевшей одежде.

Перебравшись внутрь здания, Баграмов осторожно приблизился к нему.

Странно… Ни крысы, ни собаки, ни птицы не тронули… – подумал он, заметив мумифицированную, усохшую плоть, клок седых волос, торчащий из-под самодельного защитного шлема, оснащенного фильтрующей дыхательной маской.

У частично сохранившегося трупа недоставало одной руки, ноги были раздавлены, в густой бетонной пыли отчетливо виднелись следы гусениц, неподалеку чернел опаленный круг, виднелось несколько бесформенных, покрытых окалиной потеков, похожих на расплавленный и постепенно остывший металл. Единственная рука погибшего была вытянута в сторону черной подпалины, пальцы растопырены, словно он…

Нет… Капитан отогнал пришедшую в голову мысль. Бред.

Ага… И странное приспособление на руке, от которого под мумифицированную кожу запястья уходили провода, и серебристые нити

тускло поблескивающего металла, вплетенные в усохшие мышцы, тоже галлюцинация?

Кто он? Киборг?

По внешним признакам судить трудно, а комплексный сканер системы медицинского мониторинга не работал.

Надо искать своих. – Егор чувствовал, что нереальное пространство, неподвластное логическому осмыслению, быстрее сведет с ума, чем приведет к какой-то приемлемой оценке ситуации. Трупу, который он только что осмотрел, на вид не менее года. Откуда бы ему тут взяться? Предположение о кибернетическом организме Баграмов отмел – офицеров ВКС периодически знакомили с разного рода перспективными разработками, но капитан даже не слышал упоминания о создании действующих моделей кибернетических организмов.

Да, он помнил слова полковника Решетова. Знал, что вместе с группой отправляется в зону глобальной катастрофы, где возможны любые неожиданности, но, пройдя несколько километров от проложенного под землей тоннеля до комплекса зданий Института имени Курчатова, Егор все же четко понимал, что движется через пространство техногенного катаклизма.

Куда, спрашивается, подевались руины мегаполиса?

Где бойцы группы? Почему пуст эфир?

Он еще раз проверил передатчик. Тест успешен. Так в чем же дело?! Может, шифратор сбоит?

Он переключил вариатор на открытую частоту.

– Альфа-12-1, вызываю группу. Всем, кто меня слышит, – доложить о состоянии, обозначить ориентиры!

Тишина.

Лишь в оперативном окне системы бронескафандра продолжают сменять друг друга коды критических ошибок.

– Альфа-12-1, всем, кто меня слышит. Отказала система навигации. Нахожусь в разрушенном производственном корпусе. Ориентир, – он подошел к пролому, взглянул на окрестности и сипло добавил: – Метрах в тридцати от позиции наблюдаю открытое водное пространство!..

Егор едва выговорил последнюю фразу.

Он мог допустить всякое, но откуда в хорошо знакомых районах города взяться огромному, уходящему вдаль, теряющемуся в дымке озеру?!

* * *

Прибрежные территории, расположенные между руинами

Академгородка и развалинами Бердска, обычно контролировались двумя группами Ковчега.

Маршрут патрулей проходил вдоль трассы, на старых картах обозначенной как «М 52». Двигаясь по дороге, бойцы группировки доходили до разрушенного моста через Бердский залив и, некоторое время понаблюдав за обстановкой, поворачивали обратно. Интервал патрулирования был рассчитан так, чтобы группы, дойдя до конечных точек (вторая располагалась у плотины Обской ГЭС), двигались бы навстречу друг другу, встречаясь примерно посередине.

Сегодня пульсация нарушила привычную схему, основные силы группировки пришлось оттянуть к тамбуру, где еще оказывали сопротивление несколько крупных механоидов и сталкеры, попытавшиеся осуществить силовой прорыв в Академзону из пространства пустоши.

…Дитрих чувствовал себя неуютно.

В егеря он попал недавно. До этого, после вживления основного импланта, он почти полгода провел во внутренних караулах, в тот же период прошел обряд посвящения, а вместе с ним получил и новое, казавшееся дурацкими, непривычным имя.

Но правила есть правила. Новое имя – не слишком высокая цена за имплант, без которого в границах отчужденных пространств он бы попросту погиб или, того хуже, превратился бы в сталтеха.

После уютного сумрака бункерных зон выходить на поверхность жутковато. Вообще-то Дитрих никогда не считал себя трусом, но в Пятизонье происходит быстрая, болезненная ревизия жизненных взглядов и ценностей. Порой на поверхность всплывают такие потаенные черты характера, о которых там, в Большом Мире, даже не подозреваешь.

Ни служба в армии, ни жизнь на гражданке, ни злоключения молодости, пусть даже они будут спрессованы в один день, не сравнятся с одной минутой, проведенной тут.

Выходя на патрулирование после пульсации, Дитрих видел десяток обуглившихся, уже неузнаваемых тел, от которых разило горелой плотью, а рядом – остановленного ударом электромагнитного импульса, сожженного из огнеметов и вдобавок изрешеченного из стационарного импульсного орудия бронезавра.

От недавних впечатлений мурашки бегали по коже. Здесь жуткая в своей непредсказуемости смерть ходила с любым из сталкеров рука об руку, вокруг, несмотря на громкие заявления Генриха Хистера, царил вакуум абсолютной неизвестности. Все эти зачистки – мышиная возня. Отчужденные пространства только приподнимали перед Дитрихом завесу

своих тайн, но он уже успел вкусить крамолу запрещенных мыслей. Когда глаза широко открыты, ты видишь окружающее и начинаешь понимать, насколько человек слаб и беззащитен в сравнении со стремительно развивающимся техносом Пятизонья.

Замкнутый круг получается. После имплантации назад пути нет, а период адаптации к новой реальности столь страшен, что ночные кошмары кажутся добрыми мультиками по сравнению с любым выходом на поверхность, но попробуй пожалуйся – даже малейшее проявление человеческой слабости в Ковчеге считается признаком неполноценности и карается лишь одним способом: малодушный боец группировки либо загадочно погибает, либо оказывается на операционном столе, где хирурги и мнемотехники на свой лад устраняют «огрехи природы»…

Остановившись у старой, полуразрушенной пристани, Дитрих сплюнул, на миг приподняв дыхательную маску, затем расчехлил электронный бинокль и стал внимательно осматривать окрестности. Он уже понял, что выжить можно лишь одним способом: забыть все, что существовало раньше, выкинуть прошлое, начать с нуля, принимая адские правила игры, стать зверем, постоянно находящимся настороже, не прощать слабость другим и выжигать ее в себе…

Размышляя, он и сам не замечал, как мысленно повторяет одну из истеричных речей лидера Ковчега.

Трое боевиков, остановившихся чуть поодаль, контролировали ближайшие заросли металлорастений, пока их командир изучал окрестности. Сегодня все мнемотехники, энергики, метаморфы и бионики были брошены на зачистку тамбура и в патруль послали тех, кто первым подвернулся под руку коменданту тридцать шестого бункера.

Дитриха молодые сталкеры откровенно побаивались. Всего полгода как пришел в Пятизонье, а от него уже веет могильным холодом, словно он умер, потерял все человеческое, стал сродни сталтехам, навек замкнулся в себе, уже не проявляя эмоций.

…Опустив бинокль, он собирался подать знак, возобновляя движение по маршруту, как вдруг сдавленно пискнул мью-фон, затем после автоматической подстройки частоты раздался хриплый незнакомый голос:

– Альфа-12-1, всем, кто меня слышит. Отказала система навигации. Нахожусь в разрушенном производственном корпусе… Метрах в тридцати от позиции наблюдаю открытое водное пространство!..

* * *

Водная стихия сыграла с Титановой Лозой злую шутку: на глубине

восприятие резко меняется, и она не уловила признаков начинающегося катаклизма.

Пульсация ударила, когда она только преодолела Барьер и намеревалась всплыть к поверхности водохранилища, чтобы активировавшиеся импланты смогли идентифицировать расположенные на берегу ориентиры.

К счастью, Дарлинг находилась еще глубоко под водой, когда вал незримой энергии пронесся над изувеченным пространством. На глубине ощущался лишь слабый отголосок удара стихии, но и его оказалось достаточно, чтобы импланты ушли в сбой, а она от неожиданности едва не задохнулась, на несколько мгновений потеряв сознание.

Удивительная живучесть Титановой Лозы уже давно начала обрастать различными легендами. Действительно, ее способности были уникальны, она часто находила выход из смертельных, тупиковых ситуаций, но объяснить свое поведение порой не могла. Что-то жило внутри нее, проявляясь лишь от случая к случаю. Так же обстояло дело и с характером. Она могла демонстрировать непоколебимое спокойствие и рассудительность, быть жестокой, когда того требовали обстоятельства, и вдруг, только что выйдя из кровавой схватки, остановиться, залюбовавшись случайно увиденным металлорастением необычной формы, заметить в нем некую природную красоту, гармонию скупого рационального совершенства, либо (такой случай был хорошо известен) пожалеть покалеченного в бою механоида и трое суток потратить на поиски легендарного Механика…[8]

Вот и сейчас, выпустив в момент потери сознания мундштук дыхательного аппарата, она не захлебнулась, ее губы плотно сжались, Дарлинг инстинктивно задержала дыхание, словно ее организм управлялся не только разумом.

Через пару секунд, когда реальность вернулась, она едва не поддалась панике, чувствуя, что тонет, но, совершив несколько резких движений, быстро опомнилась, пришла в себя.

Поймав шланг кислородного баллона, она сделала два глубоких вдоха.

Пульсация…

Дарлинг не решилась всплывать. Импланты второго уровня все еще находились в сбое, сориентироваться под водой, казалось, нет никакой возможности, но она все же нашла выход из ситуации. Расстегнув магнитную липучку, Лоза вытащила из небольшого подсумка единственное микроустройство, которое взяла с собой, – маркер, чья индикационная

стрелка всегда указывает на тамбур.

Теперь определить нужное направление уже не составляло труда. Новосибирская зона перехода располагалась недалеко от плотины Обской ГЭС, значит, следовало забирать правее, чтобы приблизиться к берегу в районе Нового Поселка, где она оставила в тайнике свою боевую экипировку и оружие.

Около получаса потребовалось Титановой Лозе, чтобы достичь мелководья, где обвалы береговой линии создали пологий рельеф дна. Здесь громоздились бетонные обломки, торчали обросшие ржавчиной и известковыми отложениями прутья арматуры, кое-где виднелись следы обитающих в акватории водохранилища крупных механоидов.

Выбравшись на берег, Дарлинг присела за грудой камней, первым делом освободилась от веса акваланга, сняла маску, оставшись в гидрокостюме, затем осмотрелась.

Здание, в котором располагался тайник, смутно просматривалось метрах в двухстах от нее. Пульсация, судя по всему, завершилась, в направлении тамбура мелькали отсветы разрывов, оттуда доносился приглушенный расстоянием рокот – это боевые группы Ковчега осуществляли плановую зачистку подконтрольной им территории.

Имплантированное устройство мью-фона внезапно заработало, автоматически переключившись на частоту боевых групп Ковчега:

– Бункер 36, на связи патруль.

– Бункер, принимаю.

– Это Дитрих. Запеленговал источник сигнала на частоте военных. Похоже, кого-то выбросило пульсацией.

– Конкретнее?

– Передача ведется из руин промышленного здания. Я мало что разобрал. Позывной для сталкеров нехарактерный. Какой-то Альфа-12-1.

– Что на сканерах?

– Вижу один объект. Человек в броне. Похоже на экипировку Ордена.

– Так в чем проблема, Дитрих?! Просто убей его!

– Понял. Выполняю!

…Дарлинг, задействовав импланты, сконцентрировала внимание в указанном направлении.

Действительно, в здании, где она оставила снаряжение, кто-то находился. Неподалеку четверо боевиков Ковчега развернулись в цепь и короткими перебежками, двигаясь от укрытия к укрытию, начали приближаться к позиции одинокого сталкера.

Его броня, насколько могла судить Дарлинг, действительно имела

много общего с экипировкой Ордена.

Еще не приняв окончательного решения, стоит ей вмешиваться или нет, Титановая Лоза мысленно апеллировала к базам данных Ордена, осуществляя поиск по двум ключевым компонентам: файлу, содержащему данные сканирования странного бронекостюма, и позывному Альфа-12-1.

Через несколько мгновений, получив результат, она невольно вздрогнула от неожиданности.

Кем бы ни оказался попавший в ловушку сталкер, а выручать его придется. Хотя бы для того, чтобы задать пару вопросов.

«Сердце зверя» успело зарядиться и теперь преданно покалывало запястье. Лоза, активировав боевые импланты, неслышно, будто тень, скользнула навстречу четверым боевикам Ковчега.

* * *

Егор, предприняв несколько безуспешных попыток связаться с кем-либо, решил действовать самостоятельно. «Сначала разберусь с экипировкой, затем начну поиск. Рано или поздно кого-нибудь обнаружу…»

Запустив режим самодиагностики бронескафандра, он временно отключил сканеры и устроился подле пролома в стене. Достал нанокомп, надеясь сориентироваться при помощи встроенной в него системы спутниковой навигации.

Пусто.

Ни одного спутника нанокомп не зафиксировал.

«Ладно. Режим самодиагностики выявит неисправности в тактической системе навигации, и тогда станет ясно, где я нахожусь». Запустить навигатор можно и без спутников, например, по характерным ориентирам, уникальным для каждой местности. Необходимая база данных, содержащая миллионы контрольных точек для всех территорий России, входила в штатный комплект программного обеспечения бронескафандра.

Присев, он наблюдал за подступами к зданию, устав гадать, что за акватория начинается за полоской автомагистрали?

Внезапно на фоне сумрачной мглы промелькнула человеческая фигура, а в следующую секунду короткая очередь, выпущенная из «Шторма», превратила в пыль несколько кубических дециметров кирпичной кладки, едва не снеся Баграмову голову.

Он резко ушел вбок, пробежал, согнувшись, мимо двух оконных проемов, вжался в простенок у третьего.

Проклятье… Кто бы это мог быть?! Мародеры?

Сканеры в перезагрузке. Система ушла в тестирование. Связи нет…

Егор осторожно выглянул наружу. Метрах в пятнадцати от его позиции вновь промелькнули и исчезли, укрывшись за обломками бетонных плит, две фигуры, облаченные в безликую, лишенную опознавательных знаков экипировку. Точно не стандарт МЧС. И на спецов не похожи, двигаются так, словно тактике ведения боя их никто не учил. Да и снаряжение, насколько он успел заметить, странное. Вместо бронированных сферических шлемов головы неизвестных защищали кевларовые каски западного образца, на лицах – дыхательные аппараты, на теле минимум металла, в основном композитная защита, вшитая в черную ткань удобной однотипной одежды. Вооружены российскими ИПП «Шторм».

Баграмов анализировал увиденное, следуя укоренившейся привычке. В бою не бывает мелочей. Порой незначительное наблюдение помогает выжить, принять мгновенное решение, определяющее тактику действий.

Он мыслил категориями полученного задания. Направляясь в зону техногенной катастрофы с разведывательной миссией, Баграмов получил четкое предупреждение – командование не исключает теракт.

Боевики? Возможно. Но не основная группа, а вспомогательное подразделение. Слишком скверно движутся, плохо выбирают позиции. По логике, где-то рядом еще человека два-три затаились, в готовности прикрыть огнем подбирающихся к зданию.

Сейчас станет ясно. Капитан коснулся заглубленного в рукоять ИПК сенсора, переводя оружие в режим автоматического огня. Учитывая ситуацию жесткой автономии, энергию и боеприпасы следовало беречь, но в данный момент капитан намеревался лишь деморализовать противника и заодно выяснить его количественный состав. Группу напуганных катастрофой местных жителей он исключил сразу. Однотипная экипировка, современное вооружение, минимальная боевая слаженность – деталей более чем достаточно для уверенного вывода.

Чуть привстав, он дал длинную очередь по груде строительных материалов, за которой пару секунд назад исчезли две фигуры в черном.

Пуля, выпущенная из импульсного пулемета, на коротких дистанциях не рикошетит, ее кинетическая энергия мгновенно переходит в тепловую, выжигая и распыляя определенный объем препятствия, в зависимости от свойств материала, его составляющего.

По кирпичу или бетону очередь крупнокалиберного импульсного оружия бьет особенно эффектно.

Несколько вросших в землю, вставших на ребро плит перекрытия прошибло навылет, оставляя в них дыры величиной с кулак, окутывая укрытие клубами едкой белесой пыли, разрывая пространство за ним мельчайшими, горячими, острыми фрагментами бетонной крошки.

Для необстрелянного бойца выпущенная в упор очередь ИПК – это как минимум контузия и тяжелый психологический шок. Баграмов по себе знал: ощущение намного хуже, невыносимее, чем от воя падающей мины, кажется, что защита бесполезна, окружающее пространство мгновенно превращается в горячее пылевое облако, сотни фрагментов каменной крошки секут по броне, рикошетят, ударные волны сжимают, деформируют реальность, словно ты на несколько секунд, растянутых в субъективную вечность, вдруг окунаешься в жерло проснувшегося вулкана…

Резко сменив позицию, Егор успел отчетливо заметить, как метров с тридцати ударили еще два автомата, рыжие от кирпичной крошки султанчики щедро сыпанули по стене, оставляя в ней глубокие выщербины.

Четверо, значит…

Притаившись у очередного иззубренного пролома, капитан активировал оптико-электронный прицел ИПК. На дымчатом проекционном забрале боевого шлема тут же возникло подернутое незначительными помехами контрастное изображение местности, расчерченное прицельной сеткой, в узлах которой бежали сменяющие друг друга цифры – дальность, поправки на гравитацию и ветер…

А вот фигур, оконтуренных алым, оказалось не четыре, а пять.

Двое за бетонными плитами – один вжался в землю, другой скорчился, прижимая к груди руку. Эти пока не в счет. Один контужен, второй ранен, оба деморализованы.

Следующая пара.

Движутся от оплывшей, местами разрушенной насыпи дорожного полотна, петляя, совершая короткие перебежки от одного укрытия к другому. Нормально. Пока добегут, пока займут позиции для стрельбы, осмотрятся – секунд двадцать есть в запасе.

Пятая фигура, зафиксированная датчиками тепловидения и детекторами движения, более других заинтересовала Егора. Автономная система анализа целей, встроенная в ИПК, расшифровала некоторые детали: по анатомическому строению пятый сигнал принадлежал девушке, безоружной, облаченной в облегающую тело одежду из плотного синтетического материала, возможно, гидрокостюм, – промелькнула мгновенная догадка, но более всего капитана насторожила не экипировка незнакомки, а целеустремленность ее действий.

Двигаясь со смертельной грацией опытного бойца, она заходила в тыл группе боевиков, нисколько не смущаясь их явным численным и огневым превосходством.

* * *

Дарлинг действительно намеревалась атаковать.

Сталкер, засевший в здании, вел себя достаточно грамотно, чтобы в одиночку разделаться с боевиками Ковчега. Она видела, как он прижал двоих очередью из «карташа» и тут же затаился, не совершая лишних движений, спокойно наблюдая, как прикрывающая пара лезет на дистанцию кинжального огня.

Она вполне могла бы понаблюдать за ситуацией со стороны, но не выплеснутая на Бетонном острове горечь все же толкнула ее вперед – нервы, напряженные до предела, требовали действия, какой-то разрядки, иначе от саднящего чувства, горьким комом засевшего в груди, можно было попросту сойти с ума, совершить более значимый и непоправимый поступок, чем помощь незнакомому сталкеру.

Двое боевиков, осыпав стену старого промышленного здания бестолковыми очередями из автоматов, миновали дорожную насыпь, найдя укрытие в небольшой воронке.

Лоза, контролировавшая через мью-фон частоту Ковчега, с досадой отметила, что сталкер все же не настолько опытен, как виделось поначалу. Патрульную группу следовало вырезать быстро, пока они не связались с бункерами и не вызвали подкрепление.

«Сердце зверя» уже не просто пощипывало запястье, оно внезапно начало переполняться энергией – верный признак того, что где-то поблизости еще сохранились остаточные явления, порожденные пульсацией Узла. Тот редкий случай, когда силы можно черпать из окружающего пространства, но Дарлинг и без того едва сдерживала губительный порыв: пронизанные имплантами подушечки пальцев ее левой руки уже соприкоснулись, образуя временное единение, боевой генератор включился, она остановилась за спинами боевиков Ковчега, не добежав до укрывшей их воронки каких-то десять метров, и вдруг…

В воздухе начал стремительно формироваться дымчато-сиреневый шар, диаметром сантиметров двадцать, не меньше. Резкое свечение, прорвавшееся из глубин возникшего прямо на глазах энергетического сгустка, внезапно озарило окрестности, от ближайших зарослей автонов сыпанули искры, сопровождая два голубоватых дуговых разряда, ударивших от металлорастений к шару. Призрачное сияние высветило из

сумрака фигуру Титановой Лозы, двое боевиков, прятавшихся в воронке, вскочили, оборачиваясь, вскидывая оружие, но любое противодействие безнадежно запаздывало. Дарлинг совершила плавное движение ладонью правой руки, как будто отталкивая от себя парящий в метре над землей энергетический сгусток, и тот, покачнувшись в воздушном потоке, внезапно ускорился, ослепительным росчерком ударив в грудь ближайшего боевика, а затем, потеряв стабильность, взорвался, хлестнув цепью ветвистых молний по облаченным в черную экипировку фигурам.

Дикие, нечеловеческие вопли потонули в рокочущем ударе воздушной волны, рванувшийся вдоль земли ветер принес резкий запах озона, смешанный со смрадом обугленной плоти и жаром раскаленного металла.

…Дитрих, не успев выстрелить, упал, его тело, пораженное несколькими высоковольтными разрядами, сотрясалось в судорогах, имплант вышел из строя, зато внезапно активировался блок аварийной видеозаписывающей аппаратуры, вмонтированной в шлем.

Дарлинг опустила руки.

Ее скопившаяся ярость выплеснулась, нервные окончания еще пылали болью. Вторя им, из-под земли, там, где виднелись подпалины от энергетических разрядов, пробились язычки пламени; бьющееся в агонии тело боевика содрогалось на краю воронки, в остекленевших глазах Дитриха отражались сполохи занимающегося пожара и фигура Дарлинг – именно такую картинку сейчас, в режиме реального времени передавала на контрольные мониторы центрального бункера включившаяся подсистема боевой экипировки.

* * *

Равнодушно скользнув взглядом по распростертым вокруг телам, незнакомка, действительно облаченная в гидрокостюм, направилась прямиком к зданию, где держал позицию Баграмов.

Егор, отступив на пару шагов от пролома стены, временно отключил поляризацию шлема.

Дарлинг оценила жест – войдя внутрь полуразрушенного цеха, она остановилась и внимательно посмотрела в глаза незнакомого сталкера.

В глубине его зрачков она прочитала выражение откровенной оторопи, непонимания и даже неприятия случившегося.

После использования боевого импланта в душе Титановой Лозы царила сосущая пустота. Знакомое ощущение минутного бессилия, отрешенности, равнодушия к окружающему миру и происходящим в нем событиям нахлынуло и не отпускало. Ей пришлось бороться с собой, чтобы

удержать в мыслях проблемы текущего момента, не поддаться слабости и не оказаться беззащитной перед лицом внезапной опасности.

– Говори, как тебя зовут, к какой группировке принадлежишь? – Голос Дарлинг прозвучал ровно, без интонаций. Она шагнула в глубь помещения, подошла к одной из оплывших гор мусора, отодвинула лежащий на боку треснувший пластиковый контейнер и стала доставать из тайника оставленную там боевую броню.

Баграмов, только что наблюдавший нечто *невозможное*, по крайней мере с точки зрения известных ему знаний и технологий, не сразу нашелся что ответить.

– А ты кто такая? – наконец произнес он.

– Дарлинг, – скупо ответила Титановая Лоза. – Разведчик Ордена. Ну, ты будешь молчать или все же представишься?

Егор отошел к провалу оконного проема, присел, наблюдая за окрестностями, а затем, мысленно махнув рукой на парадоксальность ситуации, глухо изложил ей все, что произошло с ним, опуская некоторые детали операции, которые считал секретными.

Дарлинг, внимательно слушая его, начала экипироваться.

В какой-то момент она насторожилась. Егор продолжал рассказывать о том, как очнулся, о безуспешных попытках связи, а ее зрачки вдруг сузились, Титановая Лоза скептически поджала губы и произнесла, прерывая Егора:

– Только не лги, ладно? Ненавижу, когда передо мной изворачиваются.

Егор зло посмотрел на нее.

– Я сказал тебе правду.

– Ну да, я поняла. Ты сумасшедший. Сам веришь во все, что придумал, верно? Наслушался рассказов о пропавшем в тоннелях спецназе и вообразил себя парнем из прошлого? – Она некрасиво усмехнулась. – А другим ты, наверное, рассказываешь о пропавшей ветви сталкеров? Ну, тех, что потерялись в пространстве и времени? А древнюю экипировку зачем нацепил? Откуда этот ржавый хлам на тебе? Двигаться не мешает?

– Я не понимаю, о чем ты. – Баграмов разозлился не на шутку. Его терпение тоже имело свои границы. – Кто такие сталкеры? Почему ты решила, что я лгу?

Дарлинг продолжала молча экипироваться. Вопросы незнакомца она игнорировала.

Достав из тайника оружие, девушка покосилась на Егора.

– Ну что ты так уставился на меня? Армгана никогда не видел? – Она ловко отщелкнула энергоблок, деактивируя оружие, и снисходительно

протянула Баграмову компактную модель лазера, адаптированную для ношения на руке.

Он видел подобное устройство лишь однажды. Пару лет назад всех офицеров ВКС ознакомили с перспективными секретными разработками. Под строжайшей подпиской о неразглашении.

Армган? Сленговое название? Где, интересно, она украла образец энергетического оружия? В какой-нибудь из засекреченных лабораторий, оказавшихся в зоне катастрофы?

Не обращая внимания на насмешливый взгляд Дарлинг, он с неподдельным интересом вертел в руках компактную лазерную винтовку.

При ближайшем рассмотрении излучатель не выглядел новым. На его корпусе виднелись многочисленные царапины, в местах креплений Егор заметил потертости, по кожуху короткого «ствола» змеилась трещина, аккуратно заделанная при помощи неизвестной ему субстанции серебристого цвета.

Дарлинг требовательно протянула руку.

– Налюбовался? Давай, мне некогда. Добудешь себе такой же – рассматривай сколько влезет. – Она бесцеремонно забрала у Егора армган и защелкнула его крепления поверх тыльной стороны запястья правой руки.

Оружие прочно прикрепилось к броне, войдя креплениями в специальные пазы. Капитан, исподволь наблюдавший за действиями Дарлинг, мысленно подметил, что девушка все делает без суеты и лишних движений, машинально, – для нее все происходящее не больше чем рутина.

Внезапно по осунувшемуся лицу Титановой Лозы промелькнула тень удивленного недоверия. Похоже, Дарлинг что-то заметила и несколько секунд напряженно обдумывала внезапно сделанное открытие, а затем машинально отступила на шаг, при этом ее рука согнулась в локте, оружие активировалось, выдвигая под указательный палец сенсорную гашетку.

Баграмов даже не шевельнулся.

Срубить ее короткой очередью из ИПК не составляло проблемы, но он остановил рефлекторную реакцию.

– Проблемы? – Егор, не меняя позы, вопросительно посмотрел на нее.

– Ты… натурал?! – Дарлинг не стреляла, в ее взгляде вдруг промелькнула брезгливая жалость.

Егор не понял вопроса.

– В смысле?

– Точно, чокнутый… – Она опустила руку, армган тут же сдвинулся чуть назад, гашетка автоматически сложилась в корпус. – Ты вообще на что рассчитывал? Выжить тут?!

– Так. – Баграмову категорически не нравилась двусмысленность ситуации. – Кто такие натуралы? Надеюсь, речь не идет о сексуальной ориентации?

– Ты больной на всю голову, если решился проникнуть в Зону, нацепив этот ржавый хлам. Тебя прибьют, не пройдешь и десяти шагов!

– Как видишь, прошел! – огрызнулся капитан. – Лучше объясни, кто такие натуралы? В твоем понимании?

Дарлинг поджала губы, затем все же ответила:

– Натуралы – это люди из-за Барьера. Чистые. Неимплантированные. Знаешь, я думала, что в Большом Мире уже не осталось таких придурков, которые смертельно рискуют в поисках романтики. Видимо, ошиблась.

– Я здесь на боевом задании! – Егор на секунду утратил самоконтроль. Вмиг в душе вспыхнул жаркий удушливый ком – жалящий клубок раздирающих рассудок противоречий, где сплелись и травматические вспышечные воспоминания, и острое, режущее беспокойство за жизни ребят из его группы, и категорическое непонимание происходящего вокруг. – Нас послали через Барьер, мы первыми прошли по проложенному под землей тоннелю! – Он заговорил резко, грубо. Все, что видел и воспринимал Баграмов, шло вразрез с элементарной логикой. Мысли, чувства, ощущения – их не списать на контузию, полученную в момент взрыва вертолета, не выкинуть из головы, как галлюцинацию, и не принять как данность…

Замкнутый круг, словно он застрял где-то между небом и землей, между правдой и ложью.

– Стоп. – Дарлинг отступила еще на шаг, но на этот раз активировала не оружие, а сканер, чиркнула лазерным лучом по маркеру бронескафандра Егора, нахмурилась, мысленно споря сама с собой, затем ее взгляд неожиданно замутился, словно рассудок девушки на долю секунды ускользнул в иное измерение. – Как ты сказал: капитан Баграмов? Военно-космические силы России? Двенадцатый отряд особого назначения? – Казалось, что она уже не цитирует услышанное, а извлекает информацию из недоступного Егору источника.

– Да, – кивнул он.

– Есть такой в базе данных. – Огонек мистического ужаса мелькнул и погас в ее глазах. – Серийный номер бронекостюма, имя, фамилия, звание, подразделение – все совпадает. За исключением одной небольшой проблемы – капитан Баграмов и его группа без вести пропали в «Курчатнике» четыре года назад!

Глава 3 Тамбур

Академзона. Бункера Ковчега

Генрих Хистер частенько захаживал в главный информационный центр.

Здесь, в самом охраняемом из бункеров, сплетались незримые нити информационных каналов, на сотни экранов выводились данные, полученные через сеть мью-фонов – устройств связи, созданных техносом Пятизонья.

Хистер был циничен и хитер. Он выстраивал свою власть над Ковчегом, эксплуатируя сильные, но низкие человеческие качества, держа подчиненных в постоянном страхе, сознательно преувеличивая опасность, источаемую отчужденными пространствами, внушая рядовым членам группировки ненависть к техносу, и в то же время спокойно используя его достижения в личных целях.

Ни одно средство коммуникации, кроме мью-фонов, извлекаемых из подбитых механоидов, не работало в Пятизонье столь же бесперебойно и адекватно.

Хистер, постоянно твердя о своей непримиримой ненависти к любому порождению эволюционировавшей техносферы, создал целую сеть мью-фонных устройств, через которую к лидеру Ковчега стекалась информация о событиях, происходящих не только в труднодоступных участках отчужденных пространств. Благодаря тайной сети мью-фонов он был прекрасно осведомлен обо всех разговорах и поступках подчиненных, умело манипулируя полученными сведениями.

Он карал и миловал, упиваясь ничем не ограниченной властью, возвышал одних и уничтожал других, но были и в его жизни тайны, моменты, о которых он никогда не рассказывал в пламенных речах, обращенных к «совершенным людям» – так Генрих Хистер именовал наиболее верных своих приспешников.

Этим утром он наблюдал за пульсацией, затем некоторое время провел, созерцая кровавое реалити-шоу, продолжавшееся, пока боевые группы зачищали зону тамбура, и хотел уже отправиться обедать, когда его внимание привлекла к себе группа обособленных устройств голографического воспроизведения, так называемый «аларм-сектор», куда поступали данные от аварийных устройств, включающихся в случае ситуаций непредвиденных, связанных с гибелью боевых групп.

Повернувшись на звук тревожной сигнализации, он оперся о спинку кресла, впившись взглядом в объемное изображение.

Передающее устройство подергивалось, видимо, командир патрульной группы, личные данные которого присутствовали в развертке телеметрии, в данный момент пребывал в агонии.

Хистер заинтересованно подался вперед.

Что там могло произойти?

В фокусе передающего устройства плясали язычки пламени, виднелся участок опаленной, дымящейся почвы, затем голова Дитриха запрокинулась, и лидер Ковчега внезапно увидел стройную девушку, облаченную не в боевую экипировку, а в странный облегающий тело цельнокроеный костюм…

Хистер смертельно побледнел.

Оператор, следящий за другими стереомониторами, внезапно услышал сдавленный, сипящий звук, обернулся – и не поверил своим глазам: Генрих Хистер, которого было принято считать богом, стоял подле секции аварийных экранов бледный как смерть, его фигура сгорбилась, плечи опустились, водянистый взгляд сочился ненавистью и страхом, губы мелко дрожали, словно он увидел на экране акт собственной смерти.

Оператор не успел ничего предпринять.

Хистер, повернув к нему трясущуюся голову, вдруг, изменяя обычной надменной вальяжности, закричал тонким, срывающимся на визг голосом:

– Всем группам – тревога! – Он резким движением потянулся к пульту, остановил кадр, дрожащими пальцами указал на странную девушку и выкрикнул: – Взять ее живой! Немедленно! – Хистер орал так, словно его в эту секунду самого рвали на части. – Не дать ей уйти!

Боевые группы, поднятые по тревоге, уже покидали бункера, а лидер Ковчега, бессильно опустившись в кресло, продолжал смотреть на остановленный кадр, что-то беззвучно шепча побелевшими губами.

Единственное, что сумел разобрать оробевший оператор, было несколько раз произнесенное имя «Савва», которое уж никак не могло принадлежать странной девушке, напугавшей Хистера, словно призрак всех его грехов, поднявшийся из опечатанной могилы.

* * *

– Существует только одно объяснение случившемуся с тобой, – произнесла Дарлинг, маскируя тайник.

– Все же поверила мне? – Егор по-прежнему занимал позицию у

пролома, наблюдая за подступами к зданию. Глядя вдаль, он никак не мог внушить себе, что происходящее с ним – не бред. – Где я провел последние четыре года? Почему не помню ни мгновения из прожитого? Как очутился за тысячу с лишним километров от Института Курчатова?

Титановая Лоза ответила не сразу. С одной стороны, результаты сканирования совпадали с данными, содержащимися в базах данных Ордена, экипировка Баграмова не являлась подделкой, он не был имплантирован и, похоже, с трудом понимал, что застрял в ином измерении, потеряв четыре года жизни. Но с другой – Дарлинг не забывала, что у Ордена множество врагов и появление «капитана Баграмова» вполне может быть еще одной провокацией.

Что, если он – хорошо подготовленный агент, хотя бы того же Ковчега? Попытка сыграть на идеологии Ордена вполне в духе Хистера. В таком случае настоящий капитан Баграмов давно погиб?

Дарлинг терялась в сомнениях. После пульсации связь между отчужденными пространствами нарушалась на неопределенное время. Пройти, используя маркер, можно, а вот использовать мью-фон – проблематично. Она не могла прямо отсюда послать сообщение в Орден или воспользоваться правом доступа к глобальной базе данных Цитадели, где наверняка хранятся биометрические данные Баграмова, как и всех пропавших в Узле сталкеров.

Искоса посмотрев на Егора, Дарлинг продолжала мучительный мысленный спор сама с собой.

Она ни на секунду не забывала о записи разговора, услышанного на Бетонном острове. Информацию необходимо как можно быстрее доставить в Орден, и вдруг ей на пути попадается человек, способный стать живым подтверждением многих легенд… Не слишком ли?

Но, если он действительно командир пропавшей группы спецназа, мой долг спасти его жизнь, доставить Баграмова в Цитадель.

Если он действительно тот человек… – Титановая Лоза внезапно ухватилась за промелькнувшую мысль. Существовал еще один способ проверки, вариант, отвечающий ситуации, способ вывести Баграмова из аномальных пространств, и даже более того – получить от Егора реальную помощь.

– У нас нет времени даже на популярное изложение теорий, – произнесла Дарлинг, присев рядом с Егором. – Тебе придется признать очевидные факты и жить с этим. Сейчас октябрь 2055 года. Вот те руины вдалеке – окраина Новосибирска. Между пятью отчужденными пространствами существуют каналы мгновенной транспортировки, –

пояснила она, предупреждая закономерный вопрос. – Они и образуют Узел, расположенный вне наших понятий о пространстве и времени. Считается, что формирование Узла и возникновение его проекций на наше измерение стали причиной катастрофы пятьдесят первого года.

Баграмов, выслушав ее, недоверчиво переспросил:

– Сказанное тобой – это научная теория или новая религия отчужденных пространств?

Дарлинг на секунду задумалась.

– Скорее практика, – ответила она. – Многие сталкеры видели пространство Узла, но только мельком. Воспоминания о нем приходят позже, уже после процесса транспортировки. Они проявляются в виде кошмаров по ночам или внезапных видений. Мы верим, что Узел существует, цель наших жизней – найти устройство доступа к нему…

– Зачем?

– Узел хранит великие тайны. Он – источник всех нынешних бед, но он же даст могущество их преодолеть, сделает нас другими – способными выжить на Земле будущего, которое наступит, когда Барьеры исчезнут, а наша планета превратится в одну огромную Зону.

– Мрачноватая перспектива… Кто-нибудь, кроме меня, возвращался *оттуда?*

– Нет, – ответила Дарлинг, напряженно о чем-то размышляя. – Я должна задать тебе важный вопрос, – неожиданно переключилась она на другую тему.

– От ответа на который будет зависеть моя жизнь? – невесело усмехнулся Баграмов. Его понемногу охватывала нервная дрожь. Все, что он услышал, попахивало мистикой, но, в общем-то, уже не шло вразрез с известными ему фактами.

Дарлинг чуть сместила руку с закрепленным поверх брони армганом.

– А ты не усмехайся. Я стараюсь верить тебе и попытаюсь помочь выжить.

– Хорошо, спрашивай.

– Кто отправлял твою группу на задание?

– Полковник Решетов.

Дарлинг мысленно сверилась с имплантированными базами данных. Полковник Решетов. Военно-космические силы России. Руководил отправкой разведывательных групп в зону «Курчатника». Пропал без вести при первой попытке зачистить Сосновый Бор от эволюционировавших механизмов.

– Хорошо. Еще один вопрос: кто руководил всеми операциями в

первые дни катастрофы?

– Генерал Шепетов, – не задумываясь, ответил Егор.

Дарлинг невольно вздрогнула.

– Ты знаешь его? Лично?

– Встречались, – кивнул Баграмов. – Пересекались во время боевых действий одной локальной войны. Хороший мужик.

– Думаешь, он тебя вспомнит?

– Не сомневаюсь.

Дарлинг нервно покусывала губы.

– Вот что, Егор, – Титановая Лоза окончательно утвердилась в принятом решении, – при других обстоятельствах я бы отвела тебя в Цитадель для проверки. Но мне придется дать тебе другое задание.

– Задание? Почему ты решила, что я стану его выполнять?

– У тебя нет выбора. Твой организм не адаптирован к условиям отчужденных пространств. Ну, продержишься еще пару суток, может, неделю, затем закончится запас химических реагентов системы поддержания жизни, и ты погибнешь. Если раньше не станешь добычей механоидов.

Баграмов мрачно промолчал. В ее словах, как ни крути, прозвучала правда. Боевой скафандр почти разряжен, продуктов и воды нет, метаболический имплант рассчитан всего на неделю автономной работы.

– И чего ты от меня хочешь?

– Я дам тебе маркер, настроенный на Сосновый Бор…

Егор недоуменно взглянул на Дарлинг.

– Маркер? Что это такое?

– Навигационное устройство. Оно позволяет переместиться по точному адресу. Без него попытка пройти через Узел обернется непредсказуемыми последствиями. Ты либо снова застрянешь вне пространства и времени, либо тебя выкинет в произвольной точке отчужденных территорий.

Егор задумался. Его явно впутывали в непонятные события, а исполнять роль марионетки он не любил.

– Зачем мне в Сосновый Бор?

– У меня есть чип с очень важной информацией. Его необходимо передать Шепетову. Сосновый Бор сейчас контролируют военные. Ими командует генерал Званцев – он предатель, запомни это. Когда выйдешь в зону тамбура, сразу беги. – Дарлинг на миг замолчала, мысленно считывая данные с имплантированных носителей. – Вправо на сто метров. Там начинается овраг, он не простреливается с блокпостов. Только

заминирован. Я дам тебе сканер, он поможет обнаружить мины и ловушки. Дальше свернешь в первое ответвление, пройдешь по нему два километра. Вокруг увидишь заросли автонов, не пугайся, они не опасны, если только не лезть в самую чащу…

– Автоны? Что это такое? – вновь перебил ее Баграмов.

– Так мы называем все металлорастения, – лаконично ответила Дарлинг. – Когда пройдешь заросли, остановись и еще раз активируй маркер. – Она достала компактный, умещающийся на ладони прибор. – Здесь вмонтировано устройство связи, работающее на секретной частоте Ордена. В каждой из пяти зон отчуждения есть наши базы. Ими руководят Приоры. В Сосновом Бору по сигналу, полученному от маркера, тебя встретит Приор Глеб. Он проведет через блокпосты военных, ну а дальше… дальше ты справишься сам, ведь среди офицеров, командующих силами периметра, наверняка найдутся те, кто тебя знает и помнит, верно?

Заметив, что Егор все еще колеблется, она добавила:

– У тебя только один шанс выжить – убраться из Зоны. Без маркера тебе не выйти. Без меня ты даже не доберешься до Новосибирского тамбура – его контролируют боевые группы Ковчега.

– Ты предлагаешь мне жизнь в обмен на услугу?

– Верно. Что может быть проще?

– Какие данные содержит чип? – Баграмов по-прежнему не хотел действовать вслепую, играя по чужим правилам.

– Запись одного разговора. Большего тебе знать пока не нужно. Просто передай информацию Шепетову.

– Он спросит, откуда я его получил.

– Скажи правду.

Егор пристально посмотрел на нее.

– Имя Дарлинг знакомо генералу?

Щеки девушки внезапно побледнели.

– Да, ты прав. Об этом я не подумала. Но он наверняка узнает мой позывной, – тут же нашлась она. – Скажи, что чип тебе передала Титановая Лоза – он все поймет.

Баграмов кивнул.

За время их короткого разговора он напряженно обдумывал ситуацию, взвешивая свои шансы. На самом деле Дарлинг достаточно точно обрисовала перспективы.

– Один вопрос.

– Спрашивай.

– Как ты выживаешь в этих пространствах?

– Тебя смущает, что я оказалась без экипировки и средств защиты?

– Да.

– Мой организм содержит восемнадцать имплантов. Часть из них – усовершенствованные метаболические устройства, помогающие выжить и без защитной экипировки. Наибольшую опасность в Пятизонье для человека представляют скорги – микроскопические металлизированные частицы, образующие колонии, – пояснила Дарлинг. – Природа их появления до конца еще не выяснена. Одни утверждают, что скорги – это эволюционировавшие колонии нанороботов, другие – что они иная форма жизни, проникшая в наш мир из пространства Узла. Точно я знаю только одно – без главного импланта, содержащего агломерацию скоргофагов,[9] здесь не выжить. Так что решай, у меня нет времени на дальнейшие уговоры. Либо мы расходимся, и ты погибаешь, либо…

– Я согласен. – Егор, оценив свои шансы, пришел к здравому решению: выбраться к своим, а там будет видно. – Чип передам. Но ничего большего я тебе обещать не буду.

– Этого вполне достаточно, – ответила Дарлинг. – Собирайся и пошли. Я выведу тебя к зоне тамбура в обход блокпостов Ковчега.

– А ты? – спросил Егор. – Почему ты не пойдешь со мной?

– Не могу, – ответила Дарлинг. – Во-первых, у меня только одно устройство маркера. Во-вторых, мне необходимо срочно вернуться в Цитадель, а она расположена в другом отчужденном пространстве.

– И как ты без маркера попадешь туда?

– Я достану себе другое устройство. Это уже не твоя забота, Егор. Выполни мое поручение, ты спасешь этим много жизней.

– Но мы встретимся?

– Обещаю. Я отыщу тебя за Барьером. А теперь пошли, у нас больше нет времени на разговоры.

* * *

До зоны Новосибирского тамбура, по словам Дарлинг, было всего несколько километров, но пройти их в темпе не удалось. Они каким-то чудом успели покинуть полуразрушенное промышленное здание, прежде чем постройку плотно обложили боевые группы Ковчега.

– Нас ищут? – спросил Егор, как только они углубились в заросли металлокустарника.

Титановая Лоза молча кивнула, ее сосредоточенное лицо говорило, что она в данный момент занята чем-то исключительно важным, но для Баграмова, практически ничего не знавшего о способностях

имплантированных сталкеров, сосредоточенность Дарлинг казалась едва ли не наигранной.

О чем можно так глубоко задуматься в момент смертельной опасности?

Успешно перезагрузившиеся сканеры бронескафандра вновь начали сбоить, только что он видел на проекционном забрале гермошлема не менее полусотни алых засечек, как вдруг все радикально преобразилось. Теперь по показаниям приборов в окрестностях одиноко стоящего здания вообще не наблюдалось никаких признаков посторонней активности.

– Метаморфы, – заметив недоумение Егора, пояснила Титановая Лоза. – Они маскируют продвижение боевых групп.

– Мета… кто?

– Метаморфы. – Дарлинг сердито сверкнула на него взглядом. – Долго объяснять. Выключи свои сканеры, иначе нас быстро обнаружат!

Баграмов нехотя подчинился. Ему все меньше нравилось развитие ситуации, но спорить – только время терять.

– Пойдем и дальше через заросли, – произнесла Дарлинг. – Двигайся за мной, след в след. Старайся не зацепить ветви, на которых заметишь вот такие вздутия, – она указала на нарост, где зрели н-капсулы.

– Постой. – Егор коснулся ее плеча.

– Ну, что еще? – Дарлинг не выносила, когда кто-то вот так прикасался к ней.

– Нужно определить, как действуем в случае огневого контакта, – сухо произнес Баграмов. – Только не проси меня тихо постоять в сторонке.

В колючем взгляде Титановой Лозы промелькнуло недоумение.

Они были похожи на двух иностранцев, пытающихся общаться в области пограничных для обоих понятий. Чаще всего Егор и Дарлинг просто не понимали друг друга. Титановая Лоза привыкла действовать в одиночку, в любой ситуации рассчитывая только на свои силы и способности, Баграмова учили иному, его боевой опыт предполагал взаимодействие с напарником, хотя бы на уровне элементарной боевой слаженности.

– Будет лучше, если ты не станешь вмешиваться. – Она передала ему предварительно активированный маркер. – Если вдруг столкнемся с егерями лицом к лицу – действуй, как привык. Полагайся на зрение, сканеры, скорее всего, тебе солгут.

– Но я же видел с помощью приборов тех четверых! – по инерции возразил Баграмов. – И тебя, между прочим, тоже заметил.

– Я не маскировалась, – ответила Дарлинг. – А уничтоженный патруль

Ковчега состоял из обыкновенных боевиков. Сейчас на нас охотятся полноценные боевые группы. Ты слишком много разговариваешь, Егор, и часто меня отвлекаешь. Так мы погибнем.

– А что мне делать?!

– Просто следуй за мной. Увидишь кого-то поблизости – предупреди. Стрелять не торопись, это не всегда лучший и единственный выход. Твой маркер я активировала. Как только войдем в зону тамбура и приблизимся к порталу, он сработает автоматически.

– И?

– Тебя переместит в Сосновый Бор. Обо мне не волнуйся. Я уйду в руины Новосибирска, отыщу торговца или вскрою один из схронов. Добуду второй маркер и тоже покину этот регион.

– Ладно. Будем считать, что я все понял, – буркнул Егор, незаметно активируя систему распознавания целей, интегрированную в ИПК.

– Ну что, засек меня сканерами? – неожиданно спросила Дарлинг.

Баграмов опешил. Каким образом она узнала? А ведь действительно, в открывшемся оперативном окне не было сигнала, фиксирующего Титановую Лозу!..

– Ты тоже метаморф?

– Я универсал, – отрезала она. – Пошли.

* * *

Боевые группы Ковчега, обследовав здание, начали прочесывать местность.

Ощущение всевозрастающей угрозы не покидало Титановую Лозу. Она не понимала, где допустила ошибку, чем спровоцировала столь плотное преследование? Сомнительно, чтобы гибель патруля так сильно обеспокоила командование доминирующей в этом регионе группировки. Стычки между свободными сталкерами и боевиками Ковчега происходили регулярно, потери несли обе стороны, и она не видела причины для внезапно начавшегося преследования.

Может быть, дело в нем? – Дарлинг оглянулась на Баграмова. Капитан следовал за ней, сохраняя дистанцию, стараясь больше не тревожить вопросами, оставаясь настороже, – о его внутреннем состоянии свидетельствовало множество внешних признаков, понятных Титановой Лозе. Так ведут себя все новички, попавшие в Пятизонье.

Они медленно, но неуклонно приближались к зоне Новосибирского тамбура.

Еще километр… – мысленно прикинула Дарлинг. Знаком руки

остановив Егора, она сконцентрировалась, исследуя подступы к покрытому трещинами холму.

Проклятье…

Вместо привычной, разорванной цепочки отдельно расположенных блокпостов и редких патрулей она обнаружила сплошной заслон, состоящий из нескольких десятков полноценных боевых групп Ковчега, полностью блокировавших зону тамбура.

* * *

Дарлинг была не так уж и далека от истины в интуитивном предположении, касающемся капитана Баграмова.

Пропустив факт прямой трансляции данных с аварийного мью-фона погибшего командира патруля, она не догадывалась, что Хистер узнал ее. Однако в ходе начавшегося преследования у лидера Ковчега появилась еще одна, не менее веская причина для нервозного желания пленить Титановую Лозу и ее спутника.

Хистер был истеричен и злопамятен, он обладал практически всем букетом человеческих пороков, но никогда не страдал глупостью. Его инстинктивная ярость при виде Титановой Лозы была обоснованна, даже если не принимать во внимание тени прошлого, потревоженные ее появлением. Хистер люто ненавидел все, связанное с Орденом, а Дарлинг занимала в его личном списке врагов второе место после командора Хантера. Мало того что Титановая Лоза принимала непосредственное участие в разгроме нескольких, особо ценных для Ковчега лабораторий, она, сама того не подозревая, являлась предметом черной зависти Хистера, реальным воплощением его представления об идеальном, совершенном человеке, которого лидер Ковчега безуспешно пытался создать на протяжении трех последних лет.

С помощью таких вот идеальных, преданных только ему бойцов Генрих намеревался обрести абсолютную власть в Пятизонье, а после распространить ее и на другие, не затронутые катастрофой регионы планеты.

Его стремления пока что оставались лишь бесплотными мечтами – мнемотехники Ковчега при всем усердии не могли повторить несомненный успех трех Приоров Ордена, имплантировавших Дарлинг.

Хистер грезил тем днем, когда ему повезет пленить Титановую Лозу и отправить ее в свои лаборатории на скрупулезное изучение. Однако сегодня у него появился еще один повод для нервного, напряженного ожидания.

Запись со сканеров командира уничтоженной патрульной группы

взволновала его не меньше, чем факт появления в окрестностях Академгородка Титановой Лозы.

У Ковчега имелись свои, не менее полные, чем у Ордена, базы данных, касающиеся всех ключевых событий, так или иначе отразившихся на процессах формирования Пятизонья. Компьютерный комплекс, установленный по приказу Хистера в информационном центре Ковчега, автоматически анализировал все входящие данные, выводя результаты на персональный терминал лидера группировки в виде отчетов, касающихся выявленных закономерностей, совпадений и даже прогнозов, полученных от экспертных подсистем.

Нет ничего удивительного в том, что, обработав данные, относящиеся к гибели патрульной группы, аналитические программы выдали на терминал Хистера короткую справку:

«Объект, обнаруженный при сканировании здания, идентифицирован. Это Баграмов Егор Андреевич, капитан военно-космических сил России. В 2051 году командовал группой специального назначения, первым проник за границу Барьера в зоне Института имени Курчатова. Пропал без вести в момент спорадической пульсации Узла, произошедшей 15 сентября 2051 года.

Результат анализа файла сканирования сопоставлен с глобальной базой данных. Учитывая все привлеченные данные, включая теорию гиперточки Сливко-Клейна, есть основания предполагать, что капитан Баграмов побывал в пространстве Узла, откуда был перемещен в наше измерение в момент последней зафиксированной приборами пульсации».

Хистер в первый момент не поверил в такую удачу.

Получить две ошеломляющие новости в один день, какая приятная и в то же время нервирующая неожиданность!

Я должен заполучить их. Обоих. Живыми. – Мысли лихорадочно метались в голове Генриха. Трудно даже предсказать, какие перспективы могли открыться после тщательного и всестороннего допроса капитана Баграмова!

Власть над Узлом – это власть над всем Пятизоньем!

Еще никому не удавалось задержаться в пространстве иного измерения и вернуться оттуда!

Спустя несколько минут командиры боевых групп получили уточненное задание: захватить не только Титановую Лозу, но и ее спутника живыми, любой ценой!

* * *

Обнаружив сплошной заслон боевиков Ковчега, блокировавших тамбур, Дарлинг поняла: случилось что-то выходящее из ряда вон, но легче от этого не стало.

Уводить Баграмова в руины Новосибирска означало обречь его на верную гибель, но больше всего Титановую Лозу удручала упущенная возможность пресечь в зачатке провокацию против Ордена.

Без посредничества Егора передавать информацию Шепетову не имело смысла – из отчужденных пространств ежедневно поступало множество различного рода сообщений, и генерал вряд ли просматривал их все. Скорее всего, что чип, даже переданный через Приора Ордена, затеряется в инстанциях или, хуже того, – будет отслежен Званцевым.

Сейчас еще можно предотвратить провокацию силами самих военных, через день или два уже будет поздно. Дарлинг опасалась, что предатели скрываются не только среди послушников Ордена, – множество мрачных, тревожных предчувствий терзали в этот миг ее душу и разум.

Чем дольше пауза, тем тяжелее становилось на сердце.

Существовал только один способ прорвать заслон боевых групп Ковчега, и Дарлинг, измотанная напряженной погоней, все же решилась рискнуть.

– Егор. – Она обернулась.

Баграмов подобрался поближе. Заросли металлорастений в одном месте образовывали прореху. Со склона небольшой возвышенности был хорошо виден покрытый трещинами, лишенный растительности холм, от вершины которого к хмурым небесам поднимался мутный, медленно вращающийся вихрь пепельных оттенков.

– Это зона тамбура, – пояснила Дарлинг. – Чтобы тебя вовлекло в портал, нужно подняться до уровня вон того строения, – она указала на вполне прилично сохранившееся здание типового универмага еще советской постройки.

– И как я туда доберусь? Ты же только что сказала, что все подступы блокированы?

Титановая Лоза вместо ответа передала на проекционное забрало его гермошлема схему окрестностей, с нанесенными на нее данными по дислокации обнаруженных боевых групп противника. Егор, оценив плотное скопление алых точек, растянутое по периметру основания возвышенности, лишь покачал головой – попытка прорваться с боем заранее обречена на провал.

– Я расчищу тебе путь, – неожиданно произнесла Дарлинг.

– Каким образом?

– Привлеку технос.

Егор лишь неопределенно хмыкнул в ответ, но Титановую Лозу, похоже, не волновал его скепсис.

На проекционном забрале внезапно появилась схема движения, отмеченная расположенными с интервалом в сто метров навигационными точками.

– Запиши в память.

– Сделано.

– Начнешь проникновение в зону тамбура только по моей команде. Сейчас выдвигайся к первой отметке и жди. Ничему не удивляйся. Сохраняй спокойствие, что бы ни случилось. Как только дам команду – перебежками вперед. Помочь в зоне тамбура я тебе уже не смогу, если кто-то из боевиков Ковчега попытается встать на пути – просто убей его.

Егор сдержанно кивнул.

Возможно, он бы отказался от непонятного ему, попахивающего самоубийством плана Дарлинг, но мысль о бойцах его группы, возможно, не погибших, а *застрявших* где-то в пространстве загадочного Узла, не давала покоя, заставляя рискнуть.

Если я тривиально погибну от истощения автономного ресурса бронескафандра, им уже никто не поможет, – думал Егор, соглашаясь действовать.

Дарлинг, напряженная как струна, уже начала входить в непонятный Баграмову транс.

– Иди, – глухим, не терпящим возражений тоном произнесла она. – И не забудь – ты должен передать чип Шепетову.

– Не забуду… – буркнул в ответ Егор, начиная спуск по склону, уводящему в овраг.

* * *

Тишина стояла нереальная.

Время уже перевалило за полдень. Ветер, дувший порывами, постепенно утих, текучие, изменчивые облака застыли, от изувеченной поверхности земли, там, где поблескивали заросли автонов, поднималось похожее на туман марево ядовитых испарений.

Боевой сканирующий комплекс, установленный в режим пассивного приема, практически не давал Егору никакой новой информации. Баграмов прошел по неглубокому оврагу до указанной на схеме Дарлинг точки и

затаился.

Памятуя о словах Титановой Лозы, капитан задействовал резервную систему бронескафандра. Высокочувствительные видеокамеры позволили ему внимательно, подетально изучить склоны покрытого трещинами холма, без риска выдать свое присутствие.

Ощущать себя чужаком в непонятном и, как казалось пару часов назад, невозможном с точки зрения здравого смысла мире было жутковато и неприятно. Затаиться и ждать, пока на помощь придет таинственный «технос», стоило Баграмову немалого волевого усилия.

На проекционном забрале гермошлема медленно проплывало укрупненное изображение склона холма, по которому ему предстояло прорываться до серой, обветренной, местами потемневшей от воздействия погодных условий постройки. Витринные проемы старого универмага были заложены мешками с песком, на максимальном увеличении Егор отчетливо различал боевиков Ковчега, засевших внутри. Время текло медленно, ничего не происходило, и они постепенно теряли напряженный настрой ожидания. То в одном, то в другом месте Баграмов замечал контуры человеческих фигур, облаченных в уже знакомую ему экипировку.

Искажения реальности, создаваемые метаморфами, все же не создавали сплошной, непроницаемой оптической иллюзии. Сканеры по-прежнему не фиксировали противника, но визуально Баграмов определил позиции как минимум семи боевых групп, блокирующих склон в границах проложенного Дарлинг маршрута.

Изучая местность из засады, он постепенно вернул себе чувство реальности, мистическая составляющая грядущих событий постепенно истончалась, визуальный контакт с противником помог Баграмову сконцентрировать внимание в узких рамках текущей боевой задачи, он мысленно двигался по маршруту, намечая укрытия, определяя сектора обстрела и мертвые зоны…

…Дарлинг в эти минуты действовала иначе.

Если ранее, во время погони за наемками или в минуты короткой схватки с патрулем Ковчега, она демонстрировала качества, присущие метаморфам и энергикам, то сейчас Титановая Лоза использовала способности мнемотехника.

Ее сознание как будто отделилось от тела, покинуло его, скользя по незримым волнам пронизывающих отчужденное пространство энергий.

Дыхание Дарлинг замедлилось, сердце едва билось, но осунувшееся бледное лицо выдавало крайнюю степень внутреннего напряжения.

В данный момент работал лишь главный имплант да несколько

кибернетических устройств второго уровня, ориентированных на поиск и анализ сигнатур.

Мертвое с виду пространство на самом деле полнилось механической жизнью.

Любой мнемотехник знает, где следует искать механоидов, но не всякий способен контролировать их. Как правило, уровню мнемотехника средней руки сопоставлялась способность отыскать и взять под временный контроль одного из множества представителей техноса, зрелый, опытный, искушенный специалист способен подчинить себе два или три «изделия» – так именовали механоидов военные.

Дарлинг трезво оценивала свои силы, по опыту зная, что способна справиться с тремя крупными механическими носителями, подчинив своей воле управляющие ими колонии скоргов, но сегодня этого недостаточно. Мало получить временный контроль, необходимо поддерживать его на протяжении достаточно длительного отрезка времени. Сложность заключалась в том, что окрестности Новосибирского тамбура тщательно вычищались боевыми группами Ковчега, и найти крупных, потенциально опасных механоидов она могла лишь на удалении в несколько километров от холма.

Титановую Лозу совершенно не устраивал вариант внезапной потери контроля над механическими носителями. Еще в период обучения, когда она только познавала и развивала полученные после имплантирования способности, Приор Глеб, являвшийся наставником Дарлинг во всем, что касалось искусства мнемотехнического воздействия, неустанно повторял ей: не забывай, в реальности настоящего, не учебного боя тебе понадобится втрое больше сил, чтобы направлять механоидов по избранному маршруту. Прежде чем действовать, используя программы мнемотехнического контроля, записанные в импланты, подумай, оцени свои возможности, попытайся отыскать нестандартное решение, которому не смогут противостоять мнемотехники противника…

Дарлинг искала.

Сил, чтобы вести механоидов по сложному многокилометровому маршруту, у нее уже не осталось, и потому Титановая Лоза искала *стаю* – группу исчадий техноса, объединенных локальной сетью обмена данными.

Энергоматрицы необходимых характеристик она неожиданно обнаружила… под водой!

Четыре крупных механоида, по-видимому вытесненные из прибрежной зоны постоянными нападками боевиков Ковчега, нашли себе новый, относительно безопасный, но скудный в плане энергоресурсов

ареал обитания.

Превратности водной стихии заставили их объединить усилия. Титановая Лоза фиксировала устойчивый обмен данными между механоидами, медленно перемещающимися по дну Новосибирского водохранилища, в непосредственной близости от плотины Обской ГЭС.

Только один из четырех механических носителей обладал набором сканеров, эффективно работающих под водой, – именно он и являлся вожаком стаи, координируя действия остальных.

Уроки Приора Глеба, умноженные личным опытом, подтолкнули Дарлинг к импровизации. Зная повадки механоидов, она решила действовать не контролируя, а *провоцируя их*.

* * *

Основной караул, дислоцированный в здании бывшего универмага, возглавлял некто Гюнтер, один из наиболее сильных мнемотехников Ковчега.

Здание, превращенное в неприступный опорный пункт, ощерившееся импульсными орудиями и генераторами электромагнитного импульса, выдержало уже сотни атак как со стороны представителей техноса Пятизонья, так и со стороны сталкеров, принадлежавших к враждебным Ковчегу группировкам.

Гюнтер особенно не беспокоился о полученном задании.

Титановая Лоза – сильный противник, но вряд ли она сегодня решится манипулировать техносом. У нее нет группы поддержки, да и логова механоидов расположены далеко. Ну а если она все же наберется решимости погнать их со стороны основного массива руин Новосибирска, что ж, милости просим, орудийные расчеты на местах, да и перехватить управление двумя или тремя механоидами – не проблема, с учетом поддержки со стороны биоников, постоянно сопровождавших Гюнтера.

Внезапно высоко над склоном холма начал материализовываться потрескивающий, напряженно сияющий сгусток энергии.

Так близко к вихрю создавать нестабильные очаги энергопотребления не позволяли себе даже окончательно слетевшие с катушек сталкеры. Гюнтер вдруг почувствовал, как холодным потом обдало спину, от уверенности в себе вмиг не осталось и следа – манипуляции с энергиями не его специализация…

– Нейтрализовать сгусток! Немедленно!

Началось!

Баграмов отчетливо видел, как на высоте двадцати метров, недалеко

от вихря, венчавшего вершину холма, вдруг возник ясно различимый источник напряженного мерцания, от него к мутному столбу вращающегося воздуха тут же потянулись изломанные нити стихийно возникающих разрядов…

Он пока не понимал смысл происходящего, но приготовился действовать.

Вожак стаи механоидов внезапно остановился.

Управляющая колония скоргов зафиксировала возникновение мощнейшего источника аномальной энергии, того редкого вида, что питает и заряжает компактные, созданные из металлочастиц энергоблоки – основу функциональности всего техноса.

Обмен данными в рамках локальной сети внезапно активизировался.

Сканеры слепли от фонового излучения возникшего неподалеку источника столь необходимой энергии.

Его зов породил инстинктивную реакцию, схожую с реакцией голодного хищника, уловившего запах добычи.

Сияющий шар вдруг начал угрожающе расти. Прошло всего несколько секунд после его внезапного возникновения, а между вихрем и сгустком энергии уже образовалась толстая, ясно различимая «пуповина», сплетенная из сотен самопроизвольно возникающих разрядов.

Мью-фон Гюнтера неожиданно заработал:

– Докладывает четвертый пост! Бронезавры! Они поднимаются из-под воды!

Баграмов чувствовал – что-то происходит, но от Дарлинг пока не поступало никаких распоряжений.

Сканеры, работающие в режиме приема данных, внезапно активировались, зафиксировав новые источники энергетической активности.

Тонко взвизгнул предупреждающий сигнал, на забрале шлема развернулось оперативное окно боевой подсистемы распознавания целей, затем, после провала идентификации четырех объектов, камеры слежения автоматически перенастроились на них, взяв максимальное увеличение.

Егор с трудом верил своим глазам.

Это же раритетная бронетехника!..

Четыре механоида, поднявшиеся по узкой осыпи на пологий берег водохранилища, действительно являлись яркими представителями ушедшей эпохи – в основе их конструкции лежало шасси знаменитого танка «Т-80», но колонии скоргов, оккупировавшие захваченные механические носители, реконструировали их, полностью изменив

внутреннее наполнение грозных боевых машин прошлого века.

Егор, сравнивая короткую техническую справку, полученную из архивных баз данных, с реальным результатом сканирования, не мог не заметить радикальные расхождения. Вместо газотурбинных двигателей анализ выявленных сигнатур указывал на наличие мощных электроприводов, запитанных от компактных источников энергии, 125-мм танковые орудия были покрыты слоем серебристой субстанции, образующей вздутия, равномерно распределенные по длине ствола, там, где ранее располагался 12,7-мм зенитный пулеметный комплекс «Утес», теперь возвышались непонятные надстройки, созданные ажурным сплетением гибких металлизированных элементов, броню танков покрывали наросты и наплывы, в глубине которых сканеры определяли наличие энергетически активных цепей питания…

Четыре исчадия таинственного «техноса», поднявшись на берег, синхронно развернулись.

От зоны тамбура их отделяло менее километра. Здание, венчавшее холм, в ту же секунду огрызнулось огнем: одновременно заработали несколько расчетов стационарных импульсных орудий, вторя им, ударил генератор электромагнитного излучения, из укрытий на склонах разрядилось не менее десятка армганов…

Дарлинг абсолютно точно спрогнозировала реакцию боевых групп Ковчега на внезапное появление механоидов – боевики совершили роковую ошибку, открыв массированный огонь, провоцируя исчадия техноса на ответную конфронтацию. Теперь даже вмешательство мнемотехников не смогло бы остановить инстинктивный порыв механических созданий, движимых двумя мощнейшими раздражителями – энергетическим голодом и рефлекторной потребностью ответить ударом на удар.

– Егор, вперед!.. – приказала она через устройство мью-фона, переключаясь на другую группу имплантов, концентрируя все оставшиеся силы на дестабилизации созданного ею же энергетического сгустка, угрожающе разросшегося, объятого сполохами разрядов, исходящих от венчающего холм пепельного вихря.

* * *

С точки зрения капитана Баграмова, все происходящее не находило адекватных сравнений среди прошлого боевого опыта.

Загадочный вид связи, установленной между системами его бронескафандра и имплантами Титановой Лозы, позволял Егору увидеть панораму стремительно развивающихся событий так, словно он сам

находился на склоне расположенной неподалеку возвышенности.

Первый залп, ударивший по механоидам, не остановил их. Снаряды, выпущенные из импульсных орудий, легли неточно, выбивая фонтаны огня и праха, на время скрыв исчадия техноса в клубящемся, расползающемся вдоль изувеченной земли дымопылевом облаке, блокировавшем разряды лазерных винтовок.

Удар установки электромагнитного импульса на доли секунды породил сполохи бледного, стелющегося вдоль зарослей автонов сияния, взорвал снопом искр старую трансформаторную будку и угас.

Баграмов рванулся вперед.

Маршрут, проложенный Дарлинг, вывел его к подножию холма. Ближайшая из боевых групп Ковчега теперь находилась всего в сотне метров от Егора…

– Замри!..

Ее приказ, пришедший по связи, оказался своевременным: едва Баграмов успел метнуться в заранее намеченное укрытие, как от границ дымопылевого облака ударили ответные залпы.

Механоиды, не прекращая огня, устремились в атаку. Стена разрывов, взламывая позиции боевых групп Ковчега, тяжкой, конвульсивной судорогой катилась по склону холма: вырванные из земли осколки бетонных конструкций, дымящиеся фрагменты разорванных тел, изуродованные детали орудий отбрасывало на сотни метров…

Слабый ответный огонь лишь подстегнул исчадия техноса. Будто обезумевшие бронированные звери, они рванулись вперед – дымящиеся обломки укреплений еще рушились, оседая в воронки, а механоиды уже рвали склон холма траками гусениц, их орудия смолкли, теперь разряды бортовых лазеров выжигали остаточное сопротивление: ослепительные выбросы раскаленного расплава вспухали багряными язвами, освещая воцарившийся вокруг сумеречный ад…

Казалось, еще немного, и создания техноса довершат начатое, сметут пережившее катастрофу здание универмага и…

Чудовищной силы взрыв потряс окрестности.

Энергетический шар, манивший механоидов, внезапно вспух, потеряв стабильность, составляющая его энергия нашла выход, обрушившись на изуродованную землю шквалом ветвящихся высоковольтных разрядов, испепеляя все в радиусе сотни метров от вершины.

– Егор, вперед!

Короткая фраза, произнесенная бесцветным, потускневшим, идущим издалека голосом Дарлинг, хлестнула по нервам Баграмова, словно один из

разрядов, только что едва не дотянувшихся до него. Вскочив, он рванулся вверх по склону, к распухшему, начавшему вдруг пульсировать столбу мутно-пепельного воздуха.

* * *

Титановая Лоза с не свойственным ей ужасом созерцала содеянное.

Перепаханный разрывами, вспоротый траками гусениц, покрытый язвами ожогов холм истекал дымом. В здании чудом уцелевшего универмага занялся пожар, в полусотне метров от него застыли почерневшие, утратившие мутный глянец остовы четырех механоидов, испепеленные шквалом энергетических разрядов.

Дарлинг едва держалась на ногах. Непомерная, граничащая с потерей сознания усталость мешала мыслить, казалось, что двигаться нет сил, но остановиться сейчас было бы равносильно самоубийству.

Баграмов прошел… Она отчетливо видела зеленоватый сполох микропульсации.

Дарлинг понимала, что удар, нанесенный Ковчегу, не настолько тяжел, как могло бы показаться со стороны. Хистер будет взбешен, но что значат для него потери? Он организует преследование, выгонит наружу всех, кто способен носить оружие, лишь бы схватить ее.

Нужно уходить немедленно.

Титановая Лоза шаг за шагом возвращала себе ощущения реальности, притупившиеся в запредельном для человеческого рассудка напряжении схватки. Страшно подумать, какими силами манипулировала она, создав энергетическую аномалию в непосредственной близости от портала Узла. Мутный вихрь до сих пор пульсировал, не желая стабилизироваться…

…Через несколько минут Дарлинг уже была у подножия возвышенности, где среди обломков разрушенных механоидами передовых укреплений ее импланты зафиксировали характерный сигнал, исходящий от маркера.

Обшарив одно из тел, она действительно отыскала навигационное устройство.

Теперь прочь отсюда.

Маркер работал исправно. Стрелка в крохотном окошке четко указывала на вершину холма, крохотные искры на микропанели выбора горели ровным светом.

Она набрала сочетание, шифрующее переход к Цитадели Ордена, и, дождавшись смены индикации, начала быстро взбираться по дымящемуся, исковерканному склону.

Наконец, критическая отметка пройдена.

Она остановилась в недоумении.

Устройство маркера по-прежнему работало, но переход не произошел, пульсирующий вихрь как будто отталкивал ее.

Дарлинг, теряя драгоценные минуты, запустила тест.

Все нормально. Маркер исправен!

Что происходит?! Она подняла взгляд. Расширяющийся кверху столб уплотненного, пепельно-серого воздуха вращался все быстрее, теперь по нему пробегали четко различимые волны искажений.

Дарлинг вновь реактивировала устройство маркера, но безрезультатно.

Что-то произошло с порталом. Он все больше искажался, в ускорившемся круговом вращении воздуха ощущались не свойственные ему энергии.

Оглянувшись, Титановая Лоза заметила, как со стороны Академгородка появились поднятые по тревоге резервные группы Ковчега.

Ситуация складывалась безвыходная. Пока портал не стабилизируется, переход в иные пространства Пятизонья будет закрыт.

Ей не оставалось ничего иного, кроме как обогнуть холм и уходить в сторону основного массива руин Новосибирска.

Через час, когда мрачные кварталы разрушенного города сомкнулись за ее спиной, Дарлинг свернула к знакомому зданию, в подвале которого располагался один из тайников Ордена, созданных на случай непредвиденных обстоятельств.

Куда же я отправила Егора? – мучительно размышляла она, вскрывая схрон.

Ответа не было и не будет, пока не стабилизируется потревоженный ее действиями Узел.

Глава 4 «Проклятие зоны»

Район Ленинградской АЭС

Сосновый Бор встретил Баграмова хмурым моросящим дождем.

Под призрачными куполами Барьеров хорошая, солнечная погода – редкость.

Новизна ощущений оглушала. Только что он пробирался по изуродованному, истекающему дымом склону холма, мимо испепеленных остовов подбитых механоидов, в коммуникаторе еще стыл короткий, не приемлющий возражений приказ Дарлинг… прошел лишь миг, и он в иной реальности – земля встретила его ударом, как при резком приземлении после прыжка. Баграмов, успев машинально сгруппироваться, скатился по скользкому от дождя склону, невдалеке раздались предупредительные окрики, сипло ударила очередь крупнокалиберного ИПК, небольшой бугорок, и без того щедро нашпигованный металлом, наискось перечеркнула строчка разрывов.

Внезапно наступила тишина.

Вправо на сто метров, как только выйдешь, – слова Дарлинг запомнились крепко, осталось лишь сориентироваться на местности…

Не поднимая головы, он чуть сместился вбок, перехватил оружие так, чтобы сразу открыть огонь, и осторожно выглянул из-за укрытия, осматриваясь по сторонам.

Столб расширяющегося кверху исполинского торнадо медленно вращался метрах в тридцати от него.

На небольшом удалении от входа в тоннель виднелись старые укрепления: два искореженных взрывами, иссеченных пулями, кое-где разбитых в щепу бронепластиковых бастиона, какие-то рваные заграждения, надолбы… Зловещее впечатление лишь усиливали виднеющиеся тут и там, чудом сохранившиеся постройки детского развлекательного комплекса, стилизованные под европейскую средневековую архитектуру. Небольшие здания с пробитыми черепичными крышами, фрагменты крепостных стен, огрызки башенок, ведущие в никуда мощенные булыжником улочки…

Сканеры боевого шлема пробивались излучением дальше, чем взгляд, за хмурой стеной моросящего дождя они фиксировали множество объектов, вычерчивая их контуры на проекционном забрале.

По данным боевой подсистемы, стометровая зона вокруг лениво

вращающегося вихря представляла собой сплошное технокладбище. Ржавеющие под дождем, выжженные остовы различных машин громоздились повсюду, кое-где между ними пробивалась поросль металлорастений, слева, метрах в двухстах от позиции Егора, периодически вспыхивало искрящееся сиреневое зарево. Переключив режим сканирования, Баграмов увидел полуразрушенную структуру подстанции. Между распределительными щитами и провисшими проводами фиксировалось неясное движение, над сетчатым забором с выцветшими предупредительными знаками «Не влезай, убьет!» с завидной периодичностью возникали ярко-сиреневые, стелющиеся вдоль поросли металлорастений разряды молний, похожие на сотню энергетических плетей, одновременно бьющих по решетчатым опорам линий электропередачи.

Мне явно не туда, – мысленно рассудил Егор. Если он правильно понял слова Дарлинг, то уходить следовало в противоположную сторону, там действительно начинался неглубокий овраг, добраться до него будет не так уж и сложно – корпуса машин, громоздящиеся справа, хорошее прикрытие от сканеров, да и от огня защитят…

Сориентировавшись, Баграмов приготовился к короткой перебежке, наметив очередное укрытие, но его остановил внезапно заработавший коммуникатор. Система автоматической подстройки частот сразу после перехода определила наличие переговоров и выполнила стандартную процедуру, установив режим пассивного приема.

– Опорный – Пятому. Я его потерял.

– Опорный, ты мне толком докладывай. Была микропульсация?

– Кто-то прошел, факт.

– Кто-то, что-то… – с досадой отозвался незнакомый голос. – Вам сканеры на кой хрен выданы?

– Да не берут сканеры! Я чисто машинально по движению очередью полоснул!

– Смотри, проворонишь крупный носитель, поддержки не проси! Сегодня артиллерия не поможет. Там у них на батарее металлорастения прорвались.

– Так что, нам опять плазменными гранами отбиваться? В секторе постоянно два дракона барражируют и бультозавры к подстанции минут десять назад подползали!

– Опорный, панику отставить! И этот сталкерский жаргон чтобы я в эфире больше не слышал! Драконы, бультозавры! Навыдумывают себе! Крупные механические изделия техноса! Классификация такая-то! Понял?!

– Понял. Но что с «вертушками»-то делать?

– Они тебя атакуют?

– Нет. На нервы давят. Появятся на пределе сканирования и снова исчезают.

– Ну так сиди тихо, целее будешь! Инструкции забыл? В двухсотметровой зоне – огонь на поражение! Все, что дальше, – уже не твоя забота! Отбой связи!

Коммуникатор щелкнул, голоса стихли.

Сердце Егора внезапно сжала тоска.

Свои. Свои ребята не дальше чем в сотне метров. Частота связи определена. Может, ну его, этого Приора? Чем он мне реально поможет? Выйду в эфир, объясню ситуацию…

Выход из положения поначалу показался разумным. В конце концов, чего мне опасаться? Если найти укрытие понадежнее, на случай неожиданных осложнений, то риск минимален. Конечно, может быть, сразу и не поверят, все-таки четыре года прошло, но по инстанции доложат. А я подожду, теперь торопиться некуда. Чем сомнительные вояжи в поисках непонятной фигуры – этого Приора Глеба, о котором и слышу-то впервые, лучше сразу к своим. Проверять, конечно, станут, но ведь есть мой образец ДНК в базах данных… Никуда не денутся, признают, что я жив и именно тот, за кого себя выдаю.

Егор ползком переместился на десять метров правее, затаился за сгоревшим остовом древней БМП и коснулся сенсора связи.

– Опорный, вас вызывает капитан Баграмов, военно-космические силы России. Мой позывной – Альфа-12-1. Как слышно? Прием…

* * *

На опорном пункте, расположенном в сотне метров от исполинской, медленно вращающейся воронки, отмечающей вход в гиперпространственные тоннели Узла, царила обычная нервная обстановка.

Это поначалу внутренний периметр зоны отчуждения контролировали элитные части – за четыре года, истекшие после катастрофы, многое изменилось. Чувство новизны, неординарности происходящих событий понемногу притупилось, а вот ощущение смертельной опасности, постоянно грозящей любому, кто проходил через Барьер, чтобы нести службу внутри «купола», с каждым днем, месяцем, годом только усиливалось.

Сосновый Бор являлся единственным плацдармом военных в Пятизонье, функционирующим на постоянной основе. Здесь

дислоцировалось большинство частей, регулярно совершающих рейды в глубь отчужденных пространств. Спецгруппы и отряды военных сталкеров большую часть времени проводили на заданиях, а вот караульную службу несли контрактники, добровольно подписавшие рапорта о переводе в части специального назначения.

За термином «добровольно» скрывались самые разные побудительные мотивы. Спустя четыре года на передовых постах, где смерть буквально витала в воздухе, пропитывая каждый сантиметр нашпигованной металлом поверхности, несли службу далеко не элитные бойцы. Редко кого приводило сюда чувство долга, в основном привлекали деньги, многие появлялись тут в поисках риска, пытаясь уйти от рутинной обыденности, ведь за границами Барьеров общество потребления достигло своего пика. Попадались и те, для кого опасная служба являлась единственной альтернативой наказания за совершенные преступления или дисциплинарные проступки.

В общем, караулы подбирались разномастные, дисциплина в них явно хромала, но на это закрывали глаза. В обстановке постоянного смертельного риска задача передовых блокпостов сводилась к минимуму – уничтожать все, что движется, проявляет активность на подступах к плацдарму, отвоеванному у эволюционировавших механизмов и сталкерских группировок ценой немалой крови.

Удержать десять процентов от площади отчужденных пространств Соснового Бора, удержать любой ценой, уничтожая все, что появляется «с той стороны», – приблизительно так звучала неофициальная трактовка приказов, получаемых от командования.

Караульные, несущие службу на опорных пунктах и блокпостах, ненавидели сталкеров, они боялись заразиться проказой Зоны – неизлечимыми изменениями, которым подверглись люди, живущие в отчужденных пространствах. Брошенная техника, реанимированная и даже усовершенствованная неведомой силой, живущая теперь своей жизнью, больше не подчиняясь людям, вызывала уже не ненависть, а чувство мистического ужаса, техносов (так на официальном языке именовались исчадия Зоны) боялись пуще всего. С ними было чрезвычайно трудно бороться, и даже уничтожив очередного механоида, нельзя было с уверенностью сказать, что развороченный механизм, ржавеющий поблизости от укреплений, вдруг не оживет…

Наука явно плелась в хвосте событий, до сих пор не существовало понятного, логичного объяснения происходящим в Пятизонье процессам, не дано четкого определения действующим тут силам – гипотезы

громоздились одна на другую, но легче от этого не становилось.

В вечных сумерках под куполами Барьеров щерились амбразурами опорные пункты. Стационарные ЭМИ-излучатели, фронтовые лазеры, крупнокалиберные импульсные автоматические орудия смотрели в дождливую хмарь, готовые отразить очередную волну мигрирующих механоидов, появляющихся в моменты внезапной пульсации, когда адская конвульсия таинственного Узла прихотливо перемещала механические формы, сталкеров, предметы и артефакты, захватывая их в одних пространствах и выбрасывая в другие…

* * *

Завершив передачу, Егор затаился в ожидании ответа. Тихо потрескивали помехи на несущей частоте связи. Расположенный в сотне метрах от него опорный пункт глухо молчал.

Сержант Ремезов был зол. У него и так складывались проблемные отношения с начальством, а тут еще этот непонятный переход. Какая-то тварь, словно призрак, проскочила через сектор ответственности, а теперь вздумала издеваться над ним. Надо же… Наверное, сталкер-метаморф забавляется. Решил использовать нехитрый прием, чтобы его приняли за своего, пропустили через периметр охраны, а там он уж точно не упустит шанса, использует свои нечеловеческие способности на всю катушку, к примеру, вырежет на фиг весь караул…

Что делать-то? Доложить? Ага, нашли дурака. Нарваться на очередную выволочку от капитана? Мол, метаморф тобой рулит, а ты, Ремезов, и рад стараться? А может, ты и сам из вражьей стаи? На медицинском освидетельствовании давно был? Или тебя сразу к стенке поставить для профилактики, в назидание остальным?

Нет уж. Зона уже научила – все свои либо в тылу, либо выходят на связь точно по графику, не используя мифических позывных исчезнувшей четыре года назад группы спецназа.

Где же ты затаился, гад?

Ремезов уже в третий раз сканировал подступы начиная от того места, где несколько минут назад заметил смутную тень, похожую на человека в боевой экипировке. Такую сейчас носит каждый второй сталкер, не только спецназ.

Ага, вроде бы есть!..

За остовом подбитого неделю назад бронезавра явно кто-то прятался.

Ну, вот ты и попался… – Лицо сержанта прорезала злобная, торжествующая улыбка. Джойстики наведения крупнокалиберного

импульсного автомата сами подались под руки, и через пару секунд окрестности озарили серии бледных вспышек, спаренная установка с сиплым рыком выпустила две длинные очереди, снаряды хлестнули по покореженному остову механоида, с глухим металлическим лязгом навылет прошибая почерневшую броню, вспахивая землю за укрытием фонтанами слепящих разрывов.

В черно-оранжевых сполохах сержант отчетливо заметил, как тень человеческой фигуры метнулась в сторону оврага, и снова полоснул двумя очередями, теперь на упреждение, потом, уже увидев, как бегущего подрубило осколками, добавил еще, для верности, и еще, пока его не вырвал из транса вызов по коммуникационной линии:

– Опорный, ответь Первому!

– На связи!

– Что там у тебя за стрельба?!

– Метаморфа, кажись, прибил, – вытирая выступившие на лбу капельки пота, ответил сержант.

– Это тот, что проскочил через тоннель? – уточнил начальник караула.

– Ну да. На связь вышел, гад. – Ремезов дрожащими пальцами достал сигарету, прикурил, глубоко, с наслаждением затянулся. – Своим прикидывался, думал, я поверю.

– Ладно. Будет возвращаться группа, я им прикажу, чтобы свернули к тебе, проверили, кого ты там на самом деле уложил.

* * *

Две первые очереди из автоматического орудия лишь разозлили Баграмова, не причинив капитану особого вреда.

Глупая была затея, – запоздало подумал Егор, рывком уходя из-за демаскированного укрытия. Терзающие металл и землю разрывы норовили сбить с ног, осыпали градом осколков. Бронекостюм выдержал попадания, лишь в приводе усилителя мускулатуры что-то надрывно заскрежетало, вторая стена разрывов ударила впереди – стрелок явно отсекал его от оврага, и Баграмов метнулся в сторону, споткнулся обо что-то, упал, попытался привычным движением резко подняться на ноги, но адская боль, вспыхнувшая в груди, снова швырнула его на землю.

Вот тебе и свои, капитан…

Несколько секунд он силился вдохнуть, затем боль на мгновенье отпустила, и Баграмов жадно глотнул воздух, почти не ощущая, как кровь запузырилась на губах.

До оврага – всего метров двадцать.

Превозмогая боль, ломая зубовный скрежет поврежденной механики, он, собрав силы, привстал, рванулся к спасительному укрытию, но очередная серия разрывов все же настигла его: правую ногу и обе руки ожгло чем-то горячим, ударная волна толкнула в спину, Егор потерял равновесие, упал, по инерции прокатился несколько метров, ломая ветви металлокустарника, растущего по склонам оврага, и, уже не ощущая боли, инстинктивно пополз, углубляясь в чащу автонов.

Сосновый Бор. Полдень

Шел нудный моросящий дождь.

Капли воды сбегали по посеченной осколками, местами пробитой броне боевого скафандра, смешиваясь с кровью, собираясь в алые лужицы на дне оврага.

Вокруг стояла зловещая тишина. Ветви автонов, отягченные созревшими н-капсулами, клонились к земле, цепляя безвольно распростертое в их чаще тело.

Прошло несколько часов, прежде чем небольшие утолщения, густо облепившие поросль металлокустарника, начали постепенно набухать, словно заключенные в них плоды получили некий сигнал к окончательному созреванию, затем один из шишковатых наростов внезапно отделился от металлизированной ветви и, упав на грудь умирающего человека, вдруг растекся серебристой кляксой по опаленной, зияющей пробоинами броне.

Егор ничего не чувствовал.

По всем канонам он уже не мог очнуться – жизнь покидала его медленно, но неотвратимо.

Прошло еще немного времени, и странные плоды начали падать один за другим, затягивая повреждения бронекостюма ртутно поблескивающей пленкой, проникая под экипировку, подбираясь к одежде, а затем и к человеческому телу.

* * *

– Слышь, Сухостой, вчера мне пацаны самый короткий анекдот рассказали: идет проводник по тоннелю и вдруг встречает доброго сталкера…

– Монгол, заткнись, не смешно. Под ноги смотри… – буркнул в ответ долговязый нескладный парень. Он действительно был чем-то похож на засохшее дерево – высокий, но какой-то угловатый, корявый, словно растение, которому сильно недодали солнечного тепла, света и еще очень многого, что необходимо для нормального развития растущего организма.

Его спутник, низкорослый, коренастый, с восточными чертами скуластого лица, обиженно запыхтел.

– Ну, Сухой, ты что, совсем без юмора, да?

– Не шуми ты! – Славка Сухостой вдруг насторожился, угловато вскинул руку в предупреждающем жесте, затем присел на корточки, чтобы не маячить, – впереди, у небольшой ложбинки, вливающейся в широкий овраг, в аккурат над зарослями металлорастений что-то двигалось.

Монгол, менее наблюдательный, но зато жилистый, сильный не по годам, также присел, скинул со спины вьюк, плавным, отработанным движением перетянул на грудь старенький, видавший виды, потертый АКСУ, по привычке глянул на положение переводчика огня и затих, полагаясь на чутье товарища.

Сухой вдруг нервно вздрогнул всем телом, дернул плечом, скидывая лямку баула, потянулся к поясу, где помимо двух древних осколочных гранат в отдельном подсумке были уложены колбы с фричем.

– Что там? – просипел Монгол.

– Затихни!.. – шепотом ответил Сухостой. – «Перекати-зона»…

Монгол нервно сглотнул. «Перекати-зона» – мутировавший охранный робот, издали похожий на металлический одуванчик, у которого вместо пушинок – трехметровые шипы, – был известен любому сталкеру. Встреча с «Перекати-зоной» не сулила ничего хорошего, и от немедленного бегства подростков удержало лишь одно обстоятельство: их позиция была уж очень выгодной. Пацаны знали, что робот реагирует на движение и шум, остальные сканеры «одуванчикам» выжгло каким-то излучением, еще во время катастрофы пятьдесят первого года. Вооружение «Перекати-зоны» составляли армейские лазеры, смонтированные в корпусе. На открытой местности робот был крайне опасен, но среди густых зарослей автонов, покрывающих склоны глубокого оврага, с ним можно справиться.

– Нам с тобой везет, Монгол. – Сухой извлек склянку с фричем. Зеленоватая, похожая на замерзшее желе субстанция, заключенная в легко бьющуюся оболочку, в таком виде являлась подобием самодельной гранаты. Лужицы фрича встречались крайне редко, артефактная жидкость ценилась дорого, ее основное свойство, используемое сталкерами, заключалось в том, что любая неорганическая материя, с которой соприкасалась желеобразная масса, мгновенно «замерзала», будто под воздействием жидкого азота. Если нанести фрич на руку, он принимал форму перчатки, плотно прилегающей к коже. Замысел Славки был очевиден – шумнуть, привлекая внимание «Перекати-зоны», а когда робот отреагирует, бросившись на источник звука, и запутается в зарослях

автонов, или еще лучше – скатится на дно оврага, откуда ему самостоятельно уже не выбраться – помешают металлорастения, – взять робота не составит труда. Одного прикосновения фрича достаточно, чтобы по металлическому корпусу рванула волна коричневатого «инея», парализуя все механические и кибернетические узлы.

– Ну, чего ждешь? – вновь просипел Монгол.

Сухой медлил. Ему было жаль расходовать фрич. Может, осторожно вытряхнуть его на руку? Стеклянные колбы, или фрич-гранаты, – это на крайний случай, когда ситуация смертельна и надо спасать свою шкуру. «Перчатку» впоследствии можно снять и снова запихнуть артефактную субстанцию в колбу, а метнув фрич-гранату, капельки уже не соберешь – забрызгает, превратит в хрупкое стекло и заросли металлорастений, и ржавые кузова машин, врастающие в землю на дне оврага.

– Погоди… Я перчатку сделаю.

– Давай заманим сперва, – предложил Монгол.

Сухостой, подумав, кивнул. Действие перчатки известно. Ничего хорошего. Руку покалывает, потом она немеет, да и тонус организма резко понижается, чувствуешь себя так, словно пробежал несколько километров с изрядным грузом на плечах.

– Ладно. Тихо спускаемся, у поворота дашь очередь.

Монгол молча согласился.

Груз они оставили у спуска в овраг, спрятав вьюк и баул в ржавом корпусе смятого в ком автомобиля.

Вообще-то охота на роботов Зоны – так называли сталкеры видоизменившуюся продвинутую боевую технику, прежде действительно бывшую охранными ботами, – занятие рискованное, и двум подросткам явно не по плечу. В иных ситуациях они не стали бы и связываться. Монгол и Сухостой называли себя «Питерцами» и входили в организацию «проводников» – отчаянных молодых ребят, которые за хорошую плату могли доставить в зону Соснового Бора кого и что угодно. В большинстве своем «Питерцы» были либо из семей метростроевцев, либо бывших служащих метро, либо из семей диггеров. Их родители погибли или пропали без вести во время катастрофы, тут, как говорится, без вариантов. Санкт-Петербург, разросшийся к 2051 году, поглотил многие города-спутники, в том числе и Сосновый Бор. Мегаполис был практически разрушен при прохождении ударной волны взрыва, сформировавшего Барьер. Некоторые районы окраинных новостроек оказались внутри отчужденных пространств. Недавно проложенные линии метрополитена контролировали военные, но трещины земной коры соткали новую сеть

подземных коммуникаций, где-то соединяющуюся с тоннелями метро, а где-то нет.

Беспризорники, которым пришлась не по вкусу забота государства, сбегали из детдомов, интернатов, поодиночке снова пробираясь в Питер. Здесь они и выживали, кто как мог, сбиваясь в группы, жестоко конкурируя друг с другом, мечтая однажды стать настоящими сталкерами или, ухватив куш, начать «другую жизнь». «Питерцы» с уличными бандами, контролирующими разные районы полуразрушенного катастрофой города, не связывались. Каждый из них с детства был знаком с подземельями и метрополитеном. Руководили организацией взрослые, но подростки не уделяли этому факту должного внимания. Пока что им хватало осознания своей значимости, они ведь ходили в ЗОНУ, не думая о том, что кто-то забирает себе львиную долю прибыли, которую приносил контрабандный бизнес.

В этом смысле Славка Сухостой и Монгол не отличались от остальных ребят. Они мечтали стать вольными сталкерами, и лишь подсознательный страх перед имплантациями и связанными с ними необратимыми изменениями удерживал подростков от рокового шага. К тому же профессиональная имплантация стоила очень дорого, на руки они таких денег не получали. Оставался лишь один способ накопить нужную сумму: втайне от лидеров группы проносить в Сосновый Бор килограмм-другой груза или ловить удачу за хвост, например, как сейчас – завалить «Перекати-зону», а затем аккуратно разобрать ее. Добыча обещала быть богатой. Как минимум четыре армейских лазера, «Сердце зверя» – компактный, но мощный автономный источник энергии, возможно, даже не один, ну, и плюс всякая мелочь, типа мью-фонов – чипов связи – и прочего кибернетического барахла…

…Прокравшись к повороту оврага, где автоны разрослись особенно густо, подростки остановились.

– Здесь его и возьмем, – осмотревшись, решил Сухой. – Дашь очередь, и сразу прячемся там, – он указал рукой на глубокую выемку в склоне, что-то вроде грота, стенки которого были укреплены сплетением металлических растений.

Монгол вытянул шею.

Силуэт шипастого шара шестиметрового диаметра хорошо просматривался отсюда. «Перекати-зона» возвышалась над зарослями автонов по другую сторону оврага, метров на тридцать левее поворота. Вскинув автомат, он тщательно прицелился в относительно небольшой сферический корпус робота. Все же мысль: *а вдруг повезет, завалю его?* –

билась на донце рассудка.

Плавно выбрав люфт курка, он дал короткую очередь и тут же добавил, уже длинно, по прежнему прицелу, наудачу.

Грохот выстрелов старенького «калашникова» разодрал тишину, пули с визгом рикошетили от трехметровых шипов, опираясь на которые передвигалась «Перекати-зона», но одно попадание в корпус все же удалось, Монгол отчетливо видел сноп искр, выбитых пулей…

– Ложись! – Славка, вместо того чтобы бежать за поворот, замешкался, увидев, что Монгол, как завороженный, следит за результатом стрельбы.

«Перекати-зона» дернулась было в их сторону, но слишком медленно, словно нехотя, автоны прогнулись, но выдержали вес робота, и тот не сорвался, как ожидал Сухостой, на дно оврага.

Вот влипли…

Славка ухватил замешкавшегося Монгола за шиворот, рванул товарища к укрытию, но поздно: лазерные разряды, прошипев в воздухе, уже подрубали ветви металлорастений, оставляли дышащие жаром язвы на склоне. «Перекати-зона» не собиралась кидаться в погоню, методично расстреливая источник опасности с удобной позиции.

Лазерные разряды лишь чудом не задели пацанов. Монгол, запоздало сообразив, какую глупость только что совершил, уже ничего не мог изменить, волна ужаса мгновенно захлестнула рассудок, он отползал, суча ногами по дну оврага, а справа, слева, сзади мелькали всплески расплава, оставляя лужицы горячего металла…

Выручил Славка.

Схватив Монгола за ворот одежды, он потащил его за спасительный поворот, помог встать, но «Перекати-зона» вдруг начала преследование. Двигаясь по кромке оврага, среди низкорослых металлорастений робот Зоны продолжал вести огонь.

– Бежим!

Монгол вскочил на ноги, и они рванули что было сил, не разбирая дороги, машинально сворачивая в те ответвления оврага, где автоны росли особенно густо, только так они могли избежать смертельной опасности.

* * *

Через несколько минут они остановились, тяжело дыша.

– Поохотились… – переводя дух, выдавил Сухостой. – Ты что, Монгол, совсем тупой? Я же сказал – стреляй и бегом!

– Я… Я растерялся…

– Растерялся он. – Славка приподнял защитную маску и зло сплюнул на землю. – Сейчас сюда вся нежить с округи сбежится!

– Да ладно… – Монгол еще не верил, что они оба остались невредимы. – А это что?! – Он, пытаясь отдышаться, машинально осматривал заросли автонов и вдруг заметил… ноги, торчащие из чащи металлорастений. – Опа! – восторженно воскликнул он. – Славка, там кто-то лежит! Наверное, сталкер! Похоже, что мертвый, не шевелится!..

– Осторожнее! – осадил его Сухостой. Сердце и без того бешено колотилось в груди, но смертельная опасность вроде бы минула, оставив лишь дрожь в мышцах да неприятный, солоноватый привкус крови во рту от прикушенной на бегу губы.

Монгол опасливо отдернул руку, покосился на товарища.

Нерешительность Сухостоя продолжалась недолго. Любопытство быстро взяло верх над здравым смыслом.

– Давай, берем за ноги и вытягиваем его оттуда.

Монгол чуть отпустил автоматный ремень, пристроил оружие так, чтобы быстро перехватить его и открыть огонь в случае внезапных осложнений.

Славка, озираясь по сторонам, заметил бурые пятна на земле и тихо выдохнул:

– Кровь… Его, наверное, на блокпосту подстрелили… Ну что, готов?

Оба подростка уже забыли о только что пережитой неудачной схватке с «Перекати-зоной». Ухватив мертвого сталкера за ноги, они что есть сил потянули, освобождая свою добычу из зарослей автонов.

Когда тело в боевой броне поддалось усилиям и, сгибая ветви металлокустарника, оказалось в узком свободном пространстве на дне оврага, подростки вдруг бросили его, отшатнувшись.

– Славка, ну его… – сиплый голос Монгола предательски дрогнул. – Пошли отсюда!..

Сухостой застыл как вкопанный.

Его взгляд будто замерз, зрачки расширились, он с немым ужасом взирал на освобожденное из плена металлорастений тело.

Странная боевая броня, похожая на экипировку Ордена, только без герба, изображающего кандальный узел, и прочей атрибутики, была посечена осколками, в нескольких местах пробита навылет, вокруг рваных дыр запеклась кровь, сквозь полупрозрачное забрало шлема виднелось бледное лицо незнакомого сталкера: на губах засохшая кровавая пена, глаза плотно закрыты, щеки ввалились…

– Он… Живой?.. – с трудом выдавил Монгол.

– Не знаю… – мертвенным голосом ответил Славка.

Самым жутким в облике незнакомца были не раны, не бурые пятна крови, а многочисленные серебристые кляксы, густо испятнавшие поврежденную броню, просочившиеся внутрь, тонкими прожилками внедрившиеся в кожу на левой щеке…

Монгол судорожно сглотнул.

В руке сталкер сжимал ИПК. Его пальцы, сведенные предсмертной судорогой, накрепко впились в оружие.

Серебристая, ртутно поблескивающая пленка, затянувшая места повреждений экипировки, добравшаяся до тела несчастного, не оставляла ребятам шанса даже обыскать его.

Они еще ни разу не сталкивались с подобным явлением, но зато много раз слышали о нем.

Сухостой поднял взгляд. Так и есть. Среди ветвей автонов серебрились с десяток еще не раскрывшихся н-капсул. Обычно найти их нелегко, металлорастения редко формируют плоды, но сталкеры знают верный способ, как спровоцировать автоны к размножению: нужно затащить в заросли либо крупный обломок механизма, либо кинуть туда мертвое тело, и тогда металлические растения начинают формировать шишковатые наросты, в которых и созревают н-капсулы. Охотникам за плодами автонов остается лишь проявить ловкость, вскрыть набухающие волдыри и извлечь оттуда цилиндрические плоды металлорастений, пока те не лопнули и не пролились на приманку кляксами серебристой субстанции.

Подростки откровенно растерялись. С одной стороны, если действовать осторожно, то снять экипировку с мертвеца и забрать его оружие – не такая уж и безнадежная перспектива. Но с другой – кровь стыла в жилах, если вспомнить жуткие истории о раненых сталкерах, попавших в заросли металлорастений.

Серебристая проказа внедрялась в кожу, тонкими нитями пронзала мышцы, уродовала лицо, впивалась в мозг. Бурно размножаясь, колонии микроскопических обитателей Пятизонья сливались с нервными окончаниями, причиняя человеку невероятные муки, затем наступал шок, смерть, а после…

Славка однажды видел мумифицированное, усохшее тело, оплетенное серебристыми нитями, – мертвый сталкер, движимый неведомой силой, брел по улице разрушенного катаклизмом поселка. Зрелище, надо сказать, не для слабонервных. Плоть местами совсем отслоилась от костей, в тусклом свете череп мертвеца холодно отсвечивал сталью, пустые глазницы источали красноватое сияние…

Сухостой тогда спрятался, напуганный почти до потери сознания. Не смея шевельнуться, он просидел в руинах почти час и видел, как прокаженный труп добрел до сгоревшего БТРа, давно ставшего частью интерьера одного из перекрестков, и залез внутрь подбитой машины.

Через сутки, возвращаясь тем же маршрутом, Славка заметил, что серебристая изморозь подернула почерневшую броню машины, а в следующую ходку бронетранспортер уже куда-то исчез. Полгода стоял на перекрестке, а тут словно испарился.

– Ну, что делать будем? – хриплый шепот Монгола обжег, стеганул по нервам, как хлыст.

Нет, самим броню нам не снять… – подумал Сухостой. Но и бросать такое богатство – жалко и глупо. Он знал, что есть способы нейтрализации серебристой дряни. Если уж отбросить страхи, то следовало признать – именно из ртутной жидкости, наполняющей н-капсулы, мастера Ковчега и Ордена изготавливают большинство артефактов, имплантов и других приспособлений, обладающих уникальными свойствами. Без них в Пятизонье не прожить.

Превозмогая дрожь, он отломил металлический прутик и коснулся им серебристой кляксы на опаленной броне мертвого сталкера.

Жидкость, пролившаяся из плодов металлорастений, еще не отвердела, она была вязкой, значит, инфицирование произошло недавно, не больше трех-четырех часов назад.

– Ноги у него чистые, без клякс… – не своим голосом произнес Сухостой. – Тут до торговца – метров семьсот по оврагу. Потащим его за ноги.

– Думаешь, Упырь его возьмет? – засомневался Монгол.

– Отдадим как есть. Пусть сам сдирает броню. У него наверняка есть и излучатель, и кодировщик. Кляксы еще мягкие, их можно обезвредить. А такая броня дорого стоит.

Монгол шумно вздохнул.

В его душе жадность боролась с мерзким, липким ужасом.

– Ладно… Потащили… Ты только это… Фрич наготове держи… Вдруг он оживет?

Славка молча кивнул. Конечно, можно было бы рискнуть, сделать перчатку из фрича и попытаться нейтрализовать металлизированную субстанцию, но уж больно страшно. *Вдруг что не так пойдет? Поднимется мертвец, что тогда делать? Или того хуже – одно неосторожное движение, одна капля серебристой жидкости, попавшая на кожу, и все, прощай, Славка Сухостой...* – Его передернуло от одной мысли

о подобном исходе.

– Давай. Хватаем за ноги и поволокли!..

* * *

Извилистый овраг постепенно поднимался к руинам высотных зданий.

Подростки выбивались из сил, тело мертвого сталкера оказалось тяжелым, тащить его было неудобно, голова в боевом шлеме глухо билась о неровности почвы, рука с зажатым в окоченевших пальцах оружием цеплялась за различные обломки, но они, обливаясь липким, холодным потом, упорно продвигались к цели. Конечным пунктом их жутковатого путешествия было примыкающее к ближайшему перекрестку здание, где в подвале обосновался торговец по кличке Упырь.

Выйдя к захламленному перекрестку, они затаились в руинах, переводя дух.

Вокруг простирался мертвый ландшафт, освещенный призрачным, сумеречным светом. На пределе видимости среди вздыбленного в момент катастрофы рельефа мелькнули и исчезли силуэты двух *«ЭРЗ»*[10] – роботов Зоны, развившихся из боевых ботов. Их камуфлированная, покрытая многочисленными подпалинами и вмятинами броня тускло отсвечивала среди фрагментов уничтоженных построек. В отличие от «Перекати-зоны», «ЭРЗ» различных модификаций передвигались на колесных или гусеничных шасси, были оснащены не только лазерными излучателями, но и импульсными видами вооружений, обычно сбивались в группы по три-пять машин, нападая как на механоидов, так и на сталкеров.

Заметив опасность, подростки переждали некоторое время, пока зловещие силуэты не скрылись из вида.

– Ну? – Монгол покосился на безвольное тело в испятнанном серебристыми кляксами бронекостюме. – Рванули?

Сухостой молча схватился за ногу сталкера.

Через перекресток двигались быстрым шагом, изнывая от страха, вздрагивая от каждой тени, но все же до оползня, ведущего к подвалу углового здания, добрались без происшествий.

Подтащив тело сталкера к массивной металлокерамической двери, установленной на месте разрушенного во время катастрофы входа, Славка отыскал крохотную, неприметную на фоне выщербленного бетона панельку коммуникатора и тихо выдохнул условную фразу.

Прошло несколько томительных минут ожидания, прежде чем дверь в бункер, щелкнув замком, отворилась.

Короткий коридор привел их к еще одной двери, за которой располагался карантин – небольшое помещение, куда попадал всякий, пришедший снаружи.

Упырь появился не сразу.

Некоторое время Монгол и Сухостой нервно переминались с ноги на ногу, искоса поглядывая на свою добычу, не зная, заплатят им сейчас или настучат по башке за то, что приволокли к торговцу зараженный труп.

Наконец в противоположной стене помещения бесшумно открылась еще одна массивная дверь, и на пороге возник Упырь. Ему уже было далеко за шестьдесят, сморщенное лицо с обвисшими щеками, сгорбленная фигура, непропорционально длинные руки создавали отталкивающее впечатление. Он был жаден, груб и вообще отличался скверным характером, выделяющим его даже среди суровых сталкеров.

– Ну, что за падаль вы притащили? – раздался визгливый голос торговца. – И где груз?

– Ну, мы это… Груз припрятали. А его нашли в зарослях автонов.

Упырь досадливо поморщился.

– На что мне падаль притащили, спрашиваю?! – повысив голос, взвизгнул он.

– Так экипировку мы сами снять не смогли. И оружие вот… – вступил в разговор Монгол.

Упырь, не приближаясь, активировал сканер.

– Сопляки безмозглые! – Торговец внезапно попятился. – Он живой еще!

Подростков обдало жаром.

– Ну, мы же не знали… Он вообще не шевелился…

– А ну, тащите его назад, откуда приволокли! – взъярился Упырь. – Мне еще сталтеха тут не хватало! Ишь умники!

– Но как же… – попытался протестовать Сухостой, но торговец даже слушать ничего не хотел.

– Вон!

Ребята переглянулись. Спорить бесполезно. Неужели опять тащить его, да еще зная, что сталкер живой?!

– А ну, брат Упырь, посторонись! – внезапно раздался густой бас, и оба пацана обомлели – на пороге карантинной комнаты появилась могучая фигура в боевой экипировке Ордена.

Непокрытая голова сталкера серебрилась проседью, черты лица, суровые, будто каменные, внушали оторопь, на пальце правой руки была заметна печатка с чипом, на котором красовался герб Ордена – кандальный

узел, с надписью на каком-то незнакомом языке.

Обалдеть… Это же Приор!

– Глеб, у меня не морг, не лечебница и не лаборатория! – взвизгнул торговец, предвидя недоброе.

– Ты рот-то прикрой! – неожиданно рявкнул на него Приор, уверенно шагнув к инфицированному серебристой дрянью сталкеру. – Благое дело совершили, отроки. Я вижу, чужая беда вам небезразлична. – Он остановился в метре от неподвижного тела, нахмурился, видно, считывал информацию, поступающую в его разум через импланты, затем вздохнул и вдруг рявкнул: – А теперь идите-ка отсюда, отроки сердобольные! А ты, – он обернулся к Упырю, – быстро принеси излучатель и кодировщик! Сдается мне, необычный это сталкер. Броня на нем прототипная… – Приор Глеб понизил голос. – Да и маркер знакомый… Уж не Титановой ли Лозы устройство?.. – уже совсем тихо произнес он. – Надо бы разобраться…

* * *

В помещении горел яркий свет.

На столе, накрепко прихваченный ремнями за запястья, лодыжки и шею, лежал едва живой сталкер, над ним возвышалась фигура Приора, сменившего боевую экипировку на серую, мятую, но главное – чистую робу.

– Федор, не уходи! Поможешь… – не терпящим возражений голосом произнес Глеб.

Упырь, собиравшийся улизнуть, замер на пороге.

– Ты меня лучше отпусти… – просипел он. От одной мысли, что сейчас будет происходить в комнате, ему становилось тошно. Вот же денек выдался. Сначала Глеб заявился, словно почуял что. Месяц почти не заглядывал, а тут пожалуйста, принимай, Упырь, незваного гостя, отказать которому – себе дороже. Ну, не к добру, сразу ведь тревожно стало.

– Федор, я же сказал, останься! – Приор вскрыл контейнер с фричем, вытряхнул желеобразную массу на ладонь левой руки, и та, будто живая, поползла, обволакивая запястье, пальцы, неровными наплывами потянулась к локтю…

Упырь обреченно вздохнул:

– Не Федор я. Давно уже – не Федор. Знаешь ведь. Не могу оперировать. Руки не те.

– Оперировать буду сам. Тут твой навык хирурга не поможет. – Глеб взглянул на старика и добавил: – Броню поможешь с него снять и ступай. Дальше сам справлюсь.

Стылый ужас витал в комнате, даже яркий свет не помогал, холодом до костей пробирало от одного вида серебрящихся на экипировке сталкера пятен.

– Ну?

Упырь медленно вернулся, опасливо обошел изголовье импровизированного хирургического стола, зло сверкнул на Приора мутным взглядом водянистых стариковских глаз.

– Не дело ты затеял. Против Зоны идешь. Добычу ее отнимаешь. Это ж тебе не в лабораториях Цитадели с н-капсулами экспериментировать…

– Замолчи, – холодно отрезал Глеб, взяв в правую руку лазерный скальпель. – С излучателем помоги. Буду указывать лазером, куда направлять. Настройки я уже сделал.

Упырь нехотя подчинился.

Не страх – брезгливый ужас выедал остатки души. Устал он и озлобился. Не сталкер. Старик. Зона в считаные дни сломала его, как ребенок ломает сухую хворостину об колено. Был когда-то Федор Тимофеевич, хирург местной больницы, а потом весь закончился вдруг. В первые дни после катастрофы, когда мир сошел с ума, он еще пытался помогать людям, попавшим в ловушку аномальных пространств, а потом, увидев первого инфицированного проказой Зоны человека, попробовал его спасти и…

Нет, лучше не вспоминать.

Испугался увиденного. Бросил умирающего, забился в какой-то стылый подвал, бродил по нему, как неприкаянный, пока случайно не набрел на вход в старое убежище. Затворился в нем, жил без счета дней, не открывая, не реагируя на стуки, затыкал уши, чтоб не слышать, как снаружи умоляют впустить. Потерял все человеческое…

Потом успокоился понемногу. В убежище оказался запас еды, в основном консервы, сухпайки, вода.

С запасов и начал. Открылась у него необъяснимая жадность, будто в тело вдохнули иную сущность. Начал открывать на стук, выменивал на еду и воду необходимые вещи, затем, спустя несколько месяцев после катастрофы, с той стороны Барьера пришли первые ходоки.

Поговорил с ними. Понял – возврата к прежней жизни нет. Консервы, вода – это для Пятизонья ценность, а во Внешнем Мире после катастрофы хаос уже на убыль пошел. Всех, кого из-за Барьера эвакуировали, больше, по словам ходоков, и не видел никто. Говорят, где-то в секретных госпиталях Министерства обороны их держат. Зато сами ходоки оказались сговорчивыми. Предложили хорошую цену за никчемные для забившегося

в подвал старика вещи, принесенные сталкерами. Обещали деньги, если добудет н-капсулы. За деньги, сказали, можно назад вернуться. В обход блокпостов, без проверок, куда-нибудь в глубинку, там, где эхо катастроф только по телевизору, в новостях далеким отголоском прорывается.

Так и стал Упырем.

За лишнюю н-капсулу готов был спорить до хрипоты, за банку консервов – удавить.

Не вышло вырваться. Не отпустила Зона.

Затянула торговля, как трясина. Мысль о глухой деревеньке уже не грела – здесь, в старом убежище, он еще что-то значил для окружающих, тут ему не грозили многие опасности Пятизонья, одного лишь, как чумы, боялся Упырь – освободившейся из плена н-капсул серебристой проказы…

…Приор тем временем приготовился действовать.

Левой рукой, где влажно и серо поблескивала перчатка из фрича, вытянув указательный палец, Глеб быстрыми движениями, будто нанося точечные уколы, касался пораженных серебристыми пятнами мест на экипировке сталкера. По броне тут же пробегали замысловатые узоры, как будто ее подергивало инеем, но благодаря расчетливому проворству Приора воздействие распространялось локально, охватывая лишь небольшие участки, да и вглубь фрич «замораживал» ртутную субстанцию не больше чем на сантиметр-полтора.

– Излучатель!

Особо крупное пятно, захватившее треть боевого шлема, металлическим плевком выползшее на забрало, вонзившее десятки «нитей» в скулу, щеку и висок сталкера, вдруг начало растрескиваться под воздействием фрича.

Упырь, превозмогая дрожь, направил излучатель, следуя по контуру пятна, вслед за тонким, кроваво-красным лучиком микролазера.

Излучатель стабилизировал ртутный плевок, остановил распространение трещин, и они не успели перекинуться вглубь, лишь капельки крови выступили на щеке и височной области незнакомца, где тонкие нити уходили под кожу.

Тело сталкера, до сих пор неподвижное, казавшееся безжизненным, вдруг свела судорога, он выгнулся, глаза на миг открылись, рот исказился, и полный нечеловеческой муки крик ударился в стены, забился эхом, истончаясь в сиплый захлебывающийся вой.

– Хорошо. – Приор тыльной стороной руки вытер мелкие бисеринки пота со лба.

Упырь подавил сжавший горло спазм.

– Опускай уже, – разрешил ему Глеб.

Старику хотелось убежать, забиться в самый дальний угол своего подвала и…

– Не уходи. Еще не все. Минуту передохнем.

Торговец лишь судорожно сглотнул. Металлизированные участки, испятнавшие броню сталкера, были нейтрализованы – где «заморожены» фричем, где стабилизированы, ограничены в размножении и распространении действием излучателя – прибора, изобретенного учеными Ковчега.

Ох, неспроста все это… – панически думал Упырь. Он достаточно давно знал Приора, чтобы понимать: Глеб меньше других подходит на роль доброго самаритянина, спасающего жизнь обреченным, да еще нарушая при этом одну из основных заповедей Ордена, гласящую: *Мы – новый вид человека, сформированного под воздействием наступившей реальности. Наша судьба – выжить на Земле, когда аномальные пространства поглотят всю поверхность планеты. Священный Узел пусть поможет тем, кого коснулись изменения. Нет нашей власти идти против промысла мироздания. Кто изменен – пусть претерпит муку. Живые пусть вернутся к живым, мертвые – к мертвым.*

Приор сейчас нарушал все каноны. Зона поразила найденного проводниками сталкера, поразила глубоко, беспощадно, он принадлежал ей по праву и должен был пополнить ряды неживых созданий. Глеб же по неизвестной причине рассудил иначе. Пошел против судьбы, спасая жизнь незнакомцу, упорно вознамерившись вернуть его из мира мертвых в мир живых.

Зачем?

Причина на то должна быть веской. Иначе ему не оправдаться перед Орденом.

А не убьет ли он меня? – обожгла Упыря внезапная догадка. – *Тогда и оправдываться нужды не будет. Кто узнает, что он тут творит? Я один тому свидетель!..*

Старик выронил излучатель, попятился.

Страх сочился из его глазниц. Он больше не мог терпеть подсознательный ужас при виде изуродованного тела, к которому добавились справедливые опасения за собственную шкуру.

Приор обернулся на стук.

– Сдурел? – грубо спросил он. – Ты…

– Глеб, не убивай меня!.. – хрипло взмолился Упырь. – Я никому ничего не скажу!.. Я клянусь!..

Глаза Приора сузились, взгляд стал колючим, холодным.

– А следовало бы?

Упырь, стоя на коленях, тихонько взвыл.

Приор некоторое время пристально смотрел на него, затем отчеканил:

– Хватит уже. Выпей, что ли, чтоб руки не тряслись! Сейчас броню снимать будем, потом отпущу. Убивать не стану, но скажешь кому – на себя пеняй.

Ноги торговца стали ватными. Опираясь дрожащей рукой о стул, он поднялся с колен и вдруг метнулся в угол, конвульсивно опорожняя желудок.

– Не могу я… Страшно…

– Значит, сталкеров обирать нет в тебе страха и душевного смятения? – громыхнул за спиной бас Приора. – А жизнь спасти – поджилки трясутся?

– Против идем…

– Против чего?

– Против Зоны…

– А что ты знаешь о Зоне, старик? Ты ее изучал? Вытрись! И сюда иди, времени нет с тобой еще возиться! Ну?!

Окрик подействовал. Кое-как затерев все тряпкой, Упырь глотнул водки.

Чуть отпустило.

– Перчатки надень!

Торговец поперхнулся. Все самое страшное, оказывается, только начиналось.

* * *

Короткая передышка закончилась. Толстые резиновые перчатки, натянутые по локоть, да фартук из защитной материи сделали торговца похожим на мясника, готовящегося к разделке туши.

Приор тем временем, не обращая внимания на суетливые, угодливые приготовления Упыря, занялся рукой сталкера. Не снимая оболочки из фрича, он убрал левую руку за спину, а правой бесстрашно коснулся стабилизированных излучателем пятнышек, насильно разгибая сведенные судорогой пальцы несчастного. Наконец ему удалось задуманное, и пистолетная рукоять ИПК выскользнула из ладони сталкера. Оружие с лязгом упало на пол. Глеб отодвинул его ногой, склонился над телом, сменил режим лазерного скальпеля, убрав указующий лучик, и сделал первый надрез, проведя его по стыку бронепластин.

– Начали! Приподнимай края!

Упырь повиновался.

Разрез шел по груди, лазерный скальпель взрезал экипировку точно по месту креплений, и теперь элементы брони разъединились, но не упали на пол вслед за оружием – что-то держало их изнутри.

Старик чуть приподнял, раздвинул в стороны бронепластины.

Кошмарная картина открылась взгляду в ярком белом свете специальных ламп. Одежда под бронекостюмом расползлась, превратившись в бурые ошметья, там, где пули пробили защиту, от затянувшей дыры металлизированной субстанции к воспаленным, уже посиневшим, вздувшимся по краям входным отверстиям тянулись, уходя в воспаленную плоть, десятки серебристых нитей, словно броню кто-то пристрочил к телу адской швейной машинкой.

В глубине ран тускло поблескивали закупорившие их ртутные пробки, нити тянулись не только от брони к телу, но и шли в разные стороны, лучиками пронзая кожу.

Приор твердой рукой начал подрезать вертикальные стяжки.

Металлизированные нити лопались, элементы брони постепенно освобождались, на теле сталкера проступало все больше крови, но Глеб не думал останавливаться, он все резал и резал, пока грудные бронепластины с глухим стуком не упали на пол.

– Хорошо, – отрывисто произнес он. – Теперь самое главное. Снимаем шлем!

Отделить полупрозрачное забрало удалось не сразу. Все больше фрагментов экипировки скапливалось на полу, раны вдруг начали обильно кровоточить, через пару минут тягучие, темно-красные капли уже срывались с края стола…

Приор делал надрезы, торговец приподнимал кусочки шлема, некоторые освобождались без усилий, иные снова приходилось подрезать.

Наконец голова и шея сталкера были полностью освобождены.

Торговец взглянул на искаженные мукой черты незнакомого лица, на два металлизированных пятна – одно в области правого виска, второе ниже – на скуле, немного захватывающее щеку, и вдруг понял, что же так настораживало в облике сталкера.

У него не было имплантов!

Кто же он тогда?! Ни один сталкер и дня не выживет в аномальных пространствах без кибернетических расширителей сознания и метаболических преобразователей, очищающих кровь, обогащающих ее кислородом.

– Кто он?! – невольно вырвалось у торговца.

– А вот это уже не твоего ума дело, – отрезал Приор. – Давай, еще немного, и я тебя отпущу.

Старик тяжело вздохнул.

Ладно… – подумалось ему. – *Тайны все же имеют свою цену, Приор…*

* * *

Три часа длилась операция по удалению экипировки.

Приор Глеб все больше бледнел, но держал эмоции под контролем, хотя нагое, окровавленное, изуродованное ранами и расползшимися серебристыми кляксами тело даже у него, повидавшего всякое, вызывало невольное содрогание.

Наконец он позволил себе короткую передышку.

– Поставь излучатель на широкую апертуру и ступай. – Он сел, искоса взглянул на Упыря и добавил: – Воды мне принеси. Горло пересохло.

Торговец поспешно удалился, что-то невнятно бормоча.

Приор терпеливо дождался, пока тот принесет воды, и лишь оставшись в одиночестве, зная, что теперь его не потревожат, вновь подошел к импровизированному хирургическому столу.

Под присохшими к телу лохмотьями одежды, на бедре незнакомца притаилось небольшое устройство. Уже не осторожничая, Глеб отодрал остатки одежды, затем смочил и очистил от крови поверхность каплевидного имплантата.

Так и есть. Приор невольно вздрогнул – все же не каждый день встречаешь сугубо материальное подтверждение собственной веры. Старик-торговец был прав: за внезапным и, нужно сказать, крайне рискованным поступком Глеба стояли чисто практические интересы.

Орден, как и Ковчег, являлся наполовину военной, наполовину научной группировкой, первоначально объединившей людей, оказавшихся в границах Пятизонья не по своей воле. Задачи выживания в условиях резко изменившейся реальности требовали жесткой дисциплины, единоначалия и определенных изысканий, поисков путей адаптации неприспособленного человеческого организма к агрессивным условиям внешней среды, воцарившейся среди отчужденных Барьерами пространств.

Глеб являлся одним из немногих, кто стоял у истоков формирования Ордена, помнил каждый день борьбы за выживание горстки военных, ученых и примкнувших к ним гражданских.

Идеология Ордена формировалась постепенно, и ее постулаты, написанные кровью павших, не являлись надуманными. Десятки смертей,

оборванных судеб, стояли за каждым сделанным открытием. Это сейчас обстановка стабилизировалась, между сталкерами возникли четкие градации, появились группировки, встала на накатанные рельсы уже проверенная временем схема выживания. Современный Орден на девяносто процентов состоял из *последователей* – сталкеров, присоединившихся к группировке за два последних года.

Каждый человек несет в душе скрытую до поры потребность к вере. Особенно остро это проявляется в условиях экстремальных: когда вокруг тебя объективно существуют сотни смертельно опасных и в подавляющем большинстве необъяснимых явлений, до понимания которых еще не доросла современная наука, а условия выживания столь жестоки, что основой личности становится здоровый цинизм, доведенный до грани абсурда, то потребность верить хоть во что-то среди пошатнувшихся устоев мироздания возрастает в разы.

Так происходит резкое, недвусмысленное расслоение.

Те, кто пришел в Пятизонье извне, уже после катастрофы, несут в душах различных идолов. Кто-то поклоняется деньгам, кого-то приводит сюда жизненная неустроенность, реже – интерес исследователей или жажда предельного риска. Ежемесячно через Барьеры нелегально просачиваются сотни потенциальных сталкеров, но выживает лишь один из десяти. Изуродованная реальность, где человеку на первый взгляд уже нет места, предлагает своему новому обитателю сделать выбор: остаться ли одиноким искателем приключений, старателем, ищущим наживы, примкнуть ли к мелким бандам, промышляющим разбоем, или же стать последователем Ковчега, чья идеология противопоставляет себя аномальным пространствам, все еще цепляясь за утраченное навек, оставшееся за Барьерами понятие «биосфера».

Идеология Ордена не допускает иллюзий.

Пятизонье – не язва на теле Земли. Отчужденные пространства – очаг зарождения новой жизни, горнило необузданной, получившей свободу развития техносферы, среды обитания, созданной человеком. Катастрофа – лишь закономерный итог слишком стремительных темпов научно-технического прогресса.

Орден предлагает сталкерам не просто веру в способность человека выжить, его идеология основана на крупицах практического знания, за которые заплачено кровью.

Приор, на минуту погрузившийся в пучину тревожных мыслей, вновь взглянул на незнакомца. Внимательный взгляд Глеба остановился на устаревшем метаболическом имплантате, внешнем приспособлении,

временно участвующем в обмене веществ человеческого организма. Такие уже не используют, они были в ходу четыре года назад, пока внешний мир еще не вкусил яда технологий, импортированных из Пятизонья.

Собственные импланты Приора уже произвели сканирование. И метаболический имплантат, и изуродованная экипировка не являлись подделкой. Клейма заводов ВПК подлинные. Дата выпуска – 2049 год. Дополнительная маркировка соответствует стандартам военно-космических сил России, но главное – структурные изменения внешнего слоя брони, схожие с предсказанными: сканирование выявило следы воздействия агрессивных сред, высоких температур – все говорило в пользу того, что незнакомец, прежде чем получить смертельные ранения, побывал в пространстве Узла – теоретически обоснованной исследователями Ордена точке сплетения гиперпространственных тоннелей, расположенной в ином измерении, вне времени, вне нашей реальности…

Достаточная причина для посвященного, чтобы пойти против правил, принять решение и попытаться спасти незнакомца, вырвав его из состояния смертельного, несовместимого с жизнью изменения.

Приор встал.

Короткий отдых немного восстановил силы.

Сняв перчатку из фрича, он несколько раз сжал кулак, разминая онемевшие пальцы, затем достал плоскую длинную коробочку, похожую на футляр для очков, открыл ее. В углублениях пористого мягкого материала покоились чипы с разработанными в лабораториях Ордена программами для кодировщика – устройства, программирующего свойства имплантов, и несколько матриц, предназначенных для конфигурирования пораженных серебристой субстанцией участков кожи.

С этого момента начиналось таинство, понимание которого лежало вне привычных явлений и известных технологий.

Для большинства сталкеров могущество Ордена и Ковчега прежде всего основывалось на способности мастеров-мнемотехников формировать импланты.

Суровая реальность Пятизонья не предполагала выбора. Каждый, кто попадал сюда, рано или поздно сталкивался с откровением: ни одна, самая продвинутая защитная экипировка неспособна полностью оградить человека от губительного воздействия аномальных пространств. Изменения рано или поздно настигают любого, даже самого удачливого сталкера. Без метаболических имплантов и кибернетических расширителей сознания можно преодолевать Барьер, удаляться от него на два-три километра в глубь отчужденных территорий, но даже такие невинные (с точки зрения

истинных обитателей Пятизонья) прогулки сопряжены с невероятным риском. Здесь каждый сантиметр поверхности чужд понятию «органическая жизнь», любое повреждение защиты влечет за собой необратимые изменения, и потому большинство сталкеров предпочитают не рисковать, – вкусив от новой реальности, движимые инстинктом самосохранения, они обращаются к мастерам Ковчега или Ордена, добровольно идут на имплантации, чтобы стать частицей измененной реальности, получить новые способности, позволяющие выжить, породниться с Зоной и… потерять возможность вернуться во Внешний Мир.

Такова плата.

Импланты, сформированные из серебристой металлизированной субстанции, перестают функционировать, превращаются в источник смертельного заражения организма, как только обитатель Пятизонья проходит через Барьер и удаляется от него хотя бы на пару километров.

Приор знал многих сталкеров, не сумевших смириться, попытавшихся уйти, в надежде, что деньги решают все и за Барьером, в частных клиниках, им помогут избавиться от «проклятия Зоны».

Тщета.

Бывали, конечно, исключения из правила, но возможность покидать аномальные пространства, не теряя при этом своих уникальных способностей, не подвергаясь риску сумасшествия либо медленного разложения организма, существовала только для тех, кто пережил катастрофу или был изменен в первые месяцы после нее, пока новая реальность еще не стабилизировалась и тут происходили ужасающие процессы глобальных метаморфоз.

Все… Время действовать, иначе он умрет…

Приор достал набор чипов, поочередно вставил их в специальные слоты кодировщика, приготовил три матрицы, положив их на край стола, в изголовье, затем склонился над неподвижным, безвольным телом.

В первую очередь он воздействовал излучением прибора на ртутные пятна, затянувшие пулевые ранения.

По поверхности въевшейся в плоть субстанции внезапно пробежали зримые волны искажений, словно миллионы микрочастиц, проникших в организм человека, внезапно пришли в движение, меняя конфигурацию сложившихся взаимосвязей: тонкие ручейки жидкого металла текли в границах пораженных зон, одновременно в разных направлениях, где-то сливаясь друг с другом, где-то закручиваясь во взаимном столкновении, вызывая судорожные мышечные реакции, причиняя биологическому

носителю адскую боль – если бы человек находился в сознании, он бы не выдержал ее.

Тело на столе вновь забилось в конвульсиях, успокоившееся было дыхание вновь стало частым, прерывистым, на губах опять выступила кровавая пена, но Приор, чуждый ложному состраданию, продолжал работать, облучая все новые и новые пораженные участки, вызывая уже не спорадические, губительные для организма изменения, а *упорядочивая* микрочастицы, заставляя их конфигурироваться в структуру устройств, навек соединенных с плотью.

Со стороны все выглядело настолько ужасно, что непосвященный наверняка бы решил, что человека подвергают изуверским пыткам, но Глеб, сам прошедший через такую же муку, действовал с непреклонной решимостью, не обращая внимания на внешние проявления начавшихся процессов, зная, что сейчас наступил критический момент и любое промедление может привести к смерти имплантируемого.

Завершив с повреждениями груди и предплечья, он сменил активный чип кодировщика и переместился к изголовью.

Как только излучение начало воздействовать на серебристое пятно, расползшееся по скуле, незнакомец неожиданно пришел в сознание.

Его глаза вылезли из орбит от боли.

Тело опять выгнулось, с губ рвался невыносимый крик, прочнейшие ремни едва удерживали его от инстинктивной попытки вскочить и бежать.

– Терпи!

Слышал он или нет, не имело значения. Глеб продолжал работать, снова сменив чип кодировщика, воздействуя теперь на височную область.

Взгляд имплантируемого помутился.

Вой рвался с его губ, муки телесные уже отступили на второй план, движение микрочастиц, спровоцированное устройством формирования имплантов, вгрызалось в мозг, грозя уничтожить рассудок.

Еще секунда, и вой оборвался – человек не выдержал, потерял сознание.

Как только его тело вновь безвольно обмякло, Приор, ожидавший этого момента, быстро отложил кодировщик, взял одну из приготовленных матриц и с силой прижал ее к овальному пятну на виске имплантируемого, вдавив на несколько миллиметров в податливую, смешанную с металлом плоть.

Когда спустя секунд тридцать он резким движением убрал матрицу, пятно на виске стало рельефным, приобрело вид некоего технологического устройства: на поверхности четко просматривалось несколько разъемов для

подключения чипов кибернетических расширителей, между ними виднелось клеймо Ордена.

– Хорошо… – едва слышно выдохнул Глеб, беря следующую матрицу.

Теперь наступила очередь серебристого пятна на предплечье, а затем еще одного – на запястье правой руки.

Процесс имплантации завершался. Все пораженные участки плоти, где металлические частицы внедрились в организм, приобрели овальную форму, на трех из них Приор успел сконфигурировать разъемы, прежде чем поверхность имплантов начала стремительно твердеть, принимая прочность металлоорганического материала.

Ощущая безмерную усталость, Глеб критически осмотрел результаты имплантирования, затем, удовлетворенный увиденным, достал три мягкие заглушки из пористого пластика телесного цвета и закрыл ими разъемы имплантов.

Убрав чипы кодировщика, заботливо упаковав матрицы, он сел, тяжело дыша, и, мысленным усилием включив мью-фон, произнес в пустоту:

– Федор, мне нужна чистая вода, губка и комплект одежды.

Глава 5 Цитадель

Полуостров Казантип. На подступах к Цитадели Ордена

Знойный полдень струился маревом испарений.

Под плотным пологом облачности протекали явления, связанные с парниковым эффектом: тяжелые грозовые тучи наползали одна на другую, им было тесно в ограниченном пространстве под куполом Барьера, на участках захваченной Зоной акватории Арабатского залива царили растянувшиеся вдоль побережья смерчи, они вздымались от морской поверхности к небесам, засасывая тонны воды, напитывая ею облака, а периодически возникающие ураганные ветра тут же оттесняли новый, только что сформированный грозовой фронт в глубь суши, где над массивными чертогами недостроенной атомной электростанции, превращенной в неприступную Цитадель Ордена, били частые, ветвистые разряды молний, мутные потоки проливного дождя низвергались на землю, а затем вдруг все затихало в удушливом, томительном предчувствии нового всплеска стихии.

Из-за постоянно меняющихся погодных условий, обилия испарений, поднимающихся от пресыщенной влагой земли, мутный вихрь портала гиперперехода, расположенный в шести километрах от Цитадели, в границах так называемого Щелкинского тамбура, сливался с окружающей обстановкой, был незаметен на фоне постоянного движения воздушных масс.

Между мрачной громадой Цитадели и пенистой полосой прибоя простирались густые заросли металлокустарников, автоны захватили все побережье, буйно разрослись в прорезанной трещинами впадине исчезнувшего Акташского озера, но сталкеры Ордена не пытались искоренить их. Напротив, в отличие от иных регионов Пятизонья, смертельно опасные проявления неживой природы, поглотившие окрестности, оберегались людьми. Автоны и обитающие в их зарослях механоиды создавали дополнительные защитные рубежи Цитадели. Любой, кто попытался бы прорваться со стороны тамбура к крепости Ордена, прежде должен был одолеть гибельные участки местности, где среди металлорастений таилась механическая жизнь, гнездились колонии скоргов.

…Сегодня грозовая активность была аномально высокой.

Молнии били часто, ослепительные вспышки рвали небеса,

подсвечивая тяжелые пласты облачности, на миг выхватывая из сумрака непогоды разнообразные детали покореженного рельефа.

Серая железобетонная конструкция недостроенного корпуса первого энергоблока Крымской АЭС господствовала над изуродованным ландшафтом: в момент катастрофы, давшей начало Пятизонью, чудовищные силы, рвавшие и сминавшие земную кору, прихотливо, выборочно разрушавшие здания, потрудились и тут. Участок поверхности, расположенный под фундаментом реакторного зала, вспучило, превратив в пологий холм, на склоне которого еще угадывались контуры шести бетонных «отливок» прудов-охладителей, да серыми гротескными очертаниями выступали выбитые из земли фундаменты насосной станции, от которой к высохшему озеру тянулись глубокие овраги.

Во вспышках молний был отчетливо виден обжитой сталкерами памятник гигантомании канувшей в Лету эпохи развитого социализма: со склона холма серебрящимся указующим перстом в сторону ушедшего под землю озера кренилась изогнутая решетчатая конструкция стодвадцатиметрового подъемного крана, густо оплетенного металлорастениями, над ним высился мрачный корпус энергоблока, увенчанный двадцатиметровым цилиндрическим выступом. Квадратная крыша корпуса, по периметру обрамленная стеной из бетонных обломков, скрепленных проросшим на ржавой арматуре металлокустарником, являлась главным укреплением Цитадели. Над цилиндрическим выступом, через который в энергоблок когда-то планировалось загрузить реактор, сейчас красовалось новое перекрытие – верх инженерной смекалки мнемотехников Ордена. Тонкие, но чрезвычайно прочные побеги редких видов автонов, выращенные прямо тут, сконфигурированные должным образом, стерилизованные от опасности размножения, образовывали частую металлическую решетку, не подверженную коррозии. Она вздымалась пологим куполом, увенчанным плоской площадкой с установленными на ней генераторами электромагнитного импульса, несколькими расчетами тяжелых импульсных орудий и наблюдательными постами, равномерно распределенными по периметру постройки.

* * *

Сталкеры попадали в Пятизонье разными путями.

Например, послушник Борг раньше считал себя экстремалом.

Он был выходцем из благополучной, обеспеченной европейской семьи. Для своих лет – хорошо образован, да вот беда: по завершении учебы остался не востребован как специалист-переводчик. Обычная

история для века высоких технологий. Уже не компьютеры, а продвинутые кибернетические системы вторгались в жизнь миллионов людей, подменяя их на производстве, в диспетчерских, сфере обслуживания и информационных услуг.

Теперь Борг жалел о том прилежании, с которым учился. Годы казались потраченными зря, общество влепило ему пощечину, указав молодому человеку на его истинное место в мире, в один миг оставив за бортом жизни, назвав цену, за которую откупалось и отворачивалось от него.

Спора нет – пособий государства вполне хватало на еду, одежду и кров, но скука серого существования и затаенная обида подтолкнули Борга к протесту. Откровенно банальная история, каких полно.

За несколько лет, пытаясь самоутвердиться, он перепробовал многое. Прыгал с парашютом, погружался под воду, занимался диггерством, подумывал о промышленном альпинизме, но все неформальные тусовки в один трагический день померкли, потеряли привлекательность – их затмила тень катастрофы, потрясшей Евразию.

Однажды, проснувшись, он по привычке включил канал новостей и понял: мир изменился.

Система, так равнодушно, так цинично отвергшая его, замерла в потрясении. Нечто необъяснимое едва не разрушило устои развитого общества потребления, показав миллионам людей край пропасти, за которым – падение в бездну.

Борг воспринял все произошедшее не иначе как шанс, дарованный судьбой. Он считал себя достаточно подготовленным, чтобы вновь стать Личностью с большой буквы, показать миру, что он отвержен несправедливо.

Странное слово, пришедшее из России, будоражило разум.

Сталкер…

Не понимая ни истоков возникновения термина, ни его потаенного смысла, Борг лихорадочно начал подготовку. Он считал, что знание русского и необходимый минимум информации, почерпнутый из Всемирной сети, заменят все остальное. В его воображении застрял собирательный образ, заимствованный из различных компьютерных игр. Он видел себя суровым мужчиной, облаченным в защитную экипировку, настоящим экстремалом, которому по плечу любая опасность аномальных пространств.

Первым делом, утвердившись в принятом решении, поверив в свою исключительность, Борг наметил точку проникновения в

сформировавшееся на просторах Евразии Пятизонье.

Полуостров Казантип. Район недостроенной Крымской АЭС.

Бессонные ночи, проведенные за компом, дали ему ложное и смутное представление о территории, куда он намеревался проникнуть. Он изучил все доступные карты, прочел множество заметок очевидцев и статей, посвященных интересующему его объекту, который – Борг был абсолютно уверен в безупречности своей логики – по определению станет неким центром, убежищем для обитателей отчужденных пространств.

Подготовка к миссии и установление контакта с лицами, которые помогут ему нелегально проникнуть в Пятизонье, отняли три с половиной года, но время не охладило стремлений Борга, напротив, противоречивость информации, просачивающейся в средства массовой информации, лишь подогревала его интерес.

Затем последовал совершенно безрассудный поступок.

Некая туристическая фирма, в офис которой было невозможно попасть без определенных рекомендаций, за совершенно неумеренную плату бралась доставить искателя приключений в интересующую его точку, расположенную уже в границах одного из пяти Барьеров.

Еще несколько месяцев Борг потратил на сбор необходимой суммы, окончательно испортил отношения с друзьями и родственниками, но все же добился своего.

12 марта 2055 года он, пребывая в плену нервных иллюзий, покинул старую Европу, предвкушая начало новой жизни. Всю дорогу молодой авантюрист, не обращая должного внимания на лишения, пытался представить, как все произойдет в действительности?

Воображение рисовало ему серый, полуразрушенный корпус энергоблока, окруженный руинами недостроенных зданий. Борг сотни раз видел его на фотографиях, знал, что возведение Крымской АЭС было приостановлено после Чернобыльской катастрофы, когда готовность здания первой силовой установки составляла восемьдесят процентов. Станцию, как и расположенный поблизости город энергетиков – Щелкино, постигла незавидная участь. Остановленная стройка постепенно ветшала, город-спутник, оставшийся без поддержки градообразующего предприятия, стремительно приходил в упадок, люди бежали оттуда, а те, кто не смог, остались без средств к существованию, без тепла и света, перебиваясь случайными заработками.

АЭС подверглась варварскому разграблению.

В первые годы после распада Советского Союза со станции тащили все, что не было влито в бетон либо надежно закреплено, а затем, когда

тащить стало нечего, пришел черед и самой конструкции – внутреннее наполнение техногенного объекта вырезали, распродавая на металл, недостроенные здания разбирали, зачастую сбрасывая железобетонные плиты на землю, чтобы те разбились – так «старатели» получали доступ к металлической арматуре.

В конечном итоге на берегу Акташского озера уцелела лишь мрачная бетонная коробка энергоблока, пустая, как выеденный вредителями орех. В 2010 году станция и прилегающая территория были переданы неким частным лицам для строительства Щелкинского Индустриального Парка – то была последняя, уже заранее обреченная на провал попытка изменить существующее положение вещей, вдохнуть новый смысл в печальный призрак былых технических перспектив региона.

Подле здания реактора, от которого остались лишь неподдающиеся разрушению стены, возвели корпуса нефтеперерабатывающего предприятия, но его строительство так и не было закончено из-за разразившегося в те годы всемирного финансового кризиса…

…Наивные грезы Борга были разрушены так же беспощадно, как время и люди разрушили почти готовый энергоблок.

Все, что рисовало воображение, на поверку не имело никакой связи с реальностью.

Он никогда не забудет день своего прибытия.

Точно так же бушевала гроза. После тяжелого путешествия через Барьер ему, измотанному физически, предстояло перенести сокрушительный моральный удар. Проводники, столь любезные на подходе к участку повышенной гравитации, внезапно стали грубыми и недружелюбными, они обращались с пятерыми искателями приключений, как со скотом, не позволяя отдохнуть, погнав их вперед ударами прикладов.

Вокруг вздымались волны покореженного ландшафта.

Заросли металлических растений, по которым пробегали голубоватые сполохи статики, навевали жуть. Проливной дождь ухудшал видимость, старенький буксир, доставивший их морским путем, быстро исчез за мятущейся пеленой, вооруженные до зубов проводники нервно озирались по сторонам, переговаривались между собой, употребляя непонятные термины, затем пятерым путешественникам просто завязали глаза и повели их вслепую, через какие-то подземные коммуникации.

Путь был долгим, а когда небольшой караван прибыл на место и новоявленным «сталкерам» было позволено оглядеться, Борг почувствовал, как его охватывает нервный озноб.

Он понял, что стоит на склоне холма, вершину которого венчал

переживший катастрофу корпус первого энергоблока недостроенной Крымской АЭС.

Метрах в пятидесяти от него щерились провалами перекрытий приземистые (по сравнению с основной постройкой), изуродованные пологими волнами застывших в бетоне искажений цеха не оправдавшего затрат нефтеперерабатывающего завода. Ветвистые молнии били в исполинскую стрелу подъемного крана, которого по определению тут быть не могло: все механизмы после остановки строительства АЭС либо разрезали на металл, либо продали еще в начале двадцать первого века.

Тем не менее похожая на призрак из прошлого ажурная конструкция, собирающая на себя большинство разрядов бьющих в районе станции молний, выглядела вполне реально. Совершенно необъяснимым казался тот факт, что она серебрилась, словно была совсем недавно собрана из неподверженных коррозии металлических секций.

Борга раздавила новая реальность. Он не обладал и десятой долей психологической устойчивости, адаптивности мышления, необходимой для элементарного выживания в условиях Пятизонья.

Ни один из прошлых навыков не мог помочь ему. Купленная за бешеные деньги экипировка на поверку оказалась совершенно бесполезной – в первый же день один из жутких, измененных Зоной людей, настоящий, реальный сталкер, доходчиво объяснил Боргу, что без имплантации он не выживет, в лучшем случае протянет неделю или две, а затем либо сойдет с ума, либо, получив спорадические изменения, пополнит ряды нежити – превратится в пораженный серебристой проказой ходячий труп, больше похожий на эндоостов андроида, чем на человека.

…Лишь на второй день своего пребывания в Пятизонье Борг попал внутрь Цитадели Ордена.

Снедаемый страхом, изглоданный сомнениями, он озирался вокруг, не находя никакой связи существующей постройки с теми фотографиями, которые видел в прошлой жизни на экране компьютера.

Внутри Цитадели Ордена в нездоровом желтом свете электрических ламп серебрились многоярусные перекрытия из стабилизированных мнемотехниками автонов. Борг ожидал увидеть четыре зияющих в полу прямоугольных провала, ведущих в затопленные водой недра недостроенной станции, но, оказывается, их давно заделали, а подземелья осушили.

До проведенной мнемотехниками Ордена реконструкции внутри здания можно было увидеть лишь уходящие на головокружительную высоту стены, к которым лепились ветхие металлические балкончики и

опоры двух расположенных друг над другом проржавевших кран-балок, но теперь все кардинально изменилось.

Пять уровней легких, ажурных перекрытий образовывали поделенные на помещения этажи. В центре их пронзал похожий на металлическое плетение старых телевышек вертикальный тоннель пяти метров в диаметре. По его внутреннему периметру шла круговая лестница, начинающаяся от тайных ходов, расположенных в подземелье, и выводящая на куполообразную крышу.

Кроме тоннелей, проложенных по трещинам земной коры, в Цитадель вел еще один хорошо защищенный вход: древние гермоворота, ранее заваренные, а теперь восстановленные, приводимые в движение электродвигателями.

С внутренней стороны гермоворот располагался современный энергоблок: в отдельном помещении, в гнездах специальных адаптеров, соединенные толстенными кабелями, покоились «Сердца зверя» – компактные, но мощные накопители энергии, добываемые сталкерами из подбитых механоидов.

…Все увиденное не укладывалось в рассудке Борга.

Предложенный ему выбор не отличался разнообразием – либо имплантация, которая, по сути, инфицирование организма спорами металлорастений, либо болезненная смерть.

Теперь он мечтал лишь об одном – вырваться из Пятизонья, но, как выяснилось, Борг купил билет в один конец, никто даже не помышлял о том, чтобы тратить силы и средства на доставку зарвавшегося, самонадеянного экстремала назад во Внешний Мир.

Либо ты с нами, либо против нас.

Третьего не дано.

Борг изнывал от ужаса и неопределенности. Он понимал – никто не собирается имплантировать его насильно, Ордену не было необходимости принимать в свои ряды тех, кто не разделяет его идеологию, но самостоятельно прийти к здравому, осознанному решению оказалось выше человеческих сил – слишком велик был ужас, спазмом подступающий к горлу от одного взгляда на изуродованных проказой Зоны сталкеров.

Он бы погиб, так и не приняв никакого решения, не вмешайся случай – во время бесцельных шатаний по ограниченному пространству прилегающих к Цитадели территорий Борг оказался случайно инфицирован, неосторожно приблизившись к экспериментальной плантации автонов, на которых созрели н-капсулы.

Все страхи и сомнения оказались ничтожны перед ужасом,

охватившим его при виде серебристого пятна неправильной формы, расползшегося по запястью правой руки, где перчатка защитной экипировки неплотно прилегала к рукаву одежды.

Неистовое желание жить, животный ужас перед перспективой пополнить ряды сталтехов толкнули Борга на отчаянный шаг – он добровольно согласился на имплантацию, принял необратимое решение, поклялся в верности Ордену, став его послушником…

Послушником тех, кого он теперь ненавидел.

* * *

…Сегодня грозовая активность выглядела аномально высокой.

Наблюдатели тщетно всматривались во мглу с вершин Цитадели: потоки низвергающейся воды резко ухудшали видимость, обилие электрических разрядов мешало работе сканирующих систем, даже опытные мнемотехники и бывалые метаморфы в такую ураганную непогоду предпочитали заняться текущими делами, без особой на то нужды не покидая защищенные чертоги твердыни.

…На блокпосту, выставленном среди руин несостоявшегося города энергетиков, трое воинов в экипировке послушников Ордена держали под визуальным контролем двадцатиметровое пространство, дальше не пробивался ни взгляд, ни сканирующее излучение имплантов. Рассвирепевшая стихия монотонно хлестала по бронекостюмам струями проливного, сминаемого ветром дождя; крупные капли воды змеились по опущенным забралам защитных шлемов, не помогали даже искрящие полоски статического электричества, периодически смахивающие влагу, дождь все хлестал и хлестал. Старшие караула – сталкер-универсал и бионик – только что завершили обход и, не заметив ничего подозрительного, вернулись в палатку.

Очередная вспышка молнии на миг высветила ближайшие окрестности. Один из послушников насторожился, чуть привстал, глядя поверх укрепления в сторону тамбура, где почудилось движение человеческих фигур, но ни взор, ни внутреннее зрение не подтвердили возникшие опасения. Основание вихря медленно, неторопливо вращалось, не было заметно зеленоватого отсвета пульсации, и он успокоился – почудилось.

Снова ударила молния, по ближайшим зарослям автонов сыпанули искры, заплутавший в непогоде механоид, попав под разряд, блаженно застыл, напитываясь энергией…

– Брат Кирилл! – Второй из послушников, смотревший в другую

сторону, заметил что-то необычное, вскинул руку, указывая влево от укрепления, на его вскрик из палатки показался высокий сталкер и, мгновенно сориентировавшись, шагнул к треножному станку стационарного генератора электромагнитного импульса.

Резко повернув тупоносую установку, он, не раздумывая, коснулся сенсора гашетки. Длящийся доли секунды импульс ЭМИ-излучения ударил по ближайшим зарослям металлорастений, облив их ветви призрачным сиянием фиолетовых оттенков.

Три человекоподобные фигуры, высвеченные вспышкой, на секунду замерли, не завершив начатых движений, а затем вдруг начали валиться на осклизлую, глинистую почву, словно манекены.

Послушники засуетились, привстали. Импульсное оружие в их руках смотрело в чащу автонов, где брат Кирилл только что обезвредил троих незваных гостей.

Сталкер поморщился. *Что-то нежити в последнее время слишком много развелось,* – подумал он, без страха и любопытства рассматривая постепенно гаснущие контуры. Обычно сталтехи не ходили группами, они, как правило, передвигались поодиночке, в упорных поисках свободного механического носителя, а тут, как нарочно, прут и прут. Уже четвертая группа за последние двенадцать часов. И что странно – пульсации портала незаметно.

Взглянув на напряженных, притихших послушников, он скупо произнес:

– Не расслабляться!

Те поочередно кивнули. Где же тут расслабишься, когда не видно ни зги, а механоиды так и снуют, шныряют почти под самым носом, для них разгулявшаяся стихия что манна небесная, – вон и на автонах от избытка свободной энергии проклюнулись новые ветви, да кое-где набухли, засеребрились наросты с заключенными внутри н-капсулами.

Брат Кирилл еще некоторое время пытливо сканировал окрестности, а затем, понимая настроение послушников, подсел к ним.

Даже он не заметил, как справа от портала, обходя стороной блокпост, промелькнули и исчезли призрачные фигуры, которые выдавала лишь влага, смутно проявляющая особенности экипировки боевиков секты «Пламенный Крест».

* * *

Они двигались профессионально, бесшумно, незримо.

Любой, кто хоть однажды видел фанатиков в деле, сразу бы

заподозрил неладное: слишком четкими, отточенными были их действия, смертоносная грация профессионалов сквозила в каждом движении. Жесты, которыми общались между собой боевики «Пламенного Креста», наводили на мысль о вышедшем на задание спецподразделении элитных войск – фанатики обычно засоряли эфир никому не нужной болтовней, возгласами, приказами, да и вряд ли они обошли бы блокпост Ордена, не возбудив подозрений битого Зоной сталкера-универсала.

Впереди группы двигались два метаморфа. Пользуясь своими способностями, они маскировали отряд от обнаружения, непогода работала им на руку, позволяя создавать искажения реальности, трансформируя след от работы энергосистем боевой экипировки в безобидные, мятущиеся повсюду импульсы статического электричества.

Совершив глубокий обходной маневр, отряд переодетых наемников вышел в тыл позиции блокпоста.

* * *

– Ну? Что притихли? – Оползень присел на перевернутый ящик. – Страшно?

– Жутковато… – признался один из послушников.

– Брат Кирилл, а почему Орден местность не зачистит?

– А зачем? – Сталкер мысленно соединился со своим напарником, биоником Кочей, даже не вышедшим из палатки. Тот ответил волной холодной сосредоточенности: *не мешай.* Коча такой, себе на уме – набрал н-капсул с ближайших автонов и теперь колдует над ними в палатке. Все разбогатеть мечтает. Свойство, там, новое открыть или панацею от металлизированной проказы найти. Эх, непутевый. Не понимает, не верит, что с Зоной нельзя вступить в брак по расчету, а потом развестись. Сталкер – это не профессия. Образ жизни.

– Ну, как же? – не унимался послушник. – Я пару дней назад своими глазами видел – бронезавры из воды выползали. Пять штук. И близко от укреплений, аж не по себе. Непорядок ведь?

– Бронезавры нас не трогают. Им энергии хватает, так пусть себе пасутся. Ты сразу уразумей, пацан, что Зона не терпит пустоты. Вот, к примеру, Ковчег по-другому поступает. Вычищают они окрестности Академгородка, а толку? Автоны снова вырастут, механическая нежить опять наползет, наплодится после очередной пульсации, вот и получается, что зря они только силы расходуют да бойцов губят. – Оползень чуть привстал, насторожившись, но подсознательное ощущение опасности не нашло подтверждения. – У нас все практично устроено. Попробуй от

тамбура к Цитадели прорваться. Сначала автоны, затем бронезавры, пройдешь ли через них? А вычисти мы местность, и станет крепость Ордена проходным двором, – назидательно произнес сталкер. – Командор Хантер правильно все организовал. Три рубежа обороны, два из которых – природные, самой Зоной созданные… – Он вдруг умолк, не завершив начатой мысли. – А ну – по местам!

Послушники метнулись в стрелковые ячейки.

Оползень хотел по привычке щелкнуть креплениями армгана, но, глянув вокруг, передумал. Дождь, будь он неладен, падал сплошной стеной.

Коча, гости у нас!

Бионик тут же выскочил из палатки.

Оползень чуть присел, пытливо сканируя дождливую мглу.

– Что? – Коча уже был рядом, но его способностей явно не хватало, он не ощущал опасности, ведь призвание бионикoв – поддерживать силы других сталкеров, лечить их…

– Метаморфа чувствую… – Оползень перехватил ИПК и метнулся к ближайшей поросли автонов. – Позицию держи, – передал он напарнику. – Я проверю, кто там пожаловал…

* * *

Среди зарослей металлокустарников потрескивали электрические разряды.

Оползень двигался бесшумно, как тень. След метаморфа стал отчетливее, у Кирилла в груди возник неприятный холодок – эманации энергии, оставшиеся после манипуляций с реальностью, ощущались резко, явственно, несмотря на непогоду, напитавшую автоны статикой.

Метаморф не один… Их двое, и прикрывают они не только себя… – мысленно истолковав след, Оползень понял, что дело плохо. Группа неизвестных просочилась в тыл, в обход блокпоста, видно, где-то поблизости орудуют вражеские мнемотехники – это они гнали сталтехов, зная, что в момент применения генератора электромагнитного импульса зеленоватое мерцание микропульсации пройдет незамеченным.

Точно все рассчитали. Кто ж вы такие? Наемники? Военные? Боевая группа Ковчега?

Оползень не стоял на месте. Ловко двигаясь меж автонов, он шел по следу, в свою очередь заходя в тыл пришельцам.

Ага… Уже близко, но по-прежнему ничего не видно. Метаморфы матерые. Дело свое знают. Ну, да не таких обламывали… – Кирилл мысленно разговаривал сам с собой, чтобы сохранять концентрацию, не

потерять след.

Миг, и он наконец увидел незваных гостей.

Ощущение, словно проломил незримую стену, попал в иное измерение, исчезло чувство, что идешь по следу, восприятие вдруг стало резким, словно фигуры в черной броне с красными вставками, изображающими языки пламени, соткались из влажного воздуха и упругих дождевых струй.

Фанатики?! – Мысль обожгла свой абсурдностью, но изумляться профессионализму недобитков-сектантов уже было некогда: на троих вооруженных импульсными автоматами послушников двигалось пятеро боевиков, еще трое, крадучись, подбирались к палатке, а искажения реальности, поддерживаемые метаморфами, не позволяли возглавившему караул Коче распознать их приближение.

Оползень начал действовать первым: метнувшись в сторону, открыл себе сектор обстрела, резанул двумя короткими очередями из «карташа» – сперва по метаморфам, затем по боевикам, что уже изготовились к стрельбе, и тут же откатился прочь, стремясь отвлечь на себя внимание противника, дать Коче и послушникам шанс сориентироваться, переместиться по другую сторону укрепления, а не маячить, как мишени в тире…

Экипировка боевиков «Пламенного Креста», к немалому удивлению бывалого сталкера, выдержала попадания, метаморфов сбило с ног, но они тут же начали подниматься – зрелище, нужно сказать, шокирующее.

В следующий миг Оползню стало не до них.

Зеленоватые сполохи микропульсаций портала пробились сквозь хмарь проливного дождя, судя по интенсивности свечения, мутный вихрь выбросил в зоне тамбура не менее тридцати человек, следующих друг за другом небольшими группами.

Где-то рядом вспыхнула яростная, беспорядочная стрельба.

Дробный перестук очередей из крупнокалиберных ИПК перекрыл нудный шелест дождя, пули, сбивая ветви автонов, рубили просеки в чаще металлорастений. В бой вступили соседние блокпосты, а на только что атакованной позиции все внезапно стихло – фанатики и двое метаморфов, унося с собой убитых и раненых (если они, конечно, были), исчезли, растворившись в мутной хмари, так же внезапно, как появились.

Оползень метнулся к мешкам с песком. Все же боевики успели произвести несколько прицельных выстрелов – один из послушников лежал на земле, в забрале его защитного шлема змеились паутинками трещин две крохотные дырочки.

– Коча, живой?

Бионик, склонившийся над смертельно раненным послушником, не ответил, лишь передернул плечами – не мешай!

Кирилл осмотрелся.

– Я к соседям! – Он рывком поднял на ноги съежившегося под укреплением послушника, встряхнул его, пытаясь привести в чувство насмерть перепуганного новичка. – Как зовут?! – хрипло спросил он.

Послушник медленно повернулся. Его взгляд был затравленным, пустым.

– Борг… – негромко ответил он.

– Вот что, вставай за ИПК, парень! И держи подступы! Кто появится, стреляй без вопросов! Ты понял меня?! – Оползень подтолкнул послушника к треножному станку, с установленным на нем тяжелым импульсным пулеметом.

Послушник, неловко перебирая ватными от страха ногами, оскальзываясь в грязи, подошел к оружию, вцепился в гашетки, повел стволом.

– Вот так. Молодец. Я быстро. А ты, – Оползень обернулся ко второму, – ты контролируй подступы с тыла! И на вот! – Он протянул парню устройство, собранное из двух артефактов. – Держи! Помогает обнаружить метаморфов. Если начнет светиться – стреляй, значит, они близко, метрах в десяти от тебя, понял?!

Тот кивнул.

Борг тем временем развернул ИПК. Теперь его ствол чуть накренился, глядя на Кирилла и второго послушника.

– Сдурел от страха?! – выругался Оползень. – Я тебе что сказал?!

Вместо ответа громыхнула очередь.

Пули ударили в грудь Оползня, отшвырнули его метров на пять, в чащу автонов, затем тугие плевки резанули по спине бионика и снесли голову послушника.

Руки тряслись. Борг едва разжал сведенные судорогой пальцы, с трудом отпустив рукоятки оружия.

– Путь чист… – сипло выдохнул он в устройство связи.

* * *

Меньше чем через минуту на позиции уничтоженного блокпоста появились наемники. Двое сопровождавших их метаморфов держались особняком, к ним присоединились еще трое мнемотехников. Все были облачены в экипировку секты.

– Ты Борг? – полуутвердительно произнес командир наемников.

Послушник лишь кивнул в ответ. Его трясло. Осознание только что произошедшего убийства окончательно помутило рассудок.

– Вы обещали… – Его зубы внезапно лязгнули. – Вы обещали освободить меня!

– Я помню, – холодно ответил командир наемников. – Где вход в подземный тоннель?

– Нужно идти вдоль кабеля.

– Как проникнуть внутрь?

– Пароль – «Химера», – справившись с дрожью, ответил Борг. Больше всего он сейчас боялся, что наемники синдиката заставят его идти с ними в Цитадель Ордена. – Там, в конце тоннеля, бронированная дверь. Нужно набрать пароль на клавиатуре, а затем повторить его в переговорное устройство.

– Молодец, Борг. Ты отлично справился. – Командир наемников сделал знак, и один из его бойцов короткой очередью, выпущенной в голову, срубил послушника Ордена.

Еще одно тело рухнуло на скользкую, раскисшую от дождя землю.

Командир, равнодушно взглянув на конвульсивно подрагивающего в агонии Борга, зашел в палатку, осмотрел установленную там аппаратуру, затем проследил за кабелем, двигаясь по едва приметной тропке, проложенной через чащу металлорастений.

Обнаружив замаскированный вход в тоннель, он вернулся к позиции блокпоста. Проливной дождь уже смыл с укрепления следы пролитой крови, двое «фанатиков» сняли с треножного станка генератор электромагнитного импульса, остальные заняли позиции, контролируя ближайшие подступы к разгромленному опорному пункту Ордена.

Стрельба в окрестностях стихла. Через пару минут еще одна группа боевиков секты «Пламенный Крест» в составе семи человек появилась в пределах видимости.

Обменявшись условными жестами, они подошли ближе.

– Сопротивление подавлено, – сообщил лидер вновь прибывших. – Мы попали под перекрестный огонь. Потеряли двадцать пять человек.

Командир наемников мысленно усмехнулся. Двадцать пять трупов в облачении боевиков секты – именно то, что нужно. *Этих семерых возьму с собой,* – рассудил он. – *Пусть умрут уже в чертогах Цитадели, чтобы у командора Хантера не возникало сомнений в серьезности предпринятой атаки*.

– Пойдешь с нами. Сожалею о потерях. Вам заплатят двойную

компенсацию за каждого погибшего бойца.

– Это справедливо, – хищно оскалился лидер вспомогательной группы. Он еще не знал, что заранее принесен в жертву, взят на задание с единственной целью – навек остаться здесь, немым окоченевшим доказательством причастности боевиков «Пламенного Креста» к дерзкому, цинично спланированному нападению на Цитадель Ордена.

Один из метаморфов тем временем приблизился.

– Мы уходим, – сообщил он.

– Без проблем. Проводники и прикрытие нам больше не нужны. Передайте генералу, что все сложилось удачно. – Командир наемников повернулся и негромко скомандовал своим бойцам: – Вперед!

Отчужденное пространство пустоши

То же время…

…Над бескрайней радиоактивной равниной среди едва приметных огрызков зданий, снесенных многими катаклизмами до уровня фундаментов, обломков стен, случайно уцелевших бетонных блоков, провисших на ненадежных опорах, среди холмов источающего радиацию праха пылала голограмма «Пламенного Креста» – знака, ставшего символом секты, возникшей среди трудностей и невзгод жизни в аномальных пространствах Пятизонья.

Доведенные до изнеможения преследованием военных, попавшие в самое сердце смертельно опасных, не посильных для сталкера-середнячка пространств, сектанты чувствовали себя загнанными в библейский ад.

Здесь, в разломах земной коры, дышали жаром, исторгали удушливый пепел тягучие реки подземного огня, били гейзеры мертвой воды, лениво сочились ядовитыми испарениями конические сопки, бывшие когда-то горами мусора…

Испытание верой не прошел никто.

Одно дело творить зло, нападать большим числом, сатанея от пролитой крови, верить в мифическую миссию, и совсем другое – оказаться в роли жертвы на огромном алтаре, имя которому – Зона.

Даже легендарный Дьякон приуныл.

Косматый, с кругло очерченным пивным брюшком, он сидел подле голографического символа новой веры, что-то бубня себе под нос.

Его паства разбрелась кто куда, но тщетны их поиски: в оврагах, где из праха земли проросли металлокустарники, можно найти лишь собственную смерть.

Куда податься, чем подпереть пошатнувшуюся веру? В конце концов, чем питаться и как защищаться от врагов, если все запасы пришлось бросить, когда военные сталкеры неожиданно начали штурм их твердыни? Нет ни оружия, ни снаряжения, ни еды.

Тяжкие думы Дьякона лишь усугублял царящий во временном лагере разброд.

Да, у него еще оставалось достаточно сил на одну вдохновенную проповедь, но, даже подняв дух последователей, куда он поведет их?

Церковь в Сосновом Бору захвачена военными, большинство боевиков секты погнались за ложными целями, и теперь неизвестно, вернутся ли они вообще?

Он вновь окинул мутным взглядом водянистых глаз убогонький временный лагерь, застывшие в бессильных позах фигуры.

Предложить им массовый суицид, что ли? – Дьякон невольно глянул по сторонам. Еще в бытность байкером, во время лихих, беспредельных набегов на удаленные регионы страны, где власть не обладала должным рвением и силами, чтоб оградить рядовых сельских жителей от стрекота железных коней и глумливых «всадников», он усвоил некоторые элементарные, но весьма пригодившиеся в дальнейшем истины. Фанатизм, как крайняя форма веры в идею, идола, надежду, – не безграничен. Когда фанатик гол, бос, голоден, когда нет ему ни жертвы, ни великих явлений, способных поддержать нетвердый дух стаи, он быстро превращается либо в животное, готовое питаться мясом своего единомышленника, либо звереет иначе – бездумно и бесстрашно бросаясь на вожака.

Дьякона не устраивал ни один из вариантов. Он пока не страдал – метаболические импланты работали исправно, а вот рядовые боевики секты находились на грани изнеможения. Что за ней – тихое, смиренное отчаяние или бунт, – Дьякону выяснять не хотелось.

Произнесу проповедь, поведу за собой и утоплю по-тихому в ближайшем пылающем овраге, – мрачно подумал он. – *Новых последователей всегда найду. А эти уже опасны, да и не годны ни на что…*

Он совсем было уверился в собственной мысли, хотел величественным жестом погасить голограмму пылающего куста, как вдруг…

Чудо, которого он не ждал и не просил, заставило пошевелиться, оглянуться даже самых обессиленных.

В центре лагеря внезапно ударил фонтан огня, но его брызги, хоть и казались реальными до дрожи, не опалили даже волоска в сальной косматой бороде Дьякона, а вслед чудному явлению вдруг раздался идущий

из ниоткуда голос:

– Здесь вас ждет лишь бессмысленная смерть! Идите к скрытому убежищу, где останетесь живы!

Дьякон не успел толком ничего сообразить – столб пламени прямо на глазах рассыпался серебристой пылью, а на том месте остался небольшой, парящий в воздухе шипастый шарик, который неторопливо полетел прочь, призывно покачиваясь из стороны в сторону.

Не в силах противостоять внезапному порыву, Дьякон встал и медленно побрел за ним, а следом потянулись остальные сектанты.

Иногда вера в чудо ведет в лапы смерти.

Дьякон поддался минутной слабости, последовал за искушением, купился на незамысловатый технический трюк.

План операции, разработанный синдикатом, развивался успешно. Теперь все действующие лица окажутся на своих местах, в урочное для них время. Смерть Дьякона – личности, широко известной в Пятизонье, снимет любые двусмысленные трактовки. Теперь, в случае успеха, уже никто не сможет обвинить синдикат в причастности к гибели командора Хантера.

На подступах к Цитадели Ордена…

В тоннеле плавал зеленоватый туман.

Здесь не ощущалась непогода, напротив, воздух был сух, тепло подземных источников пробивалось сквозь трещины, сочилось через них, наполняя подземный ход, проложенный вдоль тектонического разлома, термальным излучением, кроме того, здесь фиксировался сильный радиоактивный фон, создающий помехи при работе традиционных охранных датчиков.

Командир наемников прошел с десяток шагов и остановился. Он не был столь глуп, чтобы полагаться на удачу. Вход в Цитадель Ордена наверняка хорошо защищен. Кроме бронированной двери там должно быть что-то еще, например скрытый пост наблюдения или огневые точки, о которых мог и не знать предатель из числа послушников.

– Бес! – подозвал он предводителя вспомогательной группы.

– Ну? – тот подошел.

– Возьмешь взрывчатку, пойдешь со своими людьми вперед. Там бронированная дверь. Нужно действовать быстро. Подорвите ее.

– А вы? Подождете в сторонке? – презрительно прищурился Бес.

– Мы будем прикрывать вас, – сухо ответил командир наемников.

Аномальные пространства не терпят пренебрежительного, надменного отношения к ним.

Полагаясь исключительно на силу оружия, здесь не добьешься ничего.

Ни командир наемников, ни предводитель сталкеров пустоши не знали, что за мгновенья до их появления в тоннеле сработал нехитрый защитный механизм: потеряв связь с имплантами Кочи и Оползня, устройство мью-фона, спрятанное в стене, замкнуло цепь питания, и на развилке коридоров бесшумно переместилась каменная плита, блокировав один коридор и открыв другой.

Зеленоватый туман сочащихся из трещин испарений сразу не понравился Бесу. Оседая налетом конденсата на экипировке, мельчайшие капельки вдруг начинали шипеть, оставляя на броне микроскопические выемки, делая ее похожей на подтаявший ноздреватый снег.

Тоннель терялся в полумраке. Сколько еще идти до гермоворот, запирающих вход в твердыню Ордена, – непонятно. Звериное чутье, выработавшееся у Беса среди смертельных превратностей пустоши, заставило его замедлить шаг. Впереди подземный ход расширялся, вливаясь в небольшую пещеру, – там, среди зеленоватого, ядовитого марева, пробивались багряные отсветы подземных источников тепла. Густо проросшие металлорастения обретали неожиданную форму, они покрывали стены и потолок пещеры потеками и наростами.

Идти вперед было страшно.

– Почему встали?

– Там что-то есть! Я чувствую!

– Датчики ничего не показывают! Вперед!

– Сам не желаешь попробовать? – оскалился Бес. – Туман ядовитый. Он разъедает экипировку!

– Экипировка выдержит! – резко ответил командир наемников.

Бес попятился. Он не собирался двигаться дальше. Теперь наемник из пустоши откровенно жалел, что связался с техносиндикатом. Не зря ведь говорят, что Цитадель Ордена неприступна и единственный безопасный вход в нее – это торговый тоннель, ведущий по поверхности сквозь чащу автонов. Он хорошо охраняется, но пройти по нему, предварительно сдав оружие и заглушив боевые импланты специальными экранирующими вставками, мог каждый сталкер, вне зависимости от его репутации и принадлежности к какой-либо группировке.

– Мы не пойдем дальше, – хрипло произнес Бес. – Там скорги!

– Хорошо. Оставайтесь. Мы справимся сами. – Командир наемников синдиката был упрям, он не собирался топтаться на месте или провалить задание из-за трусоватых бродяг с пустоши. – Я даже не стану никого убивать, – презрительно обронил он. – Но о вознаграждении придется

забыть.

Бес отступил к стене, с кривой усмешкой уступая дорогу.

Наемники синдиката устремились вперед. Их командир отлично понимал, что сейчас дорога каждая секунда, – метаморфы и мнемотехники, выделенные в сопровождение его группы, приложили немало усилий, чтобы нападение на блокпосты в зоне тамбура прошло незамеченным. Следовало стремительно завершить операцию, пока фактор внезапности еще действовал на их стороне. А с трусливым отребьем, набранным в пустоши, можно разобраться на обратном пути. Зная их жадность, он не сомневался, что остатки вспомогательной группы будут дожидаться где-то поблизости, а их предводитель непременно постарается выклянчить хотя бы часть обещанного вознаграждения.

Наемники синдиката тем временем уже вошли в пространство небольшой пещеры.

Это напоминало недра плавильной печи. Перейдя с быстрого шага на бег, боевики попытались рывком преодолеть опасный участок, но стоило лишь потревожить размягченную высокой температурой поросль автонов, как со сводов пещеры вдруг хлынул дождь из мельчайших капелек серебристого расплава.

Микроскопические колонии хищных скоргов, почуяв добычу, прожигали броню, стремясь добраться до носителей, внедриться в них, – чудовищная сцена разыгралась на глазах Беса и шестерых сопровождавших его бродяг с пустоши. Облитые серебром фигуры наемников метались в тесном пространстве, сбивали друг друга с ног, падали и вскакивали, сотрясаясь в агонии.

Кошмар длился недолго. Через минуту все улеглось, лишь мягкие, метаморфические, меняющие очертания рельефные выступы, отдаленно копирующие формы человеческих тел, еще шевелились на полу пещеры, постепенно сливаясь с окружившими их пузырящимися лужицами серебристого расплава.

Бес машинально попятился, затем бросился прочь.

Теперь он точно знал, что Цитадель Ордена неприступна. На поверхности ее охраняли механоиды и автоны, под землей – колонии хищных скоргов.

Он никогда не отказывался от стычек со сталкерами, но биться с Зоной, покровительствующей Ордену, – чистое, ничем не оправданное безумие.

Из подобных инцидентов как раз и рождались легенды отчужденных пространств, но, как справедливо заметила Титановая Лоза, в основе

каждого самого фантастического из слухов непременно лежало реальное событие…

В мрачных чертогах Бетонного острова Шаркер тщетно ждал условного сигнала от группы, отправленной на задание.

Два военно-транспортных вертолета с наемниками на борту, которым Званцев обеспечил безопасные коридоры для преодоления Барьера пустоши, так и не поднялись в воздух.

Дьякон, медленно бредущий за левитирующим шипастым шариком, взобрался на очередной холм и остановился.

Его глазам открылась унылая и безрадостная панорама отчужденных пространств: он увидел темные полуразрушенные корпуса древней атомной станции, окруженные причудливыми, навевающими жуть постройками техноса – городища скоргов, выросшие и окрепшие, вызывающе поблескивали среди сминаемого ветром пепельного тумана.

Парящее в воздухе коммуникационное устройство внезапно отключилось – его движитель дал сбой, высокотехнологичное изделие упало с высоты в несколько метров и исчезло среди наслоений праха.

Дьякон недоумевал.

Он перебрал все возможные варианты, но так и не пришел к однозначному выводу, кто же спас его и немногих последователей от неминуемой гибели, кто вывел из глубины смертельных пространств к более или менее обжитым территориям?

Он так и не узнает этого, не догадается, что был приговорен к смерти, но внезапно получил свободу и жизнь.

Непредсказуемые последствия провальной операции синдиката только начинались, расходясь ударной волной непредвиденных событий по всему Пятизонью, грозя набрать сокрушительную силу нарастающей с каждой секундой лавины…

Цитадель Ордена

– Командор, к вам пришли.

Хантер коснулся сенсора, отключая терминал, с которым только что работал, обернулся, сурово посмотрев на воина, посмевшего потревожить своего командира в неурочный час.

– Что за срочность? Весть от Приора Аргела?

– Вернулась Титановая Лоза. Она просит принять ее.

Лицо Хантера на миг просветлело, словно суровых черт коснулся случайный солнечный луч, но лишь на секунду разгладились глубокие морщины, а взгляд серых глаз подтаял внутренним теплом.

– Позови. – Командор тяжело опустился в кресло.

Гулко рыкнула, сдвигаясь по направляющим, массивная внешняя дверь. Легкая поступь Титановой Лозы воспринималась Хантером на уровне ментальном. Командор, переживший сотни схваток, десятки удачных и неудачных имплантаций, слыл сталкером легендарным, о его воле, бесстрашии, цинизме, способности находить выход из самых отчаянных ситуаций ходили изустные предания, а облик внушал трепет любому, кто видел его впервые.

Он был высок, жилист, подтянут. Любой одежде предпочитал легкую кевларовую броню, в которую мнемотехники Ордена вплели нити, полученные из плодов металлорастений. Ходили слухи, что боевая броня Хантера уникальна, она срослась с телом своего хозяина и питается от него, взамен обеспечивая командору непревзойденную защиту.

Так это или нет, оставалось тайной.

Лицо командора украшали два шрама. Один тянулся от правой скулы к виску, второй растекся на левой щеке, тянулся к глазу, оплетая его серебром стабилизированной колонии скоргов. Поговаривали, что симбиоз с микроскопическими обитателями Пятизонья дал Хантеру уникальные возможности, трансформировав зрение командора, сместив его восприятие в спектры, недоступные обычному человеку.

На этом бросающиеся в глаза следы явного воздействия Зоны не завершались.

Большинство рядовых сталкеров могли лицезреть командора лишь на публичных мероприятиях или в моменты критические, когда Ордену грозила близкая, уже материализовавшаяся опасность. Появляясь на людях, он обычно надевал тяжелую экипировку и боевой шлем, поэтому мало кто догадывался о старом ранении, полученном командором в первые дни после катастрофы.

Сейчас Хантер находился в своих апартаментах и не видел повода скрывать внешность.

Приоры, являвшиеся соратниками командора, так же, как и он, стоявшие у истоков возникновения Ордена, между собой иногда называли его «Железная Башка» за уникальное упрямство, твердость в принятии решений и… как выясняется – за истинный облик!

Часть черепа командора украшала пронизанная нитями колонии скоргов металлокерамическая пластина, вместо волос, утраченных вследствие облучения, на его голове серебрился короткий ежик, образованный все теми же металлическими микрочастицами.

Остался ли Хантер человеком?

Сложно сказать. Внешность командора у непосвященных вызывала дрожь, замешательство и неприятие, но сталкеры из ближнего круга придерживались иного мнения. Они верили Хантеру, по-своему боготворили его, но исключительно за те качества, что изо дня в день демонстрировал командор, твердо, а порой безжалостно проводя политику Ордена, насаждая жесткую дисциплину среди подчиненных и соратников, презирая тех, кто пришел в Пятизонье, гонимый лишь жаждой наживы.

Он верил в то, что делал, и ореол его уверенности невольно распространялся на ближайших сподвижников, а от них – к бойцам, послушникам и еще не принятым в Орден сталкерам.

Легкие шаги остановились перед внутренней дверью.

Хантер поднял руку.

Свинцово-серое пятно, подернутое матовой пленкой неудачной имплантации, уродливой кляксой растеклось по тыльной стороне ладони, вытянулось нитями, пронзая кожу, оплетая пальцы. В ярком свете блеснула тяжелая печатка с микрочипом, на котором рельефно выступал герб Ордена – кандальный узел, с выгравированным девизом: «Узел Священен».

Колония скоргов, поразившая левую руку командора, только внешне казалась бесполезной, омертвевшей, лишь стесняющей движение. На самом деле к участку, пораженному в результате спорадической имплантации, уже позднее были подключены десятки различных микроустройств, соединенных через металлизированное пятно с нервной системой Хантера.

Сейчас, подчиняясь мысленному приказу, сработало одно из них, посылая импульс кодовому замку двери.

Массивная преграда мягко скользнула в сторону.

* * *

Дарлинг безмерно устала. Она едва держалась на ногах, но мысль о скором отдыхе не радовала, мрачный, лихорадочный, вызывающий блеск таился во взгляде Лозы. Движимая эмоциями, сгладить или скрыть которые не считала нужным, она перешагнула порог и остановилась напротив командора.

Ударная волна необратимых событий, вызванная неудавшейся операцией синдиката, докатилась в этот миг до Цитадели, шагнув через порог вместе с Дарлинг.

В отличие от Хантера, на лице и руках Титановой Лозы не было видно безобразных следов спорадического инфицирования скоргами и проведенных на основе пораженных участков имплантаций. Облик

девушки многих вводил в заблуждение и искушение. Ее внешность казалась вызовом Зоне, которая уродовала своих обитателей, выставляя напоказ многие отметины.

На самом деле истинные имплантации Лозы в количественном и качественном соотношении намного превышали уровень изменений, полученных командором Хантером. Между ними существовала огромная разница – подавляющее большинство имплантов, созданных на основе колоний скоргов, командор получил в разное время и помимо своей воли. Дарлинг же была имплантирована сознательно, в условиях лабораторий, ее психика претерпела минимум изменений, ведь все вмешательства она пережила под неусыпным контролем со стороны специалистов-мнемотехников, да и гибкость, адаптивность юного рассудка сыграла свою роль, позволив ей стать Титановой Лозой – одной из первых в новом поколении, кто воспринимал Пятизонье как опасную, но естественную среду обитания.

Воцарилась тишина, длившаяся лишь миг. Все невысказанные мысли промелькнули и исчезли, оставляя лишь растущее напряжение во взглядах.

За секунду (как могло показаться) между командором и Титановой Лозой наэлектризовался сам воздух.

Такая же уверенная в себе, дерзкая, непримиримая, как и сам Хантер, Лоза, в отличие от командора, все еще сохранила свойственные юности черты. Ее решительность во многих случаях диктовалась упрямым максимализмом, она еще не закоснела во взглядах на мир, порой демонстрируя гибкость в оценке различных явлений и событий. Она еще искала себя, хотя ее преданность Ордену не вызывала и тени сомнения.

Дверь бесшумно скользнула на место.

– Здравствуй, Дарлинг.

Титановая Лоза лишь кивнула в ответ, протянула руку, положив на столик тяжелый боевой шлем, который держала до этого на согнутом локте.

– Я уже начал беспокоиться.

Ее губы сжались в тонкую линию.

– У меня много вопросов. – Она заставила себя сесть в кресло напротив.

– Отвечу. – Командор принял холодный тон, как поднимают брошенную перчатку. – Но прежде хочу узнать, что произошло?

– Издеваешься? – мрачно сверкнула глазами Дарлинг.

– Нет. Я ведь вижу, как ты устала.

– Это не имеет сейчас значения. Что тут случилось?!

– Было нападение. Фанатики «Пламенного Креста» уничтожили три

блокпоста на территории тамбура и, воспользовавшись одним из тоннелей, пытались прорваться к Цитадели, но погибли, – спокойно, даже безразлично осведомил ее командор.

– Приор Глеб не предупредил тебя о готовящейся атаке? – Глаза Дарлинг потемнели.

– Он не выходил на связь. Наш капитул в Сосновом Бору недоступен вот уже несколько дней. Мнемотехники занимаются выяснением причин сбоя коммуникационного канала. Произошло непонятное возмущение силовых линий Узла, мью-фонная сеть не работает, связь между пространствами нестабильна.

Взгляд Дарлинг потемнел. Она порывисто встала, протянув командору чип:

– Вот, посмотри!

Он взял его, на пару секунд замер, сканируя носитель информации, затем спросил:

– Отчет?

– В том числе, – скупо ответила Дарлинг. – Прочти, там запись одного разговора, сделанная мной за Барьером.

– Ты выходила во Внешний Мир?! – Впервые в интонациях Хантера прорвались явные эмоции. – Дарлинг, я же тысячу раз запрещал тебе это!

– Оставь! – резко ответила Лоза. – Я нашла базу наемников синдиката!

– Победителей тоже судят! – так же резко отреагировал командор. – Зачем было выходить за Барьер?! Тебе ли не знать, что существует предел оправданного риска!

– Как и предел здорового цинизма, верно?

– О чем ты?

– Посмотри запись, узнаешь!

– Хорошо. – Хантер не стал продолжать спор. Двумя пальцами он взял чип и вдруг… начал погружать его в участок металлизированной плоти на запястье правой руки!

Бледная кожа, инфицированная скоргами, внезапно подернулась искажением, от микрочипа в стороны побежали круговые волны, затем все стабилизировалось, командор на несколько секунд машинально прикрыл глаза и лишь подергивание лицевых мышц выдавало ту жгучую, нестерпимую боль, что неизбежно сопровождала процедуру прямого доступа к информации.

Титановая Лоза, неотрывно глядя на него, побледнела. Ее черты чуть смягчились, в этот миг она испытывала сострадание, но когда Хантер открыл глаза, во взгляде Дарлинг вновь читался дерзкий вызов.

– Ты считаешь, я обязан что-то пояснять тебе? – хрипло спросил он.

На щеках Дарлинг вспыхнули пятна румянца.

– Мы ОРДЕН, а не банда! – резко ответила она. – Ты проповедуешь одно, а делаешь другое! Как я могу верить тебе? Ты – командор Ордена – связан с работорговцами, ты оплачиваешь услуги техносиндиката, отдавая им собранные с огромным риском для жизни н-капсулы в обмен на партии рабов! Рабов, которых ты затем превращаешь в послушников, дурманя им головы!

Хантер молча выслушал ее гневные тирады, затем встал, стараясь скрыть за движениями жестокую внутреннюю борьбу.

– Нет никакой религии, Дарлинг, – наконец произнес он, тяжело опираясь одной рукой о спинку кресла. – Постулаты устава Ордена – это не догматы веры, а РЕАЛЬНОСТЬ, адаптированная и сформулированная для понимания ее простыми сталкерами! Ты только что обвинила меня в работорговле. Почему?! Разве ты не слышала обвинений, направленных в мой адрес представителем техносиндиката?

– Слышала.

– Но избирательно проигнорировала их! Да, я принимал и буду принимать людей из Внешнего Мира, какими бы путями те ни проникли в Пятизонье! Спросишь – зачем? Чтобы дать им шанс на контролируемое изменение! Техносиндикат – не единственная криминальная структура, занимающаяся импортом н-капсул и доставкой людей через Барьеры. В уставе Ордена не сказано, что использовать врага в своих интересах – это предательство! Открой глаза, Дарлинг, оглянись вокруг! Ковчег, «Пламенный Крест», военные, наемники, свободные сталкеры, десятки других, еще не окрепших группировок принимают в свои ряды пришельцев из Большого Мира! Что же они дают взамен этим несчастным? Возможность подохнуть в корчах? Только у Ордена и Ковчега есть необходимые знания и оборудование, дающие возможность контролировать процессы изменений, осуществлять их в рамках осознанно проводимого вмешательства!

– Это не оправдывает…

– Работорговли?

– Да!

– Твои суждения необъективны! – Хантер с трудом сдерживал горечь. – Ты самоустранилась от руководства капитулом, добровольно стала разведчиком и теперь мыслишь узко! Ежедневно в Пятизонье проникают караваны. Сюда прибывают люди, считающие, что готовы встретиться лицом к лицу с новой реальностью. Но ты сама прекрасно

знаешь – им не прожить и нескольких дней! Я, по-твоему, буду чист, если стану свысока взирать на их муки? Разве в этом смысл существования Ордена?

– А в чем? Скажи мне, что Орден чужд грязной торговле!

– В тебе говорит юность, – вздохнул командор. – Напомню, – он повысил голос. – Напомню: наша цель – создать устойчивый анклав, контролируемо изменить достаточное количество людей, дать им способности и навыки, которые позволят не просто выжить в условиях Пятизонья, но и положить начало новой цивилизации, когда Барьеры внезапно исчезнут и Зона поглотит Землю!

– Я знаю.

– Тогда в чем смысл твоих претензий?! Мы принимаем столько добровольцев, сколько способны! Из десяти так называемых сталкеров, попавших в Пятизонье по нелегальным каналам, выживает в лучшем случае один! А теперь освободи свой рассудок от домыслов и голословных обвинений, взгляни на ситуацию непредвзято, сравни хотя бы цифры – среди послушников Ордена смертность после имплантаций не превышает пятидесяти процентов! Мы спасаем жизни людей, даем им шанс выжить, но разве Орден насильно удерживает сталкеров, имплантированных в наших лабораториях? Разве мы не отпускаем колеблющихся? Разве я, раскусив истинные намерения техносиндиката, не сделал единственно верный шаг?

– Какой?

Хантер подошел к одному из стоящих у стены контейнеров, откинул крышку, схватил горсть н-капсул.

– Вот! – Он яростно посмотрел на Титановую Лозу. – Они, вне Пятизонья – прах! Мы платим ими за человеческие жизни! Синдикат хочет получать имплантированных сталкеров обратно? Он их не получит! – Щека командора внезапно начала подергиваться, живо напоминая о прошлом, когда имя «Хантер» звучало для командора резко и неприятно.

Зона все расставила на свои места.

Как жаркое прикосновение весеннего солнца топит ноздреватый снег, вытаивая из него черные разводы грязи, так и измененное катастрофой пространство срывало горячим дыханием все напускное, обугливало плоть, уродовало рассудок. Те, кто пережил катастрофу пятьдесят первого года, были вынуждены измениться либо погибнуть. Их осталось очень мало. Горстка. Но те, кто выжил и не сошел с ума при спорадических имплантациях, навек лишились всего напускного, прошлые взгляды сожгла Зона, обнажая стержень характеров, вбивая в мозг элементарную истину:

слабая, неустойчивая психика – удел сталкеров-однодневок. Либо ты объективен и адекватен, либо ты – ходячий труп, пораженный серебристой проказой.

Путь Хантера был извилист и долог.

Он познал столько боли и страха, сколько не предполагал выдержать.

Сейчас, глядя на Дарлинг, он мучительно переживал те, прошлые воспоминания.

Приступ гнева ширился, и он хрипло произнес:

– Дарлинг, зайди ко мне позже.

– Но… – Она резко встала.

– Я прошу – позже!

Глаза Титановой Лозы сузились.

– Тебе больно?

– Оставь меня! – уже не попросил, а выкрикнул Хантер. На его губах внезапно выступила пена.

Дарлинг шагнула к двери, открыла ее:

– Дежурного мнемотехника! Срочно!

Командор без сил рухнул в кресло. Он уже практически ничего не видел, дикая боль вкручивалась в мозг раскаленной спиралью, кромсая личность, смешивая воспоминания в адский, фрагментированный коктейль.

Он не ощущал, как Дарлинг вернулась, присела подле, стянула перчатки и коснулась его висков. Под кожей Титановой Лозы, на подушечках пальцев проступили пятнышки красноватого свечения – это активировались биотехнические импланты.

Она хотела лишь успокоить его боль, унять взбесившихся от внезапного всплеска синоптической активности скоргов, но процесс с первых секунд вышел из-под контроля.

Дарлинг застыла в напряженной позе.

Пятнышки света под ее пальцами начали пульсировать – между Титановой Лозой и командором образовалась двухсторонняя связь. Пытаясь обуздать спорадический всплеск активности скоргов, она не подумала о защите собственного рассудка, пренебрегла ею и получила обратный удар.

Туманные образы, обрывки воспоминаний, принадлежащие командору, внезапно вторглись в ее разум.

От напряжения ее тело выгнулось, теперь, забирая часть боли, удерживая скоргов от всплеска губительной активности, она неосознанно вторглась в святая святых, коснулась памяти Хантера, которая в этот миг извергалась, будто вулкан, выбрасывая в облаках праха хрупкие,

контрастные, неподвластные времени образы…

* * *

Наденька!..

Безысходный вопль рвался из глубин сознания Хантера. Смутные тени ткали полотнище воспоминаний. Прах сгоревших дотла жизней клокотал, сжигая рассудок командора.

– Хистер! Хистер! Хистер!

Длинные тени бились о стены, искажаясь в свете факелов.

Крепко сбитые бритоголовые фигуры. Непонятные символы, на стенах граффити.

Молодые парни. Незнакомые лица. А среди них – командор, молодой, еще не измененный, чужой, непонятный, вызывающий неприятие, но не обликом, а неким внутренним содержанием.

На небольшом возвышении – незнакомец. В его глазах бешенство. Слова, непонятные по смыслу, звучат отрывисто, будто лай. Его жесты резки, голос истеричен.

Собравшиеся вокруг ведут себя как безумцы, пораженные скоргами. Они выкрикивают хриплые фразы, с надрывной монотонностью выплескивая волны ненависти, их энергия направлена на разрушение, молодые, крепкие парни, без следов явных изменений, похожи на остервеневших собак, рвущихся с цепи, готовых порвать ее, лишь бы выплеснуть избыток эмоций, дать волю дрожащим мышцам.

– Мы не потерпим полукровок на нашей земле! – Голос незнакомца срывается на высоких нотах. – Мы очистим наш город от скверны!

Толпа, собравшаяся в полуподвальном помещении, начинает скандировать:

– Хистер! Хистер! Хистер!

Он вытягивает шею, так что напрягается каждая жилка:

– Смерть!

Слово – как нажатие спускового крючка.

Толпа – словно горсть патронов, вставленная в обойму, – призыв вожака выстреливает молодых парней в теплую мглу ранней осени.

Они готовы убивать.

Хистер, пошатываясь после произнесенной только что речи, последним выходит из подвала. Свет факелов уже растекается по переулкам. Красные точки отражаются в расширенных зрачках Генриха Хистера, пляшут в них, как чертики.

Он нервным движением достает сигарету, прикуривает, не замечая,

что пальцы дрожат.

Смерть…

Он не обязан участвовать в погромах. Его дело – завести толпу, хотя со временем он понемногу и сам начал верить в придуманную идеологию, поднявшую его, не на вершину Олимпа, конечно, но на холмик, откуда вполне комфортно плевать на жизни других.

Рядовые боевики пусть занимаются грязной работой. Кесарю – кесарево. Они устраивают погромы, он же снимает сливки финансирования, прикрывает бойцов от преследования закона, «разруливает» спорные ситуации, все более утверждаясь в собственной значимости и исключительности.

Сигарета в дрожащих пальцах дотлела до половины.

Сейчас начнется. Сейчас…

Первый удар он пропустил. Ожидая глухих отдаленных хлопков, смутного и невнятного отголоска криков, ну, в крайнем случае, отсвета пламени, Хистер лишь разинул рот, когда по улице внезапно прокатилась судорога, он отчетливо видел, как волна разрушений, начавшись где-то на окраине города, вдруг безо всякой прелюдии вздыбила несколько кварталов, рассыпая здания, кроша кирпич и бетон, поднимая густые, непроницаемые для взгляда облака пыли, будто с невидимой горы неслась, сметая все на своем пути, всесокрушающая лавина…

Он даже не успел испугаться.

Сигарета выпала из пальцев, а в следующий миг судорога, ломающая асфальт, выбила землю из-под ног, швырнула его, как тряпичную куклу, ударила головой об осыпающуюся стену дома, а затем, будто передумав убивать, спиной втолкнула тело в тот самый полуподвал…

* * *

Дарлинг все еще держала пальцы у висков командора, кружа в пучине его обрывочных воспоминаний, когда два мнемотехника, при поддержке биоников, вторглись в процесс, вырвали ее сознание из смертельно опасного омута.

Чьи-то руки поддержали, помогли встать.

Открыв глаза, она несколько секунд отчужденно смотрела на командора, а затем, все еще находясь в плену полученных впечатлений, тихо спросила, обращаясь в пустоту:

– Кто-нибудь знает, у командора есть дочь?

Тишина.

– Она погибла во время катастрофы, – раздался за спиной знакомый

голос.

Лоза обернулась.

На пороге стоял Приор Глеб. Его броня, покрытая влагой, немо свидетельствовала, что глава капитула Соснового Бора только что проделал долгий путь.

– Что тут происходит?

– У Хантера случился припадок. – Титановая Лоза отвернулась. – А ты не знаешь, как ее звали?

– Надежда, – сухо ответил Приор. – Если у тебя нет больше вопросов, позволь я…

– Есть. – Дарлинг, если ее что-то интересовало, умела быть упрямой. – Ты лично знаком с Хистером?

– Смотря какого Хистера ты имеешь в виду.

– Не уходи от ответа. – Титановая Лоза не собиралась отступать. – Мне интересен лишь один Хистер. Его знал командор. Еще до катастрофы, – добавила она.

– Он сказал тебе? – прищурился Глеб.

– Да, – кивнула Дарлинг. – Может, и не хотел, но сказал. Я видела – они были вместе в ту ночь…

Приор на секунду задумался, затем пожал плечами, словно отвечая себе: а почему бы и нет?

– Тот Хистер, которого когда-то знал командор, сейчас возглавляет Ковчег, – ответил Глеб. – Они критически разошлись во взглядах. И ненавидят друг друга.

– Как? – вырвалось у Дарлинг. Она привыкла доверять информации, полученной через импланты ментальным путем. В мыслях человек не в состоянии лгать. Мысли – как зеркало души.

– Не понял? – переспросил Глеб.

– Как Хистер может управлять столь мощной организацией? – Лоза не пыталась скрыть свое удивленное разочарование. – Он же… ничтожество! – вырвалось у нее.

– Опасное ничтожество, – веско поправил ее Приор. – А управлять можно по-разному. Методы Ордена не исчерпывают всей палитры. Хистер – еще та сволочь. А сейчас извини – я нужен там. – Приор кивнул в сторону мнемотехников, склонившихся над командором. – Если хочешь, поговорим вечером. У меня к тебе тоже есть пара вопросов.

– Хорошо. Я буду у себя, – кивнула Дарлинг.

* * *

Комната Титановой Лозы располагалась на пятом этаже Цитадели, в особо охраняемом секторе, неподалеку от личных апартаментов командора Хантера.

Мало кто мог похвастаться такими удобствами. В твердыне Ордена всегда ощущался дефицит свободного места.

Приор, как и обещал, зашел ближе к вечеру.

Дарлинг успела отдохнуть после всех злоключений и теперь сидела, просматривая последние новости, поступающие по каналам вновь заработавшей сталкерской сети.

– Можно?

– Заходи. – Дарлинг отключила нанокомп, повернулась вместе с креслом. – Присаживайся. Как Хантер?

– Плохо. Старые раны. – Глеб вздохнул. – Колонии скоргов, полученные им после катастрофы, скверно стабилизированы. Я предлагал ему повторное мнемотехническое вмешательство, но Хантер отказался. Чем ты так сильно задела его?

– Можно подумать, ты не в курсе. – Дарлинг дерзко взглянула на Глеба. – Мой посланец дошел? Передал тебе чип? Почему ты вовремя не предупредил Орден?

– Твой посланец слишком самоуверен и прямолинеен. Что косвенно подтверждает справедливость твоих предположений. Только новичок, незнакомый с азами выживания, полезет на заградительный огонь внутреннего периметра.

– Его убили? – с досадой переспросила Лоза.

– Почти, – усмехнулся Приор. – Смертельно ранило, если тебе интересно. Два проводника из Питерских случайно наткнулись на него в зарослях автонов. Побоялись снимать экипировку, притащили к торговцу. Я, на его счастье, оказался неподалеку.

– Спас?

– Пока не знаю. Имплантировал. Ближайшие дни покажут, насколько он живуч. А теперь расскажи мне о нем, чуть подробнее. Как вы встретились, при каких обстоятельствах? Это важно, – твердым, не терпящим возражений тоном потребовал Приор.

Лоза нервно теребила отключенный компьютерный шлейф. Ее мысли постоянно возвращались к командору.

«Почему он так отреагировал на мои слова? Он лгал мне? Изворачивался, пытаясь доказать, что не предал идеалы Ордена?»

– Дарлинг, я жду!

Она подняла взгляд. Похоже, Приор настроен решительно и от отчета

никуда не денешься. Понятно, что Егор его интересовал по вполне практическим соображениям. Если выяснится, что капитан спецназа действительно на четыре года застрял в пространстве таинственного Узла, то идеология Ордена серьезно окрепнет, получив прямые доказательства существования пространственно-временно@@й аномалии, куда не удавалось проникнуть известными на сегодняшний день способами.

– Хорошо, я готова предоставить полный отчет. – Дарлинг сняла заглушку с импланта, расположенного в правой височной области, коснулась сенсора. – Думаю, нет смысла тратить время на слова. Я передам данные напрямую. Но в обмен я бы тоже хотела кое-что узнать.

– Например?

– Меня интересует Хистер. Хочу понять, что связывает его с командором.

– Связывало, – уточнил Приор. – К сожалению, вынужден тебя разочаровать. – Глеб также коснулся сенсора на своем импланте. – Ты обязана предоставить отчет, а вот что касается личной жизни Хантера… Спроси у него сама. Уверен – он ответит тебе, если сочтет нужным.

* * *

Командор метался в бреду.

Приор Глеб, дежуривший подле него, не отключал импланты, чутко следя за состоянием Хантера.

«Дела у командора неважные. Зря он так долго отказывался от повторного мнемотехнического вмешательства», – думал Глеб, просматривая отчет, предоставленный Титановой Лозой. Он никак не мог отделаться от ощущения, что пропустил нечто чрезвычайно важное.

Скорги, сосуществующие в симбиозе с организмом командора, вели себя неадекватно, причиняя ему нечеловеческие муки.

«Еще бы. Сразу после катастрофы мы не знали о колониях скоргов практически ничего, – думал Глеб. – Инфицирования происходили часто, а вот методы стабилизации пятен серебристой проказы были кустарными, основанными на крупицах знаний, полученных от горстки ученых, уцелевших в руинах Академгородка».

Глеб не любил вспоминать те годы. Мысль о том, что он мог бы изменить ход истории, просто всадив пулю в башку откровенного подонка, вызывала у него стойкое ощущение вины, незавершенного дела.

Теперь добраться до Хистера – проблема.

Приор вздохнул, вновь переключив внимание на командора, некоторое время работал с излучателем и кодировщиком, пока Хантер не затих, –

наступило некоторое улучшение, но долго ли оно продлится? Глеб лучше других был осведомлен, как глубоко проникли серебристые нити в мозг Хантера, причиняя ему нестерпимые муки.

Командор внезапно застонал, открыл глаза.

– Пить… – сипло выдохнул он.

Приор поднес к его губам кружку, позволил сделать пару жадных глотков, затем строго произнес:

– Достаточно.

Взгляд Хантера на время прояснился.

Узнав Глеба, он, несмотря на боль, усилием воли удерживал искру сознания, его губы кривились, но нужные слова не удавалось произнести – пересохший, онемевший язык не слушался, из гортани рвались бессвязные звуки.

Приор присел подле, внимательно следя за мучительными попытками командора.

– У нас с тобой остался лишь один выход, – положив руку на лоб Хантера, произнес Глеб. – Я знаю, ты можешь умереть. Но сейчас не время для твоей смерти. Ты, как никогда, нужен Ордену.

Хантер затих, лишь его зрачки двигались, следя за губами Глеба.

– Да, еще одна имплантация. Ты против, знаю. Но нет другого выхода. Иначе тебя не спасти. Старые колонии скоргов нестабильны. Облучать их бесполезно. Нужна сложная мнемотехническая операция. Я проведу ее сам. И не спорь. По правилам, если командор неспособен управлять Орденом, Приор, оказавшийся в Цитадели, принимает временные полномочия верховной власти. Я воспользуюсь своим правом, чтобы попытаться тебя спасти, даже не сомневайся. – Глеб говорил, стараясь успокоить Хантера, да и себя. Он совершенно не был уверен в благополучном исходе операции, но и бездействовать, глядя, как командор медленно превращается в растение, он тоже не мог.

Губы Хантера выдавили наконец сиплое слово:

– Дарлинг…

– Она тут. Я позабочусь о ней.

– Я… хочу… правду…

– Какую правду? – нахмурился Глеб.

– Правду… ей… Дай… чип…

– Не усугубляй ситуацию. Сейчас не до того.

– Приказываю… чип!..

Тело командора вновь конвульсивно вздрогнуло.

Приор не стал рисковать. Он слишком хорошо знал характер

командора. Вспышка неконтролируемой ярости сейчас ни к чему. Пусть лучше будут воспоминания, они уже отболели, став не такими острыми, чтобы помешать проведению мнемотехнического вмешательства.

– Я дам тебе чип. Успокойся.

– Если… Умру… Отдашь… Лозе…

– Отдам, – кивнул Приор. Спорить с командором – только время терять. Пусть себе записывает воспоминания. Встанет на ноги – сам решит, что делать с чипом.

Глава 6 Хантер и хистер

13 сентября 2051 года…

Первая ночь после катастрофы была светла. Ярость огня, полыхающего среди руин, пожирающего мебель и скарб, смрадно чадящего в лужах расплавленного пластика, не знала границ.

Те, кто выжил, находились в тяжкой прострации.

Мужество человеческое имеет предел. Спокойно созерцать панораму руин, среди которых пляшут отсветы пламени, понимать, что несколько часов назад тут сиял мириадами огней великолепный город, было не просто тяжело – панорама *пустоши*, освещенной пожарами, изломанной складками изменившегося в одночасье рельефа, похоронившей сотни тысяч людей, уничтожала рассудок, воздействуя на психику, как сокрушительный удар.

Савва очнулся в темноте.

Последнее, что он помнил, было чувство глубокой досады на самого себя. В подвале на окраине города он оказался случайно. Выпил накануне со знакомым парнем, тот и затащил. Дальше, пока в голове еще царил алкогольный дурман, Савва лишь наблюдал, как кучка бритоголовых наци накачивает себя в преддверии задуманного погрома. Было тошно их слушать, но физическая форма к мордобою не располагала – за последний год, после того как разошелся с женой, Савва много пил и сильно сдал.

К вечеру дурман опьянения понемногу начал рассеиваться, и последнюю, напутственную речь этого Хистера, обращенную к малолетним боевикам, он слушал уже с отвращением.

Естественно, Савва не собирался принимать участие в погромах. Да и сильно сомневался, что пацаны пятнадцати-шестнадцати лет способны натворить что-то серьезное. Года три назад, когда Савва только вернулся со службы в армии, он бы долго не раздумывал, как поступить, – очнувшись от полузабытья, разогнал бы эту гнилую тусовку, публично, на глазах запутавшихся в речах и лозунгах подростков потрепал бы новоявленного «вождя нации», но год беспробудного пьянства сыграл с ним злую шутку. Мышцы одрябли, убеждения поистерлись, он чувствовал, что катится по наклонной плоскости, но уже не сопротивлялся неумолимому падению на дно.

Будь что будет. Раньше заработать пару сломанных ребер – не вопрос, а сейчас не страх, но липкое безразличие к окружающему поселилось в

душе. Он хотел просто уйти, плюнув на все, и больше не вспоминать о существовании этого подвала, где его полупьяного, дебильно улыбающегося окрестили Хантером.

Савва ждал, когда малолетние боевики свалят. Связываться с ними не хотелось. Все равно не переубедишь, тут нужно внушение посерьезнее, чем пара тумаков.

Затаившись в глубине подвала, он наблюдал, как Хистер нервно курит в ожидании некоего события, а затем…

Я что, вырубился? – Он приподнял голову, осматриваясь.

Остаточные эффекты похмелья вмиг улетучились.

В подвале царил сущий кавардак. *Блин… Они что, тут запас взрывчатки держали?!*

Голова раскалывалась. В ушах звенело. Рот и нос забила едкая бетонная пыль.

Вот придурки малолетние… – мысленно продолжал ругаться он. С трудом встав на четвереньки, начал пробираться к выходу, обозначенному на фоне вязкой тьмы изломанным контуром перекошенного дверного проема, за которым сочился непонятный багряный свет.

Спотыкаясь, обдирая руки и колени об острую арматуру, торчащую из рухнувших, раздробленных железобетонных плит, он, кряхтя и кашляя, выбрался из подвала.

Горячий ветер пахнул в лицо, глаза тут же стало разъедать дымом, он закашлялся, натужно глотая поднявшуюся клубами, как будто повисшую в воздухе гарь, смешанную с бетонной и кирпичной пылью.

Взглянув на город, Савва оцепенел.

Ощущение было такое, словно ему саданули ногой в переносицу.

Гул в голове, шумный ток крови в ушах, взгляд, помутившийся от увиденного: он озирался, словно попал на другую планету, сердце внезапно замедлило темп ударов, глухо и редко трепыхаясь в груди.

Вокруг, куда ни глянь, простирались руины, их освещало пламя пожаров, чуть выше, теряясь в клубах пыли и дыма, плавали пласты зеленоватого призрачного сияния, во многих местах от исковерканной земли к низкому, тяжелому, напоенному пеплом небу тянулись черные грибовидные выбросы с багряными прожилками.

Панорама окрестностей не находила ни объяснения, ни какого-то адекватного, осмысленного отклика в рассудке. Он оцепенел, впитывая взглядом чудовищную реальность, внутри все оборвалось. Подсознательно Савва понимал глобальность, непоправимость свершившегося, но разум отказывался верить увиденному, побелевшие губы кривились, дрожали,

хотелось проснуться и, обливаясь холодным потом, с облегчением понять: это всего лишь пригрезившийся кошмар…

Не тут-то было.

Неподалеку, словно вызов тотальному разрушению, высилось несколько многоэтажных зданий, невероятным образом изогнувшихся, но не рухнувших. Словно кривые, согнутые пальцы – одни судорожно сжатые, другие указующие в небеса, они возвышались над завалами строительного мусора, в который превратились целые кварталы мегаполиса.

Савва ущипнул себя, делая последнюю, отчаянную попытку очнуться, а в следующий миг одно из зданий прямо на глазах внезапно пошло трещинами, с высоты посыпалось бликующее багрянцем крошево стекла, и вдруг верхние этажи небоскреба взорвались, окутавшись тугим шарообразным облаком обломков, из недр которого во все стороны ударили ветвистые разряды молний.

Первым чувством при виде абсолютно невозможной с точки зрения здравого смысла апокалиптической картины стала полная растерянность, ощущение собственной ничтожности и беспомощности перед лицом вершившегося на глазах катастрофического действа. Кожу на затылке стянуло крупными мурашками, в груди застыл холод, тело трясло в нервном ознобе, а каждый судорожный вдох забивал легкие едкой пылью, вызывая мучительный кашель.

Не выдержав навалившегося со всех сторон сонмища ощущений, он, согнувшись от кашля, инстинктивно метнулся назад, к узкому лазу, ведущему в сумеречные недра подвального помещения.

* * *

Первым желанием Саввы было забиться в какой-нибудь угол и пересидеть свой страшный глюк, вызванный паленой водкой.

Если не сдохну, брошу пить, – мысленно пообещал он себе.

Интоксикация, белая горячка, что угодно, но только не реальность. В подвале было душно и жарко, спертый, пыльный воздух не давал дышать, но тело, покрытое липкой испариной, било ледяным ознобом так, что лязгали зубы.

Савва совершенно потерял ориентацию во времени и пространстве, ему казалось, что он провел в подвале уже целую вечность, наполненную глухими ударами, толчками, но на самом деле прошло минут пять, не больше, прежде чем он бросил глупые и тщетные попытки отгородить свой надломленный рассудок от жуткой реальности.

Может, он и был болен, но не настолько. Чудовищное наваждение не

рассеивалось, напротив, оно усиливалось – плиты перекрытия над головой угрожающе потрескивали, иногда слышался скрежет, звон лопающейся арматуры, шелест и перестук осыпей…

Затем пришли иные ощущения. На фоне поглощающего разум ужаса, который постепенно начал притупляться, обострившийся слух выделил новые звуки.

Кто-то шевелился во тьме!..

Внезапное осознание, что рядом есть еще кто-то живой, было острым, словно удар тока.

Кое-как отдышавшись, Савва пополз на звук, ощупью пробираясь меж фрагментов проломленного, местами рухнувшего перекрытия. В состоянии тяжкого аффекта его мысль сосредоточилась на слабом человеческом голосе.

Под руку попалась связка заготовленных для устрашающего шествия факелов.

Отыскав зажигалку в кармане дешевой дерматиновой куртки, он выщелкнул язычок пламени.

Огонь лизнул факел, загудел, мятущиеся отсветы злыми бликами прыснули по сторонам, освещая стены, пробиваясь на пару метров сквозь пыльный сумрак, отбрасывая корявые, удлиненные тени от рухнувших, иззубренных бетонных плит.

Наконец, перебравшись через очередной завал, он увидел в дрожащем свете факела скорчившуюся на полу человеческую фигуру.

– Эй, ты живой?!

Человек не шевелился. Он лежал в позе младенца, поджав ноги к груди, обхватив руками колени, уткнувшись подбородком в грудь.

Савва подобрался чуть ближе, присмотрелся.

Хистер!..

Если несколько часов назад он, слушая речь новоявленного «вождя», чувствовал откровенную неприязнь, понимая, что визит сюда был как минимум ошибкой, то сейчас все прежние мысли улетучились.

– Хистер! – негромко позвал он, пугаясь своего осипшего голоса.

Тот застонал, затем нашел в себе силы распрямиться и сесть, тряся головой. В его волосах запеклась кровь, руки были ободраны, одежда запорошена бетонной пылью.

– Кто тут? Помогите!..

Савва протиснулся в узкую щель между двумя сложившимися домиком бетонными плитами, протянул руку.

– Хватайся. Я тебя вытащу!

Хистер обернулся на звук, ошалело посмотрел на него, а затем вдруг судорожно вцепился в руку Саввы, заорав что было сил, срывая голос на истошный визг:

– Тяни! Тяни, су-ука! Тяни!..

Савва не обратил внимания на истошные вопли. Сам сейчас готов был орать. Хистер, вызывавший стойкую неприязнь, уже не казался таким отвратительным: на фоне всего увиденного его бесноватый образ потускнел, все, что было раньше, теперь не имело значения. Главное, что рядом нашелся еще один живой человек!

Савва тянул его, пропуская мимо ушей истеричные вопли, пока ободранный, отделавшийся синяками, ссадинами и обморочным испугом «вождь» не оказался в более или менее свободном пространстве.

Почувствовав, что свободен, Хистер по-крабьи отполз в сторону, привалился к треснувшей стене здания, из которой через разлом выпучило арматуру, поднес к лицу покрытые ссадинами, окровавленные руки и вновь тихо взвыл.

– Да заткнись ты! – не выдержав, просипел Савва.

Хистер притих, завозился в сумерках, что-то выцарапывая из-под порванной одежды.

Снаружи громыхнуло, затем тяжкой судорогой прокатилась новая серия взрывов, стены подвала внезапно содрогнулись, по изломанным бетонным плитам с треском прыснули трещины, вновь всклубилась пыль, не давая дышать, и они, не сговариваясь, одновременно устремились к единственному выходу, понимая – еще немного, и их похоронит заживо.

Узкий лаз не вмещал обоих.

Они застряли, отчаянно барахтаясь, отпихивая друг друга, пока что-то холодное не уперлось в горло Саввы, как раз под подбородок.

– Пусти меня! Застрелю!

Он понял – Хистер не придуривается. В сумраке его глаза блестели бешено, бесновато, дрожащий палец на спусковом крючке раритетного «макарова» грозил выстрелом, и Савва обмяк, подался назад.

Хистер выполз наружу, и тут же раздался его нервный требовательный голос:

– Ко мне!

Совсем рехнулся недобиток… – Савва уже немного оправился от шока, к нему постепенно возвращалась способность мыслить если не здраво, то хотя бы связно.

– Хантер! Вылезай!

Что за бред?! Какой Хантер? Ах да, эти уличные отморозки,

возомнившие себя генофондом нации, помешанные на разного рода атрибутике, давали всем «сочувствующим» нерусские имена, – внезапно вспомнил Савва. – *Накануне, в ходе бесноватого обряда, его окрестили Хантером.*

Савва никогда не умел управлять своим гневом. В принципе он не был злобным, но не любил, когда его доставали, а уж тем более не терпел разного рода помыкательств.

Сопя, он выбрался из утробы полуразрушенного подвала, выпрямился, судорожно кашляя, а затем, сцепив руки в замок, что было сил врезал «вождю» по морде.

Лицо Хистера смялось от удара, в наступившей над руинами города тишине был отчетливо слышен хлюпающий звук, и он, сдавленно охнув, вдруг мешковато осел на груду обломков.

– Вот так-то лучше… – Савва сплюнул на землю, выломал из ослабевших пальцев Хистера пистолет, убедился, что тот заряжен, и, от греха подальше поставив оружие на предохранитель, сунул его в карман порванной куртки.

Пламя пожаров тянулось к небесам, набирало силу. Багровые сумерки окончательно окутали город.

Что же произошло?

Савва, не в силах ответить на мысленно заданный вопрос, сел на обломок, тупо глядя перед собой.

Что делать? Инстинкт самосохранения молчал. Бежать некуда. Вокруг руины. Единственная мысль, хоть как-то объясняющая случившееся – землетрясение, – поначалу показалась ему правдоподобной.

Он невольно поднял взгляд к багрово-фиолетовым небесам, надеясь услышать стрекот, увидеть там навигационные огни вертолетов, потом подумал, что после удара прошло еще очень мало времени и вряд ли спасатели прибудут так быстро.

Надо идти, что-то делать. Нельзя сидеть, глотая пыль.

Как-то сразу нахлынули воспоминания – сотни раз он видел репортажи из различных районов катастроф, где люди разбирали завалы, боролись с огнем, но все это казалось далеким, не реальным, не вызывающим сочувствия, – каждый день на Земле происходило что-то катастрофическое, но обязательно – где-то далеко. Информация о бедствиях, поданная концентрированно и красочно, текла мимо рассудка, не цепляя его.

Потом разум обожгло запоздалой мыслью: жена и дочь!

Он забыл о них. Старался не вспоминать. Разошлись и разошлись. Ну,

не сложилось, кто же тут виноват?

Тихо заскулил, приходя в сознание, Хистер.

Савва обернулся на звук. Тот сидел, держась руками за скулу, гладил себя, пытаясь унять боль.

Встав, он подошел к нему.

– Ты здесь посиди, – зачем-то сказал он Хистеру. – Спасатели тебя подберут. А мне идти надо.

– Пистолет! Пистолет отдай! – злобно просипел тот.

– Не игрушка! – резко ответил Савва. – Еще застрелишь кого, по дури. У меня останется.

Наверное, есть предел ужаса, который способна впитать человеческая психика. Для каждого он разный, как и последствия, наступающие при внезапном, недвусмысленном осознании необратимости произошедших событий.

Оно приходит, как еще один, неожиданный, ошеломляющий удар. Всякая надежда проснуться обращается в прах, кровавый плевок, свернувшийся в пыли.

Взгляд Саввы тонул в панораме окружающих руин. Он внезапно понял: ни один подвал, ни одна бетонная щель не даст укрытия, не позволит отгородиться от данности. Горячий ветер, налетающий порывами, сжигал остатки спасительных иллюзий, еще дрожали руки, в ногах ощущалась ватная слабость, но некий внутренний стержень, основа души и сознания, выдержал удары. Сгорело все напускное, вышло с ледяным потом, и сейчас он вдруг оскалился, не видя себя со стороны, не понимая наступающих перемен, своего инстинктивного, фактически звериного желания сопротивляться, быть самим собой хотя бы в эти последние минуты…

Не в силах обуздать раздирающие изнутри чувства, ощущая лишь неодолимую потребность двигаться, защищаться, действовать, он развернулся и, ускоряя шаг, вошел в страшный, изуродованный разлом улицы. Голова отчаянно кружилась, калейдоскоп мыслей складывал полузабытые образы, трудно было поверить, что сутки назад этот человек, все еще сгорбленный, бледный, с воспаленными, запавшими, слезящимися глазами, не жил, а существовал.

Что-то очнулось внутри под адским прессингом морально-информационного удара.

Савва уже не пытался отмахнуться от окружающего, не пытался его постичь, он с удивлением и некоторой опаской воспринимал идущий изнутри порыв, не понимая, что делает шаг навстречу опасности,

тысячекратно превосходящей все мыслимые страхи…

…Он не оглядывался, уже позабыв о Хистере, но тот лишь секунд двадцать картинно сидел, изображая оскорбленную добродетель, а затем вдруг засуетился, уже не хватаясь за разбитую скулу, понял, что Савва уходит, оставляя его один на один с необъяснимым несчастьем, обрушившимся на город, вмиг сровнявшим мегаполис с землей.

– Эй! Хантер! Подожди! Я с тобой!

Савва остановился.

– На кой ты мне сдался?!

– Я с тобой!

– Зачем?!

– Не бросай! Хантер, не бросай меня!

– Ну, хорошо. – Савва внезапно смягчился. – Только не ной. И запомни, никакой я не Хантер! Савва меня зовут!

Хистер присмирел, обломался, но в затравленном взгляде подернутых поволокой глаз таился все тот же лихорадочный, истеричный огонек.

– Пошли, – буркнул Савва. – Не отставай.

– А куда мы?

– Тут недалеко. Шевели ногами!

– А спасатели?

– Там спасателей подождем, – неопределенно буркнул Савва, углубляясь в страшное изломанное ущелье улицы.

У Хистера не осталось выбора. Он жутко боялся остаться один и потому поплелся следом, сверля спину Хантера недобрым взглядом.

* * *

Два часа они, выбиваясь из сил, пробирались через руины.

Если Савва и представлял себе ад, то по всем признакам тот выглядел именно так. Огрызки зданий, образующие стены рукотворного ущелья, источали дым. Улицу пересекали застывшие волны вздыбившегося асфальта, из-под земли сочилось красноватое сияние, кое-где били искры от оборванных проводов, смывая бетонную пыль, бежали ручьи, вытекая из трещин, где таились разорванные городские коммуникации.

Самым страшным, конечно, были не руины.

Десятки сгоревших машин, в кабинах которых истекали зловонным дымом обуглившиеся человеческие тела, встречались почти на каждом шагу.

Савва закрывал лицо оторванным от рубашки, смоченным в воде куском ткани. Желудок давно опустел, его содержимое осталось еще в

самом начале улицы. Взгляд постепенно холодел, впитывая тысячи фрагментарных подробностей произошедшей катастрофы, наступали моменты, когда хотелось лечь и не двигаться, выть, царапая изуродованную землю, выть от бессилия, от невозможности что-то изменить, ведь время не отмотаешь назад…

В очертаниях руин с трудом угадывалась знакомая с детства планировка кварталов и улиц.

Он шел, больше полагаясь на наитие, уже потеряв надежду, но движимый губительным стремлением убедиться, что два человека – жена и дочь, которых он выбросил из своей жизни, как выбрасывают старую одежду, уже не нуждаются в помощи.

Сознание сконцентрировалось на их образах.

Сейчас не вспоминались отвратительные, бессмысленные скандалы и склоки. Возможно, его рассудку просто было не на что опереться в рухнувшем мире?

…Хистер, не поспевающий за Саввой, плетущийся сзади, что-то бубнящий себе под нос, внезапно остановился.

– Хантер! – срывающимся на визгливые ноты голосом закричал он.

Савва остановился.

– Хантер, туда нельзя! Посмотри! Я нашел!..

Савва, заблудившийся в своих тяжких мыслях, не сразу понял, что именно отыскал Хистер. Пришлось возвращаться.

На перекрестке дыбились волны асфальта. Фрагменты зданий казались кадром, выхваченным из фантастического фильма: необъяснимым образом они внедрились друг в друга, создавая невозможные с точки зрения здравого смысла сюрреалистические конструкции.

Отброшенные на тротуар, громоздились выгоревшие дотла машины. Чуть правее, презирая законы физики, на уровне второго-третьего этажей, в текучем, клубящемся облаке пыли с резко очерченными, а не размытыми границами, *парило* несколько крупных обломков металлических конструкций.

Савва, до этого не замечавший подобных явлений, застыл, раскрыв рот.

Из секундного оцепенения его вывел Хистер.

– Посмотри! – Слово прозвучало резко, словно рядом кто-то разорвал лист плотной бумаги.

Савва обернулся.

На противоположной стороне улицы стоял помятый, но не сгоревший микроавтобус с эмблемой МЧС.

Обе передние двери были открыты, за ними, в глубине салона, виднелись тела двух людей, облаченных в защитную экипировку.

На поясе одного из них был закреплен непонятный прибор, издающий частое, заполошное попискивание.

Приблизившись, Савва, преодолев дурноту, присел на корточки.

– Что это? – спросил он, глядя на миниатюрный дисплей, где мигали цифры и пульсировали надписи на иностранном языке.

– Дозиметр! – панически просипел Хистер. – Радиация! Туда нельзя! Убираться отсюда надо! Рвать когти!

Савва ничего не ответил. На поясе спасателя был прикреплен футляр нанокомпа. Он как-то раз видел подобную модель, даже прочел сопроводительную аннотацию, пялясь через витрину магазина. Комп с интегрированной электронной картой и кучей разных наворотов. Такими специализированными «наладонниками» оснащались медики, спасатели, пожарные, милиция.

Аккуратно вытащив нанокомп из футляра, Савва убедился, что тот работает. Прокрутив электронную карту, он с удивлением обнаружил, что на ней отображены некоторые катастрофические изменения, коснувшиеся города. Вероятно, в первые секунды или минуты катастрофы связь со спутниками еще не была нарушена, и данные обновились в режиме онлайн.

Северо-восточные кварталы оказались густо заштрихованными – судя по поясняющей надписи, радиационный фон там превышал норму в десятки раз – катаклизм разрушил крупный завод, выпускавший топливные элементы для атомных станций.

Савва положил комп в карман куртки, обернулся и, не найдя взглядом Хистера, негромко окликнул:

– Где ты?

По другую сторону микроавтобуса слышалась невнятная возня, сопровождаемая сопением. Обогнув машину, Савва увидел, что Хистер сдирает защитную экипировку с мертвого тела спасателя.

– Сдохнем тут… Сдохнем… Сдохнем… – бубнил он.

Первым порывом Саввы было дать ему еще раз в морду, но что-то удержало.

Надо идти, – билась в голове настойчивая мысль.

– Жди меня тут. – Он скользнул взглядом по сгорбленной фигуре Хистера. – Я быстро вернусь. Тут недалеко.

Тот не ответил, и Савва, развернувшись, пошел прочь, двигаясь на северо-запад, как раз туда, где данные электронной карты указывали на «грязный выброс».

* * *

Своего дома он не нашел.

На месте целого квартала зияла воронка, в которой скопилась вода, смешанная с пеплом.

Воскресшая под напором неодолимых обстоятельств душа вновь стремительно погибала, впрочем, как и тело. Царящая вокруг незримая смерть убивала клетки организма, от нее не было спасения, но Савва сейчас не думал об опасности, как не надеялся уже на спасение.

По его внутренней оценке, прошло четыре или пять часов с того момента, как он очнулся в сумеречном подвале.

Никто не прилетел на помощь, он не видел признаков появления бригад МЧС, ночь стала еще чернее, по низким облакам блуждали багряные отсветы, вокруг, куда ни посмотри, лишь разрушения и смерть.

Некоторое время он в оцепенении сидел на краю воронки, хватая смертельные дозы радиации, мысленно повторяя имя дочери, затем, совершенно отчаявшись, побрел назад. Не потому, что хотел жить, нет, просто пришло непонятное безразличие к окружающему и стало невыносимо смотреть в черную, отражающую багряный цвет неба маслянистую субстанцию, скопившуюся на дне воронки.

Он медленно переставлял ноги, потеряв цель и утратив надежду.

Вокруг начинали происходить непонятные явления. Вездесущая гарь, пыль и пепел вели себя странно. Где-то клубящиеся выбросы прижимало к земле, словно расплющивая в блин, где-то, наоборот, предметы взмывали в воздух, демонстрируя не свойственные им качества; все больше попадалось различных обломков, внедренных друг в друга, словно любые конструктивные материалы в момент загадочной катастрофы на время размягчались, превращаясь в подобие пластилина.

В одном месте он едва не попал в ловушку. Двигаясь вдоль разрушенной улицы, Савва вышел к участку неповрежденного асфальта и хотел ступить на него, но что-то остановило. Осмотревшись, он ужаснулся. Там, где дорожное покрытие выглядело целым, кузова машин, выброшенные на проезжую часть, тонули в нем, уже погрузившись почти по крыши…

Обойдя опасный участок, он вышел к перекрестку.

Здесь прошла взрывная волна. Окружающие здания, лишившиеся стекол, по непонятной прихоти судьбы уцелели, в некоторых многоэтажках все еще бушевали пожары, вырываясь из закопченных оконных проемов густыми клубами дыма или языками пламени.

Участок зыбучего асфальта остался позади, теперь дорожное покрытие вновь пересекали причудливые трещины, реже – разломы шириной до полуметра. Общей характерной особенностью необратимо измененного ландшафта была плавная бугристость местности, словно под землей в момент катастрофы перемещались исполинские раскаленные пузыри, где-то вспучивая поверхность в виде пологих трещиноватых холмов, где-то размягчая ее и лопаясь, образуя огромные провалы, стирая в пыль и увлекая под землю целые кварталы.

Савва, погрузившись в мрачные мысли, медленно брел меж зданий, не замечая признаков нового назревающего катаклизма.

Он чувствовал себя все хуже и хуже. Что-то происходило с организмом. Савва ощущал постоянную тошноту, липкая испарина накатывалась волнами, ноги слабели, его то бросало в жар, то начинало колотить в приступе дрожи.

Пытаясь справиться с дурнотой, он остановился. Зрение «плыло». Контуры предметов теряли резкость, и только усилием воли он мог сфокусировать взгляд.

Озираясь по сторонам, Савва внезапно заметил какие-то тени, промелькнувшие за разбитой витриной универсального магазина, в глубине торгового зала. Присмотревшись, он понял: внутри находятся люди!

Его охватила радость.

Уже с трудом переставляя ноги, он побрел к разбитой витрине, не осознавая, что внутри супермаркета орудуют мародеры, которые вряд ли так же искренне порадуются появлению незнакомца. Но попасть туда Савва так и не сумел: прояснившийся взгляд зацепился за крупный осколок витринного стеклопластика, в котором отражались зловещие зеленоватые сполохи, за минуту перекрасившие ночные небеса над разрушенным городом.

Превозмогая боль в шейных позвонках, он отступил на шаг, задрал голову.

Над руинами, над крышами уцелевших домов пульсировали волны призрачного, холодного зеленоватого света.

С того направления, откуда шла пульсация, внезапно налетел порывистый ветер, несущий частички пепла и гари. Омыв лицо человека, он рванулся дальше, оставляя за собой пространство более или менее чистого воздуха. Видимость значительно улучшилась, да и терзавшая рассудок Саввы боль внезапно притупилась, не то от резкого вброса адреналина в кровь, не то от загадочного воздействия мертвенного сияния, глядя на которое он испытал внезапный, ничем не обоснованный приступ

эйфории.

Пульсация шла со стороны Академгородка.

Охваченный непонятным, губительным восторгом, он замер, глядя в ту сторону, машинально отмечая, что от перекрестка к далекому источнику свечения ведет широкая просека, будто вал незримой энергии промчался тут в момент катастрофы, проламывая себе путь сквозь каменные джунгли мегаполиса.

Затем он увидел нечто невероятное, не укладывающееся в рамки человеческого сознания.

Бледные сполохи сияния начали меркнуть, небеса вновь темнели, приобретая оттенок багрянца, ветер усилился, теперь его порывы едва не сбивали с ног, вдалеке, где-то в районе Академгородка, сверкнула одна молния, другая, затем сопровождаемые громовыми раскатами вспышки стали частыми, бьющими едва ли не ежесекундно.

Упав на колени, инстинктивно вцепившись руками в переломленный фонарный столб, Савва, не отрываясь, смотрел на оконтуренный ветвистыми молниями, темный столб исполинского торнадо, медленно и вальяжно вращающийся над территорией одного из старейших научных центров.

Еще секунда, и он тоже запульсировал – чудовищных размеров вихрь внезапно раздался в стороны, разрывая сковывающие его цепи молний, рванулся, словно хотел поглотить все сущее, всклубился рваными, направленными вдоль земли протуберанцами выбросов, а затем, так же внезапно, начал схлопываться, коллапсировать, отступать, возвращаясь в прежние границы.

Савва так и не сумел закрыть глаза, хотя эйфория в одно мгновенье сменилась ужасом перед катастрофическим явлением, ему казалось, что сейчас для него все будет кончено, но опять ошибся…

Пульсация вихря породила совершенно непонятное явление: от столба торнадо круговыми волнами рванулось несколько расширяющихся искажений. Они продвигались со скоростью медленно едущего автомобиля, трансформируя воздух в плотную, зримую субстанцию, похожую на прозрачную воду. За ней искажались контуры предметов, искривлялись руины, но что особенно поразило Савву – некоторые здания, претерпев искажение, так и оставались деформированными, плавно изогнутыми самым противоестественным образом…

От ужаса он закричал, но из пересохшего горла вырвался лишь сиплый клекот.

В следующий миг первая волна искажения прокатилась через него.

Он инстинктивно задержал дыхание, продолжая цепляться за вертикально торчащий обломок железобетонного столба, и…

Ничего не произошло.

В течение нескольких секунд через него прошло пять или шесть волн искажений, но Савва не ощутил ни боли, ни удушья, лишь под черепом началось слабое покалывание, да кончики пальцев на руках внезапно онемели.

Он, ожидавший неминуемой смерти, как будто заново родился на свет, но его облегчение длилось недолго. Вслед за прокатившимися по руинам города искажениями вокруг начали происходить явления иного рода, еще более зловещие, в силу своей абсолютной необъяснимости.

Среди крошева битого кирпича, крупных и мелких обломков железобетонных конструкций, глыб растрескавшегося асфальта, сгоревших машин и уже отвердевших пятен расплавленной пластмассы внезапно появилась, рванув по поверхности предметов и зданий, узорчатая, словно разводы на стекле, серебристая изморозь.

Там, где асфальт или бетон покрывались металлизированными прожилками, тут же с невероятной скоростью начинали протекать непостижимые процессы. В воцарившейся вдруг ватной тишине слышался отчетливый треск – прожилки серебра где-то погружались в пораженный ими материал, где-то, наоборот, *прорастали*, с невероятной скоростью выбрасывая тонкую, похожую на проволоку щетину побегов.

В ужасе оглядевшись по сторонам, Савва понял, что явление не носит повсеместного характера, – серебристая проказа поразила руины избирательно, протянувшись узкими длинными языками, между которыми еще оставалось достаточно пространства для бегства.

Не в силах понять происходящее, гонимый ужасом, он нашел в себе силы отцепиться от столба и побежал, пошатываясь, спотыкаясь, не разбирая дороги, стремясь избежать лишь тех мест, где по земле, стенам зданий и обломкам распространилась «серебристая плесень».

Он не замечал, что на коже его рук появилось несколько крохотных металлизированных пятнышек.

* * *

К месту, где остался Хистер, Савва вышел случайно.

Его сознание вновь потеряло четкость, перед глазами опять двоилось, он прошел бы мимо, не окликни его глухой голос, раздавшийся совсем близко:

– Хантер! Стой!

Он замер, затем обернулся, с трудом узнавая перекресток. Микроавтобус с эмблемой МЧС стоял на прежнем месте, голос Хистера раздавался изнутри машины, через секунду показался и он сам, вернее, непонятная фигура, облаченная в защитную экипировку. Хистер, по всей видимости, исследовал и соседние машины, в том числе милицейскую, – теперь в его руках был крепко сжат короткоствольный автомат, какими обычно вооружали сотрудников патрульно-постовой службы.

– Ты куда пропал?! – Голос Хистера звучал глухо, прорываясь из-под фильтрующей маски, закрывающей большую часть лица.

Савва хотел огрызнуться, напомнив, что он не Хантер, но сил на препирательства уже не осталось, и он лишь слабо махнул рукой. Однако Хистер, окинув его оценивающим взглядом, понял – дела у Саввы совсем плохи. Злые, истеричные искорки промелькнули во взгляде Хистера, вскинув автомат, он коротко повел стволом:

– А ну, подойди!

Он не шевельнулся. Звон стоял в голове, слова не доходили до рассудка, и даже на движение Хистера, когда тот шагнул вперед и врезал прикладом ему в висок, Савва не отреагировал.

Перед глазами вспыхнули радужные пятна.

Он упал, согнувшись, а Хистер в исступлении вдруг начал бить его ногами, выкрикивая одно и то же:

– Получи, падла… получи… получи!..

* * *

Савва не стремился и не надеялся выжить.

Состояние оцепенения, безразличия к окружающему продолжалось очень долго. Что-то чуждое, постороннее, враждебное захватило рассудок, нарушая сложившиеся нейронные связи, вызывая амнезию, неадекватное отношение к реальности.

Он куда-то шел. Рядом находился Хистер и еще с полдюжины незнакомых людей. Разорванная память сохранила лишь тусклые осколки безвременья, смутные контуры предметов, тени событий.

Более четко, чем все остальное, запомнилась длинная, показавшаяся едва ли не бесконечной плотина Обской ГЭС. Небольшой отряд затратил на ее преодоление несколько часов. Двигались медленно, небольшими шажками. По обрывкам разговоров, застрявшим в памяти, Савва уже позже понял, что на плотине гидроэлектростанции, по верху которой шла автомагистраль, располагались десятки аномальных пятен, где привычные людям законы физики либо не действовали, либо работали неадекватно.

Затем начались руины Академгородка.

Многие здания старейшего научного центра были разрушены, обращены в пыль, некоторые уцелели, но везде сохранились подвалы, соединенные в единый комплекс подземными коммуникациями, к тому же часть исследовательских лабораторий, где проводились особо секретные эксперименты, образовывали так называемые бункерные зоны, о существовании которых обычный человек, не имеющий отношения к военно-промышленному комплексу, мог даже не подозревать.

Теперь понятие «секретность» утратило прежний смысл. Часть бункеров просто выдавило наружу в результате тектонической активности и аномальных изменений земной коры, остальные остались без охраны, режим объектов был безвозвратно нарушен, и только тотальные разрушения некоторых участков общей для всего Академгородка инфраструктуры препятствовали проникновению в изолированные катастрофой сегменты бункерных зон.

Все это Савва понял намного позже, а сейчас он машинально переставлял ноги, слепо и безропотно подчиняясь тычкам приклада в спину.

Люди, объединившиеся вокруг Хистера, представляли собой разномастный сброд.

Он утверждал свою власть над ними исключительно с помощью силы. Не в состоянии предложить какую-либо идею, он безжалостно расстреливал любого, кто отказывался подчиниться либо позволял себе проявить неуважение, оспаривая его право на лидерство.

Двоих «несогласных» он убил на плотине Обской ГЭС, после чего остальные уже не пытались протестовать, когда Хистер посылал их проверить тот или иной участок пути, казавшийся ему подозрительным. Несколько раз вперед посылали Савву, но толку от него оказалось мало. Пройдя несколько метров, он, как правило, садился на землю, не шевелясь, пока кто-нибудь рывком не поднимал его на ноги.

Зачем Хистер тащил его за собой, оставалось загадкой.

* * *

Провалы в памяти становились все длиннее. От нескольких месяцев существования осталась лишь пара фрагментов, да и те были смазаны невыносимой болью, сжигающей рассудок.

Бледные пятна незнакомых лиц, фигуры людей, облаченные в белые, кое-где испачканные грязью и кровью скафандры биологической защиты, серые стены, облицованные пластиком, яркий свет ламп, непонятное

оборудование, тарахтение аварийного дизель-генератора…

Опять – чадящие факелы, длинные мятущиеся тени и голос Хистера, взывающий уже не к горстке случайно выживших, а к довольно обширной аудитории, часть которой представлена бывшими научными сотрудниками Академгородка. В отличие от других, они слушают Хистера невнимательно, на их лицах заметно плохо скрываемое презрение, но никто не протестует, не пытается оборвать бесноватую речь – за спиной собравшихся, у стен обширного помещения, маячат автоматчики.

– Мы выжили в катастрофе! Нас избрала СУДЬБА! – Голос Хистера звучит очень громко, эхом отражаясь от стен. – Предатели изувечили нашу землю, они убили миллионы невинных. Нам брошен вызов. Исчадия «хай-тека» вырвались на волю, они уничтожают все живое вокруг, биосфера погибла, но ошибаются те, кто прочит наступление царства техноса! Мы – КОВЧЕГ! Мы истинно те, кто способен противостоять вездесущей заразе! Посмотрите на него, – Хистер вскинул руку, указывая на Савву, который лежал на столе, накрепко прикрученный к нему ремнями. – Он был инфицирован спорами машинной жизни на моих глазах. Я спас его. Я спас каждого, присутствующего здесь! Я даю вам надежду и смысл существования! Мы станем совершенными людьми, импланты позволят нам выйти из подземелий наружу и уничтожить заразу, оккупировавшую нашу землю. Мы искореним вырвавшееся из-под контроля военных зло и установим новый справедливый мировой порядок! Смотрите на него! Смотрите! Я указал путь к спасению! Еще неделю назад он был прокаженным, теперь же он – прототип «человека совершенного». Хантер станет первым из нас, в ком серебристая дрянь, преобразованная в полезные для организма приспособления, станет служить идеям Ковчега. Мы возродим природу и накажем виновных в нынешнем бедствии! Только Ковчег способен возродить Землю в ее былой девственности!

Толпа взорвалась криками.

– ХИСТЕР! ХИСТЕР! ХИСТЕР!

Сознание Саввы вновь померкло.

* * *

– Хантер, ты меня слышишь?

Он с трудом открыл глаза. Над ним склонился незнакомый человек. Вокруг царил плотный сумрак, но Савва, тем не менее, прекрасно различал его лицо.

– Очнулся? Это хорошо. Мы очень надеялись, что ты выживешь…

– Где я?..

– В тюремном блоке. Слушай внимательно, Хантер, и постарайся понять. Ты наша единственная надежда. Меня зовут Глеб. Я был сотрудником МЧС…

– Что со мной сделали?.. – прервал его Савва.

– Произошла катастрофа. Ты помнишь ее?

Савва кивнул, удивляясь тому нечеловеческому усилию, которое пришлось приложить для совершения простого движения. Казалось, что мышцы давно не подчиняются приказам рассудка, и для элементарного действия ему пришлось напрячься, сосредоточиться на нем.

– Я помню… – выдавил он. – Сколько прошло времени?

– Почти полгода. Здесь быстро теряется счет дням.

– Помоги мне сесть…

Руки Глеба заботливо поддержали его, и через минуту Савва сидел, привалившись к шероховатой бетонной стене.

– Рассказывай… Что со мной сделали? – Он внезапно вспомнил короткий период просветления рассудка, свет факелов и бесноватую речь Хистера.

– Ты был инфицирован скоргами.

– Не понимаю.

– Я пока плохо разбираюсь в случившемся, – признался Глеб. – Скорги – это такие колонии металлизированных микрочастиц. Ученые говорят, что не создавали ничего подобного. Есть теория, что скорги – это измененные в момент катастрофы наномашины. По крайней мере, нашлись приспособления, эффективно воздействующие на них. На тебе ставили эксперименты. Из серебристых пятен на твоем теле формировали импланты.

– Получилось? – сипло спросил Савва.

– Да. Но Хистер об этом не знает. Не все ученые, захваченные им, подчинились диктатуре Ковчега. Многие мечтают вырваться отсюда. Над твоими изменениями работали двое: Ипат и Аргел. Они облучали колонии скоргов и добились прекращения их роста, стабилизации пятен. Затем они внедрили в них некоторые приспособления, из числа секретных военных разработок. Металлизированные пятна связаны с твоей нервной системой. Мне непонятна суть процесса, но Ипат просил передать, чтобы ты не боялся. Импланты помогут тебе выжить, они расширят возможности твоего рассудка и поддержат процессы обмена веществ.

– Я действительно теперь не человек?

– Ты человек.

– Почему меня бросили в тюремный блок?

– Ипату и Аргелу удалось обмануть Хистера. Он думает, что эксперимент, поставленный над тобой, провалился.

– Больно… – На лбу Саввы выступили крупные капли пота. – Что нам делать?

– Мы надеемся бежать. С твоей помощью.

– Я плохой помощник.

– Мы дадим тебе время прийти в себя. Если согласишься с нами, начнем, когда ты будешь готов.

* * *

Савве действительно понадобилось время.

Он пугался произошедших с ним перемен, не принимал их, мысленно отторгая, но реальность упрямо стучалась в рассудок: он прекрасно видел в кромешной тьме, более того, различал контуры предметов и конфигурацию прилегающих помещений, его организм, получивший смертельную дозу радиации, успешно поборол недуг. И даже черепно-мозговая травма, полученная при падении с большой высоты несколько месяцев назад, не повлекла тяжких последствий.

После разговора с Глебом его осматривал Аргел.

Улучив момент, когда они остались одни, Аргел включил какой-то аппарат, заливший помещение подземной лаборатории ярким фиолетовым светом, запер двери, включил индикацию «Не входить, идет эксперимент» и, облачившись в порядком поношенный костюм биологической защиты, вернулся к Савве.

– Хантер, у нас есть немного времени. Мы можем поговорить. Вы приняли решение?

– Меня зовут Савва. И давай на «ты».

– Савва? – удивился Аргел. – Странное имя. Мы привыкли называть тебя Хантером. Впрочем, это не имеет значения. Уверен, есть масса вопросов, куда более важных, чем имя.

– Расскажи мне о случившемся.

– Я мало знаю, – ответил Аргел.

– Но ведь ты ученый!

Аргел лишь криво усмехнулся.

– Пойми, Академгородок включал в свою структуру множество институтов и исследовательских центров. Я специалист узкой квалификации. К тому же иностранец. Меня близко не подпускали к вашим военным и космическим разработкам.

– Ты спас меня. Ты и Ипат. Он знает больше твоего?

– Нет. Все, чего мы добились, сделано совместно. Мне кажется, нам следует поговорить о другом. Отсюда надо бежать. Хистер – бесноватый маньяк. Он диктатор. Все, кто не согласен с его «зелеными» идеями, которыми он прикрывает истинную цель, либо уничтожаются, либо проходят через жестокий прессинг. Я не собираюсь работать над программой создания сверхчеловека.

– Почему нас до сих пор не нашли? Где спасатели, военные? – упрямо спрашивал Савва.

– Никто не в состоянии сюда проникнуть, – ответил Аргел. – Пространство вокруг города запечатано гравитационной аномалией. Причину и характер катастрофы трудно объяснить в двух словах, но я попробую. Мы проводили мониторинг, используя уцелевшие датчики и оборудование.

– И что показывают приборы? – Савва попытался привстать, но ремни, сковывающее тело, не позволили совершить движение.

– Лежи тихо, Хантер. Хистер был сильно разочарован нашей «неудачей». Твоя жизнь висит на волоске. Мне с трудом удалось убедить его, что нужна еще одна серия анализов и тестов. Он хочет публично тебя уничтожить, объявив, что имплантации провалились, так как ты изначально являлся «недочеловеком».

– Говори. Я не стану перебивать. – Савва откинулся на жесткий валик, заменяющий подушку. – Вслепую я не пойду. Убью Хистера, а там будь что будет.

– Хистера надо было убить месяца три-четыре назад, – вздохнул Аргел. – У нас не хватило мужества. Теперь боюсь, что это не разрушит Ковчег. Его идеи нашли последователей, в том числе и среди ученых.

– Вернемся к катастрофе. Выяснили, что произошло?

– И да, и нет. Ты наверняка не слышал о попытках советских ученых экспериментировать с подпространством?

– Не слышал. И не понимаю, что это такое.

– Они пытались построить установку, которая связала бы несколько точек на земной поверхности через иное измерение. Создать своего рода «тоннели», транспортировка по которым происходит мгновенно.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Программу закрыли сразу после Чернобыльской катастрофы. Оборудование, если оно было создано, либо засекретили, либо уничтожили. Я лишь слышал о том, что подобный эксперимент готовился.

– Хочешь сказать, что оборудование реально существовало и кто-то его задействовал? – сообразил Савва.

– Иного объяснения случившемуся нет. К тому же мы получили некоторые доказательства. Исследуя разрушенные лаборатории, работавшие на военное ведомство, мы с Ипатом обнаружили вот это устройство. – Аргел подошел к одному из агрегатов и, вскрыв боковую панель, достал из оборудованного там тайника небольшой, умещающийся на ладони плоский прибор.

Савве ничего не сказал внешний вид устройства. Треугольник с несколькими искрами светодиодов и двухсантиметровым жидкокристаллическим экранчиком.

– Что это?

– На оборотной стороне есть маркировка, – ответил Аргел. – УНМГТ-5. Мы долго бились над расшифровкой аббревиатуры и пришли к пониманию совсем недавно. Это Универсальный Навигационный Маркер Гиперпространственной Транспортировки. Дата его изготовления – 1982 год. Таких изделий в найденной нами опечатанной лаборатории нашлось десятка три. Аппаратура, расположенная там, не имеет аналогов. Ее исследование помогло нам создать гипотезу катастрофы. Ты видел вихрь, вращающийся недалеко от Академгородка?

– Да, – ответил Савва, вспомнив, как стал свидетелем страшной пульсации, породившей волны искажений.

– Это портал. На языке тех, кто собирался пользоваться тоннелями, «зона тамбура». Маркер можно перенастраивать. Он активируется на четыре точки. Мы полагаем, что установка сработала некорректно. Вихрь периодически пульсирует, выбрасывая в окрестности тонны вещества, различную технику, иногда людей.

– Мертвых?

– Живых. Но пораженных металлизированными частицами.

– Какой-то бред… Фантастика…

– Придется поверить в чудеса науки, Хантер. Нам не спрятаться в руинах и не выжить вне бункеров. Здесь, в Академгородке, в последние годы большинство исследовательских центров работали на программу колонизации Марса. Мы полагаем, что серебристая пыль, видоизменяющая механизмы, порождающая металлорастения и воздействующая на людей, – это колонии микромашин, созданных для освоения иных миров. Но они чудовищно отличаются от исходных образцов. Мы нашли некоторые технические описания и подтвердили свои догадки, сумев остановить спонтанное развитие колоний, внедрившихся в твой организм.

Савва долго молчал.

– Ты говоришь, они радикально изменились… Но я видел появление

серебристой плесени и побегов, похожих на растения, буквально в ночь катастрофы! Когда они успели измениться? Зачем стали нападать на людей?

– Это остается загадкой. Возможно, мы сумеем ее разгадать, но не тут, не в таких условиях.

– Я согласен, что нужно бежать, – подумав, ответил Савва. – Только куда? Сколько у Хистера боевиков?

– Десятка четыре.

– А нас?

– С тобой – восемь человек. Кроме Ипата и Глеба есть еще двое ученых и двое бывших сотрудников охраны Академгородка, согласных рискнуть.

– Оружие?

– Два армгана. Это экспериментальный лазерный излучатель, созданный в качестве оружия. В твоей одежде был найден пистолет Макарова. Мне удалось его утаить. Больше ничего нет.

– Мы не сможем захватить подземный комплекс, – покачал головой Савва.

– Знаю. Потому мы с Глебом – за побег.

– Куда?

– В другое пространство. Гипертоннель функционирует. У нас есть маркер. На нем четыре активные точки, обозначенные непонятными условными знаками. Мы полагаем, что они расположены на поверхности земли и также являются на данный момент зонами катастроф.

Авантюра…

«Смертельно опасная авантюра, – подумал Савва, – но другого выхода, судя по всему, нет. Хистер публично казнит меня, затем настанет черед других, несогласных с его диктатурой».

– Как мы доберемся до этого… тамбура?

– С твоей помощью, Хантер.

– В смысле?

– Я имплантировал тебя. Ты ведь не станешь отрицать, что твое зрение изменилось? Ты видишь в темноте, твой мысленный взгляд способен проникать через препятствия и стены, верно?

– Допустим.

– Нам не прорваться с боем через расчищенные по приказу Хистера тоннели. Они охраняются. Но есть другой путь – через разрушенные лаборатории. Твои способности помогут нам проложить маршрут, не заблудиться в лабиринте коммуникаций, не оказаться в тупике или перед

завалом.

– Наверху опасно?

– Мы почти ничего не знаем. Хистер держит нас взаперти. Из экипировки есть только два скафандра биологической защиты, но они вряд ли помогут против инфицирования серебристой проказой.

– И что ты предлагаешь?

– Мы все согласны рискнуть. Если действовать быстро, то два прибора, найденные в лабораториях нанотехнологий: излучатель и кодировщик, – помогут нам локализовать очаги поражения и заставить микрочастицы переконфигурироваться в полезные для организма устройства. Опыт у нас с Ипатом уже есть.

– Значит, дело только за мной?

Аргел кивнул.

– Мы ждали, пока ты окончательно придешь в себя и немного оправишься.

Савва некоторое время молчал, а затем произнес:

– Когда мы начнем?

– Если ты готов, то завтра. Хистер приказал провести еще одно исследование твоего организма. Он собирается устроить публичную казнь. Я уверил его, что ты неопасен и неадекватен. Он что-то имеет против тебя лично и, скорее всего, явится сам в сопровождении охраны. Остальные будут ждать в зале собраний. Это нам на руку, в тоннелях останется минимум боевиков.

– Верни мне пистолет.

Аргел молча кивнул.

* * *

Ночь перед побегом тянулась невыносимо долго.

В обойме «макарова» оказалось всего четыре патрона. Армганы, о которых упомянул Аргел, не годились для ближнего боя – источники энергии лазерных излучателей были почти разряжены, и их договорились приберечь на тот случай, если нужно будет вскрыть какую-либо дверь или разрушить небольшой завал.

Савва не мог уснуть.

Здраво осмыслить все произошедшее не получалось. Чем больше он думал, тем сильнее запутывался в мыслях. Глобальная катастрофа, изолированное от остального мира пространство, уничтоженная биосфера, загадочный портал, какие-то военные разработки…

Он прислушивался к себе, к ощущениям, чувствам, пытаясь понять,

что же произошло с ним после так называемого изменения, которое Аргел предпочитал называть имплантацией?

Чувства молчали. За редкими проблесками он не воспринимал новых возможностей, попытки усилием воли активировать их приводили лишь к вспышкам острой головной боли.

Но самое страшное заключалось даже не в факте инфицирования непонятной формой микрожизни и не в том, что на основе внедрившихся в организм колоний микрочастиц Аргелу и Ипату удалось сформировать некие переходные участки, связанные с нервной системой, через которые к обмену веществ и сенсорике человеческого организма были подключены расширители сознания и метаболические корректоры.

Савву угнетало иное.

Он пережил быструю агонию, вплотную подошел к смертельной черте, за которой лишь пустота небытия, пережил ужас и смирился со своей участью.

Фактически вмешательство двух ученых вернуло его в мир живых, в ту страшную ситуацию, из которой не виделось выхода.

Возвращение не принесло с собой ни радости, ни обновленной жажды жизни. Савва казался сам себе пустым и никчемным.

Незаметно подкралось утро.

Глеб также ворочался с боку на бок, видно, сон к нему тоже не шел.

Наконец, не выдержав, он сел, свесив ноги с жесткой металлической койки.

– Хантер? Не спишь?

– Нет.

– Они скоро явятся за нами.

– Я готов, – глухо ответил Савва. После бессонной ночи он чувствовал себя так скверно, что уже не терзался сомнениями.

– Может, отдашь мне пистолет?

– Сам справлюсь.

– Хантер, ты все еще плох физически, – напомнил Глеб. – Силы понадобятся тебе при сканировании коридора. У нас будет очень мало времени на побег.

Савва молча отдал ему пистолет, затем, злясь на свою покладистость, привалился спиной к стене, закрыл глаза и попытался сосредоточиться на внутреннем зрении.

Боль в голове вспыхнула остро, невыносимо, он невольно стиснул зубы, издав звук, похожий на рычание раненого зверя.

Багряная муть, плавающая на фоне опущенных век, не желала расступаться, в виски как будто вгоняли раскаленные гвозди, щеку, пораженную серебристым пятном, начало подергивать нервным тиком.

Он не понимал, как нужно управлять полученными возможностями, что необходимо сделать для их активации, скудный запас решимости уходил на борьбу с вездесущей болью.

Глеб, исподлобья наблюдавший за ним, внезапно произнес:

– Открой глаза. Смотри на стену. Сосредоточься на желании увидеть нечто, расположенное за ней.

– Почем знаешь? – мучительно просипел Савва.

– Мне объяснял Ипат. Я часто пользовался сканерами, думаю, что датчик, подключенный к нервной системе, должен реагировать на мысленное усилие.

– Не выходит…

– Ты же можешь представить, что смотришь вдаль? Сканеры имплантов работают, их тестировали. Твоя задача – принять сигнал. Хантер, ты должен справиться. Иначе нас казнят. Хистер спланировал показательное шоу и не отменит его.

При мысли о Хистере в душе Саввы возникла злоба. Он все больше походил на загнанного в угол зверя, в нем просыпались дремавшие до поры древние инстинкты, разум постепенно отступал под их напором, и вдруг багряная мгла боли начала трансформироваться.

Он вздрогнул.

Стены узилища стали зыбкими, превратились в полупрозрачные завеси багряных оттенков.

Восприятие изменилось. Он внезапно увидел расположенную за дверью часть коридора и еще фрагмент помещения, находящегося по другую сторону.

Он напрягся так, что на шее выступили вены, кожа обтянула скулы, рот приоткрылся в мучительном оскале, на губах выступила пена.

– Я вижу… – едва слышно просипел он.

Глеб ничего не ответил. В замке двери уже проворачивался ключ. Последнее, что успел сделать Глеб, – это вколоть Хантеру дозу стимулятора из полученного от Ипата микроинъектора.

Дверь с тяжелым скрипом отворилась.

На пороге стояли четверо боевиков Ковчега, за ними маячили фигуры пятерых ученых, закованных в наручники, – их приговорили к публичной казни за отказ сотрудничать, далее Глеб заметил еще троих заключенных из числа «бунтовщиков» – двое были бывшими сотрудниками МВД, еще один

– военный, его имени не знал никто, он по большей части молчал, предпочитая словам действия. Пару дней назад он пытался бежать, голыми руками вырубив двух охранников.

Боевики вошли в камеру, тем самым совершив непростительную ошибку.

За толпой заключенных, блокировавших коридор, в сопровождении двух автоматчиков стояли, дожидаясь, пока выведут Хантера, Ипат и Аргел. Они должны были публично засвидетельствовать, что имплантация оказалась неудачной по причине генетической непригодности объекта.

Удивительно, но за спиной автоматчиков промелькнула фигура Хистера. Оставалось непонятно, зачем тот явился в тюремный блок, но его присутствие откровенно порадовало Глеба. Прибить подонка – и половина проблем будет решена автоматически… Жаль, далеко стоит, прячется за чужими спинами, прицельно не выстрелить, а то первая пуля досталась бы ему…

Четверо вошедших в камеру, по всей видимости, не имели никакого представления об элементарных мерах безопасности при конвоировании заключенных.

Двое, закинув за спину короткоствольные автоматы, склонились над Хантером, намереваясь рывком поднять его на ноги. Еще двое двинулись к Глебу, один поигрывал кандалами, второй сверлил его недобрым взглядом исподлобья.

Четыре патрона…

Глеб не стал искушать судьбу. Он держал пистолет в руке, пряча его под одеждой. Как только конвоир с кандалами приблизился, Глеб выстрелил в него прямо через ткань.

Грохот «макарова» оставил звон в ушах и кисловатый запах пороховых газов. На секунду все оцепенели, и Глеб не преминул воспользоваться замешательством: он дважды выстрелил в конвоиров, склонившихся над Хантером, одному пуля угодила в голову, второму в сердце, Глеб рванулся вперед, сбивая с ног последнего боевика…

Тот оказался сильным, успев прийти в себя, он попытался вскинуть оружие, а когда не получилось, вцепился мертвой хваткой в Глеба, обхватил его своими лапищами, оттесняя к стене, мешая произвести еще один выстрел.

В подземельях раздались крики, все могло сорваться, охранники, находившиеся в коридоре, за спинами заключенных, ждали приказа Хистера, чтобы открыть огонь на поражение, – им мешали лишь Аргел и Ипат, блокировавшие линию огня…

Боевик, прижавший Глеба к стене, одной рукой вцепился ему в горло, другой выкручивал запястье, пытаясь вырвать пистолет.

В этот миг Хантер, на которого навалились два обмякших тела, начал действовать. От исхудавшего узника, пережившего добрый десяток операций, получившего смертельную дозу радиации, никто не ожидал активного сопротивления. Одного взгляда на него хватало, чтобы презрительно подумать: в чем только душа держится?

А она держалась.

Вспышка неукротимой ярости, спровоцированная запахом крови, ударившим в ноздри, преобразила Хантера. Он и без того был напряжен до предела, а тут что-то произошло с организмом, словно те самые метаболические импланты, отреагировав на внезапный выброс адреналина, внесли свою лепту в обмен веществ, тела двух мертвых конвоиров отшвырнуло к противоположной стене, Хантер рывком вскочил на ноги – жилистый, худой, окровавленный, жуткий… Одной рукой он схватил автомат, другой передернул затворную раму, хотя в этом не было необходимости – патрон, находившийся в стволе, вылетел наружу, блеснув желтовато-мутным глянцем.

– На пол! – Голос Хантера, похожий на рык, эхом метнулся по коридору, и вслед ударила тугая, длинная очередь.

Заключенные, приговоренные к казни, успели упасть плашмя, они ждали чего-то подобного, находясь в постоянном напряжении, а вот Хистер и двое прикрывавших его боевиков замешкались.

Пули рикошетили от стен, высекали искры, визгливо уходя на излет, одна из них ударила Хистера в плечо, прикрывавший его боевик задергался в судорогах, приняв на себя половину пущенной веером очереди, не растерялся лишь последний, которого чудом обошла смерть: не пытаясь огрызаться в ответ, он схватил Хистера за шиворот и поволок его за поворот тоннеля.

Глеб еще боролся с конвоиром, когда в камеру ворвались Ипат и Аргел.

Удар по затылку оглушил охранника, его автомат тут же оказался в руках Ипата. Аргел, сорвав с пояса мертвого боевика ключи, снимал оковы с остальных приговоренных, в глубине бункерной зоны раздавались крики, слышался лязг дверей, топот ног.

– Надо уходить! – хрипло выдавил Глеб, потирая шею, на которой остались пунцовые следы от душивших его пальцев. – Собираем оружие и бегом. Хантер, веди!

* * *

Путь по запутанной системе коммуникаций был долог.

Хантер, которому вкололи лошадиную дозу стимулятора, практически не чувствовал боли, его восприятие обострилось, схема тоннелей стала намного четче, он быстро нашел вход в систему принудительной вентиляции, и группа беглецов, поднявшись по вертикальному колодцу магистрального воздуховода, оказалась в замурованной, отрезанной от основного комплекса части бункерной зоны.

Тоннель, по которому они поднялись, взорвали, использовав небольшой запас энергии в прототипных образцах армейских лазерных излучателей.

Свет нескольких факелов лишь слегка рассеивал кромешную тьму.

Небольшой отряд беглецов медленно двигался через секторы бункерных зон, о существовании и предназначении которых знал лишь строго ограниченный круг лиц. Катастрофа сломала правила, нарушила все регламенты, силы стихии пробили бреши в толще многометровых стен, открыв доступ в царство высочайших технологий, причудливо смешав содержимое различных лабораторий, совмещая несовместимое, выпуская на волю результаты неудавшихся либо незавершенных экспериментов.

Тени недавнего технического величия виднелись повсюду. Технологии завтрашнего дня, невиданные устройства, прототипные образцы машин будущего: подземелья Академгородка походили на ирреальную декорацию к фантастическому фильму, показывающему законсервированный навеки срез эпохи, миг, когда остановился научно-технический прогресс. Все создаваемое тут трудом тысяч специалистов теперь утратило предназначение и смысл – разобраться в смешении технологий, вновь расставить все по местам, отделить один проект от другого, понять их практическое применение уже было невозможно – для этого потребовалась бы целая армия ученых, инженеров, техников…

Как будто в один миг оборвались миллионы нитей, связующих прошлое и настоящее.

Беглецы двигались медленно. Они бы никогда самостоятельно не выбрались отсюда, в поисках выхода можно было неделями блуждать по темным, разгромленным в результате сдвигов земной коры лабораториям, упираясь в тупиковые, перекрытые обвалами тоннели или пытаясь обойти запертые, обесточенные, деформированные гермоворота межуровневых переходов, но их вел Хантер.

Его восприятие, обострившееся в момент невероятного морального и

физического напряжения, больше не исчезало. Напротив, он все четче воспринимал данные, получаемые от имплантированных сканеров, с каждым новым шагом расширяя границы своих уникальных способностей.

Внешне он выглядел совершенно неадекватным. Нечеловеческая мука отражалась в искаженных чертах лица, периодически его начинало бить в конвульсиях, но хриплые указания, которые он давал, превозмогая приступы боли, вели отряд по верному пути.

Не было смысла останавливаться. В изолированных секторах бункерной зоны царили тотальные разрушения, здесь нельзя было жить, не работала система рециркуляции воздуха, подачи воды, не горело даже аварийное освещение, зато по стенам просачивалась влага, а из тоннелей тянуло могильным холодом.

Погоня осталась далеко позади, но впереди их ждали худшие испытания.

Хантер двигался как заведенный.

Остальные уже едва плелись, он же, поймав нечеловеческое, выходящее за рамки возможностей организма второе дыхание, помогал отставшим молча, целеустремленно, словно вознамерился сжечь дотла все резервы своего худого, истощенного тела.

Остановились лишь однажды.

Примерно на четвертый час блуждания по тоннелям очередной коридор вывел группу беглецов в полуразрушенный подземный комплекс.

Хантер осмотрелся, пока остальные, пользуясь неожиданной передышкой, просто повалились на пол в полном изнеможении.

Длинный зал с перекрытием, рухнувшим в дальней его части, терялся во мгле. Искривленные, смятые переборки, выполненные из экранирующих материалов, мешали восприятию. До катастрофы они делили помещение комплекса на отдельные, изолированные друг от друга секции, но сейчас все смешалось. Не двигаясь, Хантер продолжал всматриваться во тьму, постепенно начиная различать некоторые подробности. Он не понимал, что именно остановило его, заставляя сканировать полуразрушенный комплекс, ведь путь, по которому двигался отряд, вел мимо, свободный от завалов тоннель уходил вправо, а длинный зал, заполненный искореженными конструкциями, оставался по левую руку…

Что-то необычное таилось тут.

Хантер не мог объяснить, почему ему вдруг показалось жизненно важным остановиться и сканировать помещение, невзирая на усилившуюся боль.

Наконец, он медленно побрел по деформированному коридору

разгромленного комплекса, уклоняясь от намеченного маршрута. За ним последовали лишь Глеб, Ипат и Аргел, остальные беглецы использовали передышку, чтобы хоть немного восстановить силы.

Коридор, причудливо изгибаясь, уводил во мрак.

Под фрагментами рухнувшего перекрытия, в расплющенных секциях угадывались какие-то сложные устройства, надписи на уцелевших стенах и переборках ничего не поясняли, они были зашифрованы условными кодами подразделения, но Хантера влек к себе единственный работающий среди хаоса разрушений блок аппаратуры. Он воспринимал слабые эманации энергетических полей и шел на них бессознательно, как мотылек летит на пламя свечи.

Деформированный коридор вывел его в небольшой круглый зал.

Взрыв смел несколько экранированных секций, образовывавших в прошлом остроугольные сегменты, порвал сложную паутину кабелей и трубопроводов, соединенных с камерами, похожими на саркофаги.

Вероятно, проводимые тут исследования были связаны с крионикой. Неизвестно, сколько устройств похоронили под собой бетонные обломки частично рухнувшего перекрытия, но четыре камеры уцелели, их выпуклые колпаки покрывал тонкий налет инея, под ногами валялась какая-то документация, вдоль одной из стен высились блоки компьютерных терминалов – часть из них обгорела, но два еще работали.

Хантер, мельком взглянув на распростертые на полу, уже начавшие разлагаться тела, по-видимому принадлежавшие погибшим сотрудникам лаборатории, перешагнул через них и резким движением смахнул коросту инея с прозрачного колпака, венчающего ближайший из постаментов.

Пусто…

Еще один.

Опять лишь слабая подсветка пластикового ложа, повторяющего контур человеческого тела…

Хантер не понимал, что с ним происходит. Он как будто отключился от всех проблем текущего момента, слабый, воспринимаемый на уровне подсознания призыв заставил его осмотреть две оставшиеся камеры.

Третья по счету была проломлена и пуста, в четвертой лежала девушка лет семнадцати.

Ее бледные, заострившиеся, бескровные черты внезапно полоснули по сознанию Хантера, как нож, рассекающий плоть. Возможно, он уже перешагнул некую черту внутреннего безумия, отдавая все силы на поиск пути наверх и поддержание своих новых возможностей, – он не мог ее знать, не мог увидеть где-то мельком в толпе, но сердце глухо ударило в

грудь. Бледные черты показались до боли знакомыми, он почему-то сразу подумал о погибшей дочери, хотя какое сходство может быть между ребенком и уже взрослым человеком?

Голова кружилась, боль била нестерпимыми вспышками. Теряя силы, Хантер сел подле постамента, на котором крепилась переносная камера, словно в проблеск мгновенно родившейся, безумной надежды, впился взором в неподвижные черты.

Такой могла бы вырасти моя дочь…

Он понимал, что болен и почти безумен. Мир вокруг необратимо изменился, а он, потерявший точку опоры еще до роковой катастрофы, все падал, как дерево, лишившееся корней.

Обхватив голову руками, сжав пульсирующие виски, Хантер тихо произнес:

– Аргел… Можно отсоединить камеру?

Двое ученых подошли к комплексу аппаратуры, некоторое время осматривали его, затем Ипат присел подле Хантера.

– Мы вряд ли сможем ей помочь. Среди нас нет специалистов по крионике.

– Камеру можно снять с постамента? – словно не услышав его, вновь спросил Хантер.

– Снять можно. У нее автономный источник питания. Но зачем?

– Мы не бросим ее здесь.

– Хантер, мы даже не знаем, жива ли она. Груз только обременит нас.

– Я не сойду с места…

Его глаза светились решимостью. В тот миг Аргел впервые увидел этот упрямый, неодолимый блеск.

Отойдя в сторону, он посовещался с Глебом и Ипатом, затем вернулся.

– Ну, хорошо… Я соберу документацию. Мы снимем камеру с постамента. Только скажи, далеко еще до поверхности?

– Нет. – Хантера словно подменили. Он вскинул на Ипата помутившийся взгляд и добавил: – Снимайте камеру. Я выведу всех к вихрю. Только не надо со мной спорить…

Ипат несколько секунд пристально смотрел на него, затем кивнул.

Безумие, конечно, но что осталось нормального в необратимо изменившемся мире?

Девушка вряд ли выживет, но говорить об этом Хантеру бесполезно. Лучше сейчас не перечить ему. В конце концов, у камеры есть мощный автономный источник энергии, который наверняка пригодится, ведь они идут в полную неизвестность…

– Мы отсоединим камеру и понесем ее. Не волнуйся. Используй передышку, чтобы найти наикратчайший путь к вихрю.

Хантер поднял голову.

– А что за порталом? – спросил он.

– Я не знаю, – честно признался Ипат. – Но надеюсь, что там нас встретят спасатели или военные.

– Почему? – переспросил Хантер, словно уже успел позабыть все пояснения, которые давал ему Аргел.

– Маркер, – терпеливо повторил Ипат. – Это устройство было разработано до катастрофы. Оно настроено на излучение портала. Значит, гипертоннель создали люди и рассчитывали им управлять. Нам придется проверить это. Иного выхода нет.

* * *

В пепельно-серых сумерках отряд вышел на поверхность, метрах в трехстах от основания исполинского вихря.

Вокруг – разломы земной коры. Впереди виднелся покрытый трещинами холм – один из многих, появившихся в момент катастрофы.

Боевиков Ковчега нигде не было видно, да и вряд ли они решались покидать подземные убежища, чтобы прочесывать местность.

Мутный вихрь вращался на вершине холма. Подле него в сумеречном освещении угадывались контуры какой-то постройки, не тронутой титаническими силами, уродовавшими рельеф.

Хантер поднял руку, останавливая остальных, и замер.

– Это здание универмага, – наконец произнес он.

Глеб кивнул, опуская бинокль, найденный в подземельях, и подтвердил:

– Постройка советских времен. Я бывал в нем пару раз. Ничего примечательного.

К ним присоединился Ипат. В руках он держал навигационное устройство маркера.

– Он активировался. – Ипат продемонстрировал четыре пульсирующие зеленым искры индикации. Над ними в крохотных окошках застыли непонятные символы.

– И что теперь?

– Думаю, нам нужно выбрать. Прибор предлагает четыре варианта.

– Откуда ты знаешь, что это связано с навигацией? – выразил сомнение Глеб.

– Предполагаю. – Ипат указал на крохотный дисплей со стрелкой. –

Прибор впервые активировался, когда я поднимался к поверхности, еще задолго до побега. Стрелка в окошке – как компас, только она указывает не на север, а дает направление на портал. Расшифровка аббревиатуры дала точное указание назначения прибора – «навигационный маркер». Зеленые искры загораются лишь во время приближения к вихрю, внутри километрового радиуса окружности. По-моему, все логично.

– Ничего логичного не вижу, – буркнул Александр, бывший офицер ПВО. – Портал является военной разработкой. Наверняка, чтобы пройти через него, нужен не только маркер, но и код доступа.

– Я полагаю, что маркер уже содержит необходимые коды…

– Нечего спорить, – прервал их Хантер. – Пошли. – В его голосе как-то незаметно появились властные, уверенные нотки. – Нет гарантии, что один человек, использовав устройство, сумеет вернуться назад. Разведчика мы послать не можем – слишком велик риск и для него, и для остальных. Смыкаемся плотнее и двигаемся группой.

– Но прежде надо выбрать один из четырех доступных вариантов!

– Дай. – Хантер требовательно протянул руку.

Ипат нехотя протянул ему прибор.

Хантер не раздумывал долго. Он коснулся пальцем крайнего справа сенсора и, зажав маркер в кулаке, произнес:

– Теснее смыкайтесь вокруг меня. Идем к вихрю.

* * *

Склон покрытого трещинами холма, на вершине которого косо застыло не претерпевшее разрушений здание универмага, оказался достаточно труден для подъема. Кроме разломов земной коры здесь хватало иных препятствий – местами пробивалась молодая поросль странных металлических растений, ближе к вершине они заметно укрупнялись в размерах, образуя настоящие заросли.

Группе беглецов приходилось постоянно сворачивать в поисках обходных путей. Приближаться к металлорастениям они опасались. Склоны холма изобиловали и иными свидетельствами происходящих тут процессов. Множество разнообразной техники – строительной, военной, гражданской – скопилось у основания вихря баррикадами металлолома, кое-где виднелись воронки от взрывов, круговые подпалины и даже остекленевшие участки почвы, подвергшиеся воздействию температур плазмы…

Через густые заросли металлорастений во многих местах вниз по склону вели широкие просеки, в которых угадывалась мощь строительной

либо военной техники, проломившей себе путь вниз.

Шли молча, лишь Ипат изредка произносил длинные фразы, изобилующие научными терминами, пытаясь пояснить остальным свое понимание увиденного, но его никто не слушал, каждый из беглецов был погружен в собственные переживания, напряженно ожидая некоей незримой черты, шаг за которую приведет их в абсолютную неизвестность.

Вихрь медленно приближался, затмевая собой небеса, но ничего не происходило. На маркере, зажатом в ладони Хантера, теперь горел ровным светом лишь один индикатор.

Здание универмага, окруженное грудами покореженных машин, кое-где испятнанных ртутными кляксами, обошли стороной, основание вихря располагалось за ним, где-то среди руин подсобных помещений…

Люди невольно смыкались все теснее.

Пройдя через брешь в баррикаде механизмов, беглецы оказались подле эстакады, когда-то служившей для разгрузки машин, доставлявших в магазин различные товары.

Здесь воздух уже был мутным, ощущались его круговые токи, несущие мелкие частицы песка, небольшие, больно секущие по лицу и рукам камушки.

Еще несколько шагов. Впереди лишь серая хмарь, оглядываться назад не хватает мужества, четверо, несущие на плечах снятую с постамента криогенную камеру, начали отставать, и Хантер, сделав знак, остановил продвижение отряда.

Разжав ладонь, он взглянул на маркер, и вдруг нервная дрожь рванула вдоль позвоночника. Индикационный сигнал поменял цвет. Он стал фиолетовым, затем запульсировал, и…

…Молнии рвали влажный дождливый сумрак.

Возгласы удивления и боли тонули в раскатах грома, шум дождя заглушал вскрики.

Их выбросило в руинах незнакомого городка. Большинство беглецов оказались на крыше неповрежденного пятиэтажного здания, один человек сорвался вниз, канув в дождливый сумрак.

Вспышки молний били, не переставая, дождь то утихал, то снова усиливался, ветер налетал порывами.

Хантер, не обращая внимания на боль в ушибленной руке, встал, подошел к краю крыши и взглянул вдаль.

Очередная цепь молний разорвала небеса, осветив окрестности на многие километры, хмарь дождя смяло ветром, и в дождливом сумраке стали видны очертания исполинской, царящей над местностью

постройки…

– Это блок реактора атомной станции… – раздался за спиной Хантера хриплый, сдавленный голос Глеба.

Ни он, ни Хантер еще не подозревали, что в эти секунды начинается история ОРДЕНА.

* * *

Дарлинг проснулась с головной болью.

Поспать удалось лишь пару часов, да и то они прошли в тягостном, полубредовом состоянии.

Титановая Лоза села на жесткой откидной койке. Боевая экипировка громоздилась в углу, свет над небольшим столиком по-прежнему горел.

Тяжелые воспоминания последних пресыщенных событиями суток медленно пробивали себе путь через наслоение информации, полученной при чтении носителя данных.

Глеб… Он заходил ко мне…

Доля секунды потребовалась Дарлинг, чтобы стряхнуть наваждение, четко отделить прочитанные воспоминания командора от реальности дня сегодняшнего.

Он умирает…

Придя в себя, Титановая Лоза болезненно вспомнила последний визит Приора. Глеб зашел к ней пару часов назад, сел напротив, долго молчал, а затем, разжав кулак, протянул на ладони микрочип.

– Что это? – не сразу поняла она.

– Хантер просил передать тебе.

– Командор очнулся? – встрепенулась Дарлинг. – Ты провел операцию? Как он?

Глеб опустил голову.

– Операция не помогла. Колонии скоргов по-прежнему нестабильны. Я сделал все, что в силах мнемотехника… Его последняя воля – передать тебе чип. Там записана информация, которую ты давно хотела получить…

– Не говори так, Глеб! – Титановая Лоза порывисто встала. – Какая «последняя воля»? Командор не может умереть!

– Может, – глухо ответил Приор. – Все мы смертны. Он получил больше изменений, чем способен выдержать организм. По сути, Хантер стал первым имплантированным в Пятизонье…

– Неужели нет никакой надежды?

– Надежда есть. Она, как ты знаешь, умирает последней. Ближайшие пять-шесть часов покажут, чего мне удалось добиться.

– А это? – Дарлинг взглянула на чип.

– Это его воля. Прочти. Он записывал воспоминания, пока я пытался стабилизировать колонии скоргов в его организме.

…И вот она прочла их.

Титановая Лоза подошла к вкрапленному в стену зеркально-ртутному пятну, поймала в его глубинах отражение, пытливо всматриваясь в черты своего лица.

Черты, которые видел Хантер, смахнув наледь с колпака таинственного саркофага, найденного в недрах секретных научных комплексов бывшего Академгородка.

Это была я…

Теперь многое вставало на свои места, а многое запутывалось еще больше.

Ее обрывочная, фактически стертая, туманная память о событиях, предшествующих катастрофе, объяснялась не травмами, не имплантациями, проведенными мнемотехниками Ордена. Дарлинг только сейчас поняла – возможно, у нее и не было никакого прошлого?

Глухо, тоскливо и безысходно стало на душе.

Кто я?

Этот вопрос быстро и болезненно приобрел решающее значение, но ответ на него недоступен. Командор Хантер вряд ли скажет больше, чем дали его воспоминания… может быть, только Ипат с Аргелом что-то узнали из документов, найденных в бункере…

Мысли Титановой Лозы метались от одной проблемы к другой, не находя выхода.

Я жива лишь благодаря Хантеру.

Он всегда относился ко мне как отец… Неужели он умрет? Дарлинг вновь присела на край откидной койки, мучительно закрыла лицо руками. Что же делать?

Титановая Лоза не привыкла ощущать беспомощность. Состояние безысходности претило ей, вызывало внутренний протест, бунт против самой себя.

Но что я в состоянии сделать там, где лучший мнемотехник Ордена расписывается в собственном бессилии, оставляя лишь призрачную надежду, давая понять, что даже при самом благоприятном исходе Хантеру долго не прожить…

Что я могу?

Дарлинг охватила дрожь. Воспоминания командора разбудили глубоко упрятанные в подсознании потаенные, недоступные тайники памяти.

Произошла цепная реакция, рухнули какие-то барьеры, но сознание Дарлинг не воспринимало ничего конкретного. Ее моральное напряжение росло, затем взгляд внезапно затуманился, она как будто потеряла контроль над мыслями, чувствами, словно непонятный, скрытый внутри нее источник воли получил некие полномочия, перехватив контроль над поступками.

Бледная, напряженная, она встала, резко открыла дверь, не ощущая собственных шагов, прошла по коридору, остановилась подле дверей, ведущих в апартаменты командора, и, коснувшись сенсорной панели, разблокировала вход.

Внутри царил полумрак.

Глеб задремал, сидя в жестком, неудобном кресле, выдранном из какого-то старого автомобиля.

Лоза неслышно прошла мимо, склонилась над Хантером, отрешенно, изучающе глядя на него, затем быстрым, решительным, точным движением взяла с подноса универсальный пистолет-инъектор, приставила его к сгибу своего локтя и коснулась сенсора забора крови.

Десятки иголочек впились в вену, внутри прозрачной цилиндрической емкости запузырилась кровь, затем раздался едва слышный щелчок.

Дремавший в кресле Глеб встрепенулся.

– Дарлинг! Что ты делаешь?!

Он вскочил, но Титановая Лоза резко отвела назад левую руку, кончики ее пальцев соединились в характерном жесте, заставив Приора остановиться.

Он понял, что Дарлинг без колебаний задействует свои боевые способности. «Сердце зверя» под кожей ее запястья уже активировалось, и сейчас достаточно лишь мысленного приказа, чтобы вживленное оружие послало губительный импульс…

– Не мешай! – глухим, ровным голосом предупредила она, правой рукой прижав инъектор к шее командора.

Щелчок, и голова Хантера дернулась, кровь Титановой Лозы попала в его организм, спровоцировав конвульсивное сокращение мышц.

– Что ты делаешь?! – в ярости прорычал Глеб, оправившийся от секундного шока.

Дарлинг обернулась, положила пистолет для инъекций на прежнее место, опустила левую руку и так же ровно произнесла:

– Пытаюсь спасти ему жизнь, разве непонятно?

Глава 7 Выбор

Сосновый Бор

В багряных сумерках текли реки огня.

Невыносимая боль терзала рассудок. Черные стены хаотично возникали то тут, то там, не давая мыслить, разрывая сознание, затем вдруг они исчезали, и взор упирался в освещенные бликами пламени своды исполинской пещеры, разделенной на отдельные залы асимметричными арками из наплывов вулканических пород.

Чудовищные тени копошились во мраке.

Энергетические сущности, слабо потрескивая, распространяя мертвенное свечение, проносились мимо, эманации чужих мыслей вторгались в разорванное сознание, словно он был способен воспринимать много больше, чем дано человеку природой.

Ужасающее состояние не проходило, казалось, что время потеряло всякий смысл, его нет, как нет и тела, а боль, которую воспринимает рассудок, – фантомна.

Здесь, в ирреальном, похожем на библейский ад пространстве, постоянно что-то менялось, текло, искажалось, мимо мелькали фигуры людей, облаченных в защитную броню, проносились силуэты совершенно бессмысленных на первый взгляд механических форм, реже, распространяя ветвистые, изломанные энергетические разряды, медленно проплывали фрагменты зданий, глыбы бетона, многотонные куски горных пород…

Разум отказывался постичь открывшиеся картины.

Они не имели смысла. Фантасмагорический бред…

Изматывающая боль накатывалась волнами, взрывалась, извергалась, казалось, что пытке не будет конца, она теперь единственный удел разорванного сознания.

Затем в глаза ударил нестерпимый свет, и Егор, не выдержав, закричал…

* * *

Баграмов чувствовал себя далеко не лучшим образом.

Он очнулся несколько часов назад, но слабость и дезориентация пресекали его слабые попытки встать с жесткой, неудобной постели. Смятые, влажные, местами пропитанные кровью простыни вызывали неприятные ассоциации с лежбищем бродяги в каком-нибудь подвале.

Дверь небольшой комнаты была плотно притворена, под потолком едва тлела, источая желтоватый свет, лампа накаливания.

Душный, затхлый воздух мерзко вонял чем-то терпким, незнакомым…

Последнее, что запомнилось Баграмову, была полоснувшая по нему очередь, выпущенная из импульсного оружия.

Не похоже на госпиталь…

Стиснув зубы, он после нескольких безуспешных попыток все же умудрился сесть. Перед глазами двоилось, но Егор не поддался слабости, не позволил рассудку вновь соскользнуть в блаженный покой беспамятства. Внутренняя борьба провоцировала боль, отнимала силы, но возвращала ощущение жизни.

Баграмов ставил перед собой несложные задачи. Например – осмотреться.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы обвести взглядом периметр стен. Тесное помещение с низким, покрытым трещинами потолком, голыми шероховатыми бетонными стенами напоминало подвал.

Окон нет. Единственная дверь заперта. Судя по рыжим потекам, она металлическая. Выбраться без посторонней помощи будет сложно…

Усилия, направленные на борьбу с недомоганием, помогли ему немного прийти в себя. Голова по-прежнему кружилась, вспышками накатывала боль, мышцы казались ватными, в ушах – звон, как после контузии, но случалось и хуже.

«Не паниковать. Я жив, и это главное…»

Баграмов медленно, по крупицам собирал воспоминания.

Катастрофа. Срочный вызов в штаб ВКС. Двое суток томительного ожидания.

Память постепенно возвращалась. Время субъективно растягивалось, казалось, что он провел тут уже целую вечность, но усилия не пропали даром, понемногу он вспомнил все, пусть не до мельчайших подробностей, но достаточно четко, связно.

…Дверь внезапно и протяжно скрипнула, открываясь.

Егор не пошевелился, по-прежнему сидел, привалившись спиной к холодной бетонной стене, лишь его взгляд напряженно следил за происходящим.

В дверном проеме показалась сгорбленная фигура. Тусклый свет не позволял рассмотреть все детали одежды, да и лицо вошедшего виделось как смутное пятно, а вот стариковский, каркающий голос прозвучал отчетливо:

– Да забирайте вы его, забирайте. Мне же спокойнее будет.

Вслед за стариком появились две массивные, гротескные фигуры. Голоса вошедших звучали глухо:

– Мы пока только поговорим с ним.

– Воля ваша… Но кто заплатит бедному торговцу за хлопоты? Сутками не спал, на старости лет сиделкой подрядился, как будто у меня других дел нет…

– Приор Глеб не оставил тебе оплаты?

– Приор Глеб вытащил его из лап Зоны, – раздраженно ответил старик, – а потом ушел, даже не простившись. Только экипировку его забрал.

– На, держи. – Один из вошедших что-то передал торговцу. – Здесь с лихвой. А теперь оставь нас одних.

Баграмов молча и напряженно ожидал, чем все обернется. Сопротивляться он не мог, каждое движение вызывало лишь новый приступ неодолимой слабости и вспышки боли.

Одна из фигур исчезла из поля зрения, второй великан приблизился, попал в размытый фокус зрения Баграмова, и его осенило: на них надета боевая броня, отдаленно напоминающая экипировку космического десанта.

Никаких знаков различия. На поясе – жесткий подсумок с парой плазменных гранат. От запястья до локтя правой руки, впившись креплениями в броню, расположился армган – модернизированная лазерная винтовка. Мощное оружие, несравнимое с прототипными образцами, которые Егор видел в условиях полигона. Непонятен источник энергии, питающий излучатель. У экспериментальных образцов он был тяжелым, крупногабаритным и малоемким, из-за этого расчет состоял из двух человек – непосредственно стрелка и его напарника, таскавшего тяжеленный энергоблок…

Шлем, скрывавший лицо незнакомца, также претерпел изменения относительно стандарта, известного Баграмову. На нем явно добавилось датчиков, бронирование заметно усилилось, теперь лицевое проекционное забрало тоже закрывали наплывы брони, расположенные елочкой.

На правой плечевой бронепластине красовался непонятный знак: какой-то из морских узлов с идущей поверх него надписью на латыни: «NODUS SANCTI EST».

Пока Егор молча рассматривал незнакомца, в комнату вернулся второй, поставил подле кровати массивный табурет, а сам отошел к двери, сняв с плеча и изготовив к стрельбе ИПК.

Чего-то опасаются… Но не меня же?..

Воин сел. Табурет, сколоченный из толстого бруса, жалобно скрипнул

под его весом.

Коснувшись сенсора, незнакомец привел в движение сервомеханизм управления забралом. Сначала вверх поднялись сегменты дополнительного бронирования, затем плавно сдвинулся полупрозрачный щиток из бронестекла.

Егор увидел молодое лицо, хранящее отпечаток тяжелых жизненных испытаний.

– Будем знакомы, брат. – Взгляд незнакомца, проницательный, но не колючий, воздействовал успокаивающе. – Меня зовут Денис. В народе, среди свободных сталкеров, кличут по позывному – Шрам. Приор Глеб велел заботиться о тебе и доставить в капитул, как очнешься. Там безопасно, да и условия получше, чем в этой норе.

Баграмов нашел силы кивнуть, затем, едва ворочая языком, произнес:

– Егор…

Шрам покачал головой.

– Слаб ты еще… – как будто размышляя, произнес он. – Но здесь оставлять тебя нельзя. Слух уже прошел по Пятизонью. У торговцев все имеет свою цену… – не скрывая досады, констатировал Денис. – Упырь – себе на уме. Что-то подглядел, что-то подслушал, и о тебе уже меж свободных сталкеров разговоры пошли, что в Сосновом Бору один из потерянных спецназовцев объявился. Говорят, что ты четыре года в Узле провел.

– Стимулятор… Вколи…

Шрам сощурился.

– Себя не бережешь? Вопросов много? Ладно, давай попробуем. – Он расправил руку в бронированной гермоперчатке, выщелкнул из указательного пальца цилиндрический выступ универсального инъектора, прижал его к шее Баграмова, впрыснул препарат.

Стимулятор подействовал быстро. Уже через пару минут зрение Егора стало четче, мысли прояснились, боль, терзающая рассудок, чуть притупилась, отступая на второй план восприятия.

– Не напрягайся, – предупредил Шрам. – Кое-что я знаю из сталкерской сети. Нам Титановая Лоза информацию скинула, но после пульсации сбой связи произошел. Только накануне сообщения добрались. Ты и правда в Узле побывал?

Егора сейчас волновали совершенно иные вопросы.

– Что со мной произошло?

– Ты был ранен. Затем – инфицирован скоргами. Фактически – это приговор. Но Приор Глеб – один из самых опытных мнемотехников

Пятизонья. Он спас тебя, остановив развитие скоргов и переконфигурировав их колонии в полезные для твоего организма устройства. – Шрам усмехнулся. – Обычно при таких обширных поражениях мы не рискуем вмешиваться, но у тебя оказался маркер Титановой Лозы, к тому же анализ твоей экипировки выявил некоторые структурные аномалии, предсказанные нашими учеными, теоретически доказавшими саму возможность существования Узла.

Баграмов некоторое время молчал. Информация повергла его в шок.

– Кем я стал? – выдавил Егор.

– Сталкером, – спокойно ответил Шрам. – А воспоминания вернутся к тебе, не переживай… При мгновенной транспортировке через Узел каждый из нас поначалу думает, что ничего не видел…

– Мне все равно… – Баграмов бессильно прикрыл глаза.

– Зря, – осуждающе произнес Денис. – Ковчег уже объявил награду за твою голову. И еще одно важное уточнение, Егор. Тот, кто инфицирован скоргами, не может покинуть Пятизонье. Вне отчужденных пространств большинство имплантированных сталкеров погибают в течение нескольких дней. Поэтому не отворачивайся от нас. Ты владеешь информацией, которая бесценна. Тот, кто сумеет проникнуть в Узел и исследовать иное пространство, получит власть над Пятизоньем. Награда, объявленная Хистером, – это серьезно, поверь. Только Орден способен защитить тебя от Ковчега.

– Я чем-то обязан твоей группировке за имплантацию? – неприязненно спросил Баграмов.

Шрам сокрушенно покачал головой.

– Ты, видимо, ничего не хочешь понимать, – с сожалением произнес он. – Дарлинг дала тебе шанс убраться отсюда. Но ты поступил по-своему. Сам сделал выбор. Так чем ты теперь недоволен? Тем, что остался жив?

Егор молчал.

Нелегко признавать собственные ошибки.

Что теперь? Какой у меня остался выход?..

– Понимаю, тебе нелегко после имплантации. – Слова Шрама с трудом проникали в рассудок Баграмова. – Все мы прошли через подобное. Потеряли семьи, друзей, саму возможность вернуться назад. Но это еще не конец, капитан.

Егор мучительно посмотрел на него.

– Какие способности я получил? – глухо спросил он.

– Пока – никаких. Имплантация еще не гарантирует возникновения уникальных возможностей. Изменения должны произойти вот тут. – Шрам

выразительно коснулся лба. – Чтобы заработали специализированные импланты, тебе необходимо вживить «Сердце зверя», а это сложная мнемотехническая операция.

– Значит, я по-прежнему беззащитен?

– Не совсем. – Шрам ободряюще подмигнул Егору. – Твой главный метаболический имплант активен. Он забирает часть жизненной энергии организма, в обмен защищая своего владельца от посягательства диких скоргов, делает сталкера более выносливым, стойким к радиации, разного рода токсинам. В критической ситуации могут внезапно проявить себя и другие вживленные устройства, но – не советую слишком рисковать. Без компактного источника энергии их активность приведет к смертельному истощению организма. Я бионик и разбираюсь в подобных вопросах.

Егор хотел спросить что-то еще, но в этот миг стоявший у дверей воин внезапно вскинул ИПК, располосовав пространство уводящего в глубь подвальных помещений коридора короткой очередью.

– Это Ковчег! – выкрикнул он. – Наружный пост не отвечает! Они уже в здании!

Цитадель Ордена

К утру Хантеру стало лучше. Кризис еще не миновал, но командор на короткое время пришел в сознание, что, на взгляд Приора, уже было добрым знаком.

Завершив очередной сеанс сканирования, Глеб обернулся.

Титановая Лоза, всю ночь помогавшая ему, сидела в кресле, неотрывно глядя в одну точку.

– Дарлинг, нам надо поговорить.

Она лишь молча кивнула.

Приор присел рядом.

– Как он? – глухо спросила девушка.

– Лучше, – ответил Глеб. – Что ты ввела ему?

– Скоргофагов. – Дарлинг закатала рукав, указала на небольшое серебристое пятнышко. – Я раздавила н-капсулу. Спровоцировала свой имплант на генерацию антител и ввела кровь, смешанную со скоргофагами, командору.

– Это опасно!

– Но он жив.

– Дарлинг, почему ты постоянно рискуешь? Живешь на пределе, словно каждый день – последний?

Титановая Лоза лишь пожала плечами.

– Ты хотел о чем-то поговорить?

Глеб встал, прошелся по комнате.

– Разве у тебя нет вопросов?

– Только один. КТО Я?

Приор остановился подле рабочего стола командора, медленно обернулся.

– Не знаю. Мы не сумели ничего выяснить. Бумаги, найденные в бункере, содержали лишь общие сведения об испытаниях экспериментальных образцов криогенных камер. Эти испытания осуществлялись в рамках программы подготовки первого полета пилотируемого космического корабля к ближайшей звездной системе. – Он открыл ящик, достал пожелтевшие бумаги. – Ты можешь взглянуть сама.

Титановая Лоза, просмотрев скупые записи, вновь вскинула взгляд.

– У тебя была своя версия, Глеб?

– Была, – признал Приор. – Но она, к сожалению, рухнула.

– В чем ее суть? – насторожилась Дарлинг.

– Я полагал, что ты – дочь кого-то из сотрудников лаборатории крионики. Произошла глобальная катастрофа, и логично было бы предположить, что аппаратурой могли воспользоваться. Из отчаянья, в попытке тебя спасти.

– Ничего не помню… – Дарлинг вернула ему записи. – Прошлой жизни как будто и не было.

– Подобный провал памяти легко и удобно было бы объяснить некорректным вмешательством в процессы низкотемпературного сна – мы ведь действовали на свой страх и риск. Но, боюсь, все намного сложнее. После пробуждения и последующих имплантаций прошло уже достаточно времени, однако память о событиях, предшествующих катастрофе, так и не вернулась, хотя медицинские исследования не выявили структурных нарушений твоего мозга.

– Почему ты отверг версию о родителях?

– У тебя на плече есть татуировка, – ответил Приор. – Три буквы: D.R.G. Потому мы и окрестили тебя – Дарлинг. Показалось созвучным. Никто ведь до сих пор не знает твоего истинного имени.

– Татуировка?! – Титановая Лоза удивленно взглянула на Глеба. – Я никогда не замечала ее!

– Она видна лишь под воздействием лазера. Голограмма.

– Не пробовал выяснить ее значение?

– Пробовал. И не раз. Я потратил много времени и сил, чтобы получить доступ к различным базам данных, но безрезультатно. Ни один

архив, в том числе и принадлежащий военному ведомству, не содержит даже намека на подобную аббревиатуру.

– И что это доказывает? Почему ты отказался от своей версии? Мало ли откуда могла взяться татуировка?

– Я тоже так думал. Пока случайно не увидел точно такую же.

Дарлинг вздрогнула.

– Где? При каких обстоятельствах?!

– Во время одной из последних имплантаций, под лучом хирургического лазера.

– Глеб, не тяни! Кто он?! Сталкер?!

– Капитан Баграмов.

Сосновый Бор

Три «Пустельги» шли в боевом построении. Соосные несущие винты «Ка-85» резали влажный ночной воздух, внизу раскинулась панорама города-призрака. Темные руины многоэтажных зданий освещались вспышками беспорядочного, расползающегося по ущельям улиц, распадающегося на отдельные очаги боя.

В одноместных кабинах пилотов выл ветер, врываясь через пробоины в бронированном остеклении.

На консолях управления не горело ни одного индикационного сигнала.

Вертолеты-призраки скользили над руинами погибшего города. Было непонятно, что за сила заставила вновь подняться в воздух давно и безнадежно искалеченные боевые машины, но двигались они уверенно, сохраняя дистанцию и построение.

Неподалеку от зоны тамбура они развернулись, пронеслись над разветвленной сетью оврагов и внезапно начали заходить на цель.

Три ракеты сорвались с оружейных пилонов и, сияя факелами двигателей, устремились вниз, в ущелье улицы.

Боевики штурмовой группы Ковчега, блокировавшие руины здания, выходящего на перекресток, не сразу заметили приближение опасности. Ожесточенное сопротивление воинов Ордена, защищающих единственный вход в расположенное в подвале убежище, отвлекало внимание.

…Шрам, только что выпустивший короткую очередь из ИПК, вжался в простенок за массивной бронированной дверью.

Краем глаза он успел заметить призрачные силуэты трех боевых машин и отделившиеся от них пылающие точки.

– Паша, дверь! Ракеты!

Невзирая на возобновившийся шквальный огонь, они метнулись в открытый проем, закрывая массивную металлокерамическую преграду. Пули били по ней, как горох, но воинам удалась внезапная, дерзкая вылазка. Шрам, крутанув штурвал ручного запирающего механизма, коротко выдохнул:

– Уходим!

Они метнулись по коридору, уводящему в глубь помещений убежища, а спустя несколько секунд земля ощутимо содрогнулась, словно титанический молот ударил в руины здания, стирая в пыль два уцелевших этажа и иззубренную коробку стен.

* * *

В глубине подвальных помещений взрывы ощущались как неясная вибрация.

Баграмов с трудом понимал, что происходит. Действие введенного стимулятора быстро закончилось, и он снова впал в состояние сумеречного сознания.

Внезапно с протяжным лязгом распахнулась дверь, на пороге появился тот самый старик, которого Шрам называл «торговцем», а вслед за ним в помещение ввалились трое бойцов Ордена.

– Думай быстрее! – раздался голос Дениса. Он явно пребывал не в лучшем расположении духа и церемониться со стариком не собирался. – Ракетами бьют, врубаешься?! Главный выход завалило. Но должны быть и другие, верно? Упырь, не тупи, соображай в темпе!

Старик внезапно закашлялся, видно, глотнул где-то в коридорах едкой бетонной пыли.

– Ты не ори, Шрам… – просипел он. – Я вас сюда не звал. Сидите тихо, пока все не уляжется. А то бегаете тут, а ко мне потом придут…

– Федор Тимофеевич, я ведь по-хорошему спрашиваю. Можем и сами запасной выход поискать, только ты потом не обижайся, – перебил его Шрам.

Старик на мгновенье задумался. По всему было видно – он упрям и не очень-то опасается угроз. Настоящие проблемы, они снаружи… Должно быть, кому-то здорово понадобился этот спецназовец… Ракетами долбанули… Как теперь двери-то чинить?..

– Ладно. Покажу. – Он безнадежно махнул рукой. – Старость теперь не в почете. Любой старика обидит… – бурчал он, удаляясь по коридору в сопровождении одного из бойцов Ордена.

– Так, Саид, неси экипировку! Запасной комплект, что у торговца

держим!

Отдав распоряжение, Денис подошел к Баграмову.

– Планы изменились, – скупо сообщил он. – Снаружи штурмовые группы Ковчега. Чует сердце – тебя ищут. Кто-то ракетами ударил с воздуха. Не то по ним, не то по нам, теперь не разберешь. Бои по всему городу идут, так что вполне вероятно – военные.

– От меня что хочешь? – едва ворочая языком, спросил Баграмов.

– Поднимать тебя придется, Егор. На ноги ставить.

– В смысле?

– На руках нам тебя до капитула не дотащить. – Шрам присел подле жесткой койки. – Бои везде, наши посты успели доложить, что через тамбур прошло не менее полусотни штурмовиков Ковчега. Да и всякий сброд головы поднял. О вознаграждении все слышали. Оставлять тебя здесь нельзя. Упырь тут же сдаст штурмовикам, с него станется. Выход только один: сейчас я воздействую на твой главный метаболический имплант, расшевелю скоргов. Будет больно и неприятно, не скрою, но зато на ближайшие несколько часов прилив сил гарантирован. Прорвемся до капитула, я нейтрализую воздействие.

Егор чувствовал себя настолько скверно, что слова Шрама едва доходили до его рассудка. «Больнее и неприятнее, чем сейчас, уже, наверное, не будет…» – отрешенно подумал он.

– Поступай… как знаешь…

* * *

В руинах города действительно творилось нечто невообразимое. Три «Пустельги», расстрелявшие весь боекомплект, скрылись, словно растворившись во влажных сумерках. Возможно, ушли на перезарядку, а быть может, совершили посадку в зарослях металлорастений. Факт, что ими управляли не военные, но и на драконов[11] они похожи не были. Изделия техноса так просто не уходят, да и выглядят иначе.

На окраине города полыхали остовы трех БРБ. Их корпуса, изрешеченные из импульсных орудий ведущей «Пустельги», служили наглядным предупреждением для ограниченного контингента изоляционных сил, контролирующих атомную станцию, – не суйтесь, будет только хуже. Генерал Званцев, разбуженный посреди ночи, хорошо умел читать знаки, посылаемые техносом. Лишних проблем, связанных с потерями, ему откровенно не хотелось. И так ситуация складывалась не из легких – штурмовые группы Ковчега совсем озверели, потеряли всякий страх, три уничтоженных в зоне тамбура блокпоста немо

свидетельствовали, что Хистер по непонятной причине пошел ва-банк. До этого он предпочитал не вступать в прямые конфликты с военными на территории Соснового Бора, а тут лидера «зеленых» словно подменили.

Званцев нервно расхаживал по кабинету, размышляя, как поступить, когда раздался звонок.

– Слушаю. – Он активировал коммуникатор, недоумевая, почему не определился номер абонента.

– Генерал?

– Ну, кто спрашивает?

– Это Хистер.

Званцев едва не подавился вставшим в горле комком слюны.

– *Хистер?!*

Он ожидал чего угодно – указаний сверху, немедленной выволочки от начальства за бездействие и неспособность справиться со внезапно обострившейся ситуацией, но только не прямого звонка от лидера Ковчега.

– Буду краток. Мои люди временно вырубили «прослушку» вашего служебного коммуникатора. Генерал, не вмешивайтесь в события. Это просьба, которая будет подкреплена материально в ближайший же час. Мне известен ваш номерной счет.

Званцев побагровел.

Наглость тоже должна иметь какие-то границы!

Он вдруг закашлялся, а когда вновь обрел дар речи, то в коммуникаторе уже звучал назойливый сигнал отбоя связи.

Налив себе коньяку, он грузно опустился в кресло, машинально выстукивая пальцами навязчивый мотивчик.

Подождать несколько часов? – Званцев взглянул на экран, куда передавалось изображение, снятое в режиме реального времени.

Дыры в выгоревших корпусах трех тяжелобронированных разведывательных ботов выглядели вполне убедительно. Куда подевались три «Пустельги», перепахавшие руины ракетными залпами, до сих пор непонятно. Тем более неясно, кто их послал.

Проверить, действительно ли ему звонил Хистер, невозможно.

Упускать деньги – жалко. При таком масштабе вторжения речь наверняка идет о суммах немалых.

Ладно. Выдвину группы в зону тамбура, а там видно будет. Если через час Хистеру не удастся приятно удивить меня – ни один его человек живым отсюда не уйдет.

* * *

Бронекостюм Ордена показался Егору неподъемной ношей.

Саид только что замкнул последнее крепление, и теперь Баграмов чувствовал себя наиглупейшим образом – боевая экипировка, оснащенная механическими усилителями мускулатуры, в буквальном смысле припечатала его к стене своим весом.

Активаторы сервомоторов, работающие на принципе обратной связи, почему-то не включались.

– Минуту потерпи, – Шрам внимательно посмотрел на Егора. – Я включу питание брони, когда у тебя закончатся судороги. Иначе ты тут все разнесешь.

Баграмов лишь стиснул зубы.

Ободряющее начало…

В следующий миг его раздражение испарилось. События и в самом деле принимали дурной оборот. Потолок, и без того покрытый густой паутиной трещин, вдруг начал оседать после очередного глухого толчка. Арматура выдержала, вниз осыпались лишь мелкие камушки да просочились струйки пыли, а затем по трещинам внезапно прыснула серебристая изморозь, с невообразимой скоростью прорастая тонкими, упругими металлизированными нитями, толщиной с волос.

– В коридор! Живо!

Денис и Саид подхватили Егора, волоком вытащив его из комнаты, плотно затворили дверь, но было понятно, что это лишь временная мера, неспособная остановить рост прорвавшихся в убежище металлорастений.

– Не обессудь, капитан. – Шрам опустился на колени, крепко сжал руками голову Баграмова, кивнув Саиду – ноги держи.

В следующий миг по телу Егора ударила конвульсивная судорога.

Боль была такая, что, наверное, и мертвый бы вскочил. Все его мышцы, секунду назад казавшиеся ватными и непослушными, внезапно напряглись с такой силой, что полцентнера надетой на Баграмова брони не смогли его удержать.

Сумрачный коридор взорвался перед глазами Егора радужными кругами; его било в судорогах, но Шрам и Саид не обращали внимания ни на попытки вырваться, ни на пену, выступившую в уголках рта, ни на судорожное сокращение мышц, они прижали Баграмова к полу и держали до тех пор, пока он не потерял сознание.

Через минуту еще одно точечное прикосновение к виску привело Баграмова в чувство.

Если некоторое время назад ему всерьез казалось, что он сейчас умрет, поскольку человек не в силах выдержать такой всеобъемлющей

боли, то теперь необъяснимая легкость наполнила тело, мышцы еще дрожали от перенапряжения, но чувство казалось приятным до эйфории.

Так, словно его убили и вдруг воскресили вновь.

– А ты молодец… – скупо похвалил его Шрам, поднимаясь с колен. – Крепкий. Даже не заорал. Похудеешь килограммов на десять-пятнадцать, но жить будешь. Гарантирую.

– Что это было? – сипло выдавил Баграмов.

– Боевой прием. Практикуется нечасто. Называется «Сила скорга».

– Оружие? – Егор уже стоял на ногах. После только что перенесенного страдания к нему внезапно вернулось желание жить, идти наперекор той предопределенности событий, в плену которой он провел последние дни своего тягостного существования.

– Держи. – Денис передал ему ИПК.

– А ты?

– Справлюсь. – Он активировал армган, в левую руку взял импульсный пистолет.

– Он же брони не пробьет.

– Смотря чем стрелять, – усмехнулся Денис. – Саид, отдай капитану шлем. И валим отсюда, пока автоны из комнаты не вырвались.

– Может, взорвать коридор?

– И то дело. Старик, конечно, брюзжать будет, ну да ладно…

* * *

По системе коллектора сточных вод они прошли около ста метров, прежде чем путь преградил завал.

– Туда. – Павел, временно возглавивший группу, посветил вверх.

Ржавые скобы, влитые в бетон вертикального колодца, угрожающе скрипели, едва выдерживая вес сталкеров, облаченных в тяжелую боевую броню.

Первым наружу выбрался Шрам, за ним последовал Саид. Они заняли позиции, и лишь после этого начал подъем Баграмов.

Ощущения были противоречивыми. С одной стороны, он снова находился в строю, в окружении людей хоть и малознакомых, но решительных, близких по некоему внутреннему содержанию. С другой – роль рядового бойца, опекаемого более опытными товарищами, напрягала. Обстоятельства постоянно напоминали ему об оставшихся в недавнем прошлом ощущениях морального и физического бессилия, беззащитности перед лицом абсолютно чуждой реальности, частицей которой он стал.

А на самом деле, была ли у меня возможность сознательного

выбора? – думал Баграмов, подтягиваясь на ржавых скобах. Невольно анализируя случившееся, Егор приходил к удручающему выводу: никакого выбора он не делал. Плыл по течению смертельных обстоятельств, подхваченный стремниной событий. Даже сейчас, вновь обретя власть над телом и разумом, он пребывал в состоянии шаткой неопределенности, осознавая, что все временно, вскоре придет час расплаты и Зона возьмет с него мзду за саму возможность двигаться, мыслить…

Осознанный выбор надо делать сейчас.

Егор выбрался наружу, в тусклые, освещенные бликами пожаров, взрезанные отсветами лазерных разрядов, сминаемые многочисленными разрывами сумерки. Город-призрак распростерся вокруг иззубренными руинами высотных зданий.

Чем Ковчег отличается от Ордена? Почему меня вдруг начали преследовать одни силы и защищать другие? Откуда такое фанатичное упорство? Что за таинственный Узел? Какой властью он наделяет? Егор почти ничего не помнил из тех скупых пояснений, что давала Титановая Лоза, прежде чем их пути разошлись.

Множество вопросов теснилось в голове.

Баграмов понимал – нужно оставаться настороже. Нельзя сейчас допустить любые симпатии или антипатии. Он практически ничего не знал о происходящем. Так ли уж бескорыстно меня пытаются защитить?

…Тем временем из люка ливневой канализации выбрался Павел. Его позывной – Апостол – звучал жутковато, аллегорично; в окружении руин, по которым то и дело пробегали отсветы мятущегося в ночи боя, все казалось таинственным, имеющим скрытый смысл, до понимания которого еще далеко.

– Нам нужно пройти около трех километров, – раздался переданный устройством мью-фона голос Шрама. Похоже, что он озвучивал некоторые аспекты исключительно для Егора. Апостол и Саид никак не отреагировали на его слова, они напряженно всматривались в полумглу, заняв позиции под стеной здания, за грудами строительного мусора, выдавленными на проезжую часть через проломы в фасаде многоэтажки. – Двигаемся строго вдоль стен, никто не лезет на середину улицы. По возможности используем сквозные проломы в руинах. Нас четверо, значит, работаем парами. Саид с Апостолом, я с Егором. Один двигается, второй прикрывает.

Баграмов хотел огрызнуться, заметить, что знает тактику уличных боев, но вовремя удержался.

Не время сейчас. Видно, отзыв о нем, полученный Шрамом от Титановой Лозы, был далеко не лестным…

* * *

Три «Пустельги» действительно не покинули зоны боевых действий, охвативших город.

Боевые машины, с филигранной точностью приземлившиеся на прогалинах, среди зарослей автонов, выглядели более чем таинственно.

Все они были сбиты в воздушном пространстве Соснового Бора в разное время и значились в базах данных подразделений как безвозвратные потери. Их фюзеляжи, пробитые во многих местах, лишь по чистой случайности не стали законной добычей техноса, но теперь все изменилось.

Непонятно, какая сила заставила искалеченные боевые машины подняться в воздух, расстрелять остатки боекомплектов и совершить посадку в зарослях металлорастений. Возможно, причиной внезапной реанимации стали действия модулей кибернетических систем автопилотирования, но тогда оставалось неясным – почему автопилоты машин не проявляли активности на протяжении нескольких лет и реактивировались именно сейчас?

С каждой минутой загадок становилось все больше.

Технос Пятизонья проявлял сейчас новые, вроде бы не свойственные ему качества.

Создавалось ощущение, что на просторах отчужденных пространств завершился этап эволюции «примитивов» и на сцену событий этой ночью вышли новые силы, демонстрирующие нечто большее, чем набор инстинктов, присущих механоидам.

Три «Пустельги», исчерпавшие в коротком рейде не только остатки боекомплектов, но и скудные запасы топлива, сохранившегося в резервных баках, внезапно подверглись необычному воздействию.

Заросли автонов вдруг пришли в движение. Ветви металлорастений начали стремительно удлиняться, они тянулись к боевым машинам, соприкасались с их корпусами, выбрасывая снопы искр, оплетали их, проникали внутрь через пробоины.

Воздух в районе прогалин, напитанный статическим электричеством, резко пах озоном и металлом.

На части автонов, не принимавших непосредственного участия в захвате «технических носителей», появились вздутия, затем они лопнули, осыпая на землю н-капсулы необычайно больших размеров.

Через некоторое время ветви металлорастений, густо оплетающие фюзеляжи, слились с металлом корпусов боевых машин. Непонятно, что за

процессы происходили внутри, но вскоре лопасти вертолетных винтов пришли в движение, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее рассекая предгрозовой воздух.

Теперь уже не «Ка-85», а некие таинственные порождения техноса стояли на прогалинах.

Звук работающих электромоторов ясно свидетельствовал о проведенной за немыслимо короткий срок коренной реконструкции. В чреве боевых машин, среди сложной структуры металлического плетения, теперь таились мощные энергоблоки, известные в среде сталкеров как «Сердце зверя».

Процесс трансформации еще не завершился, когда в районе «посадочных площадок» появились три группы сталтехов.

Когда-то они были пилотами, но теперь лишь фрагменты летной экипировки, виднеющиеся среди сплетения металлизированных мышц, напоминали о прошлом.

Три сталтеха забрались в кабины, остальные занялись сбором н-капсул. Подбирая с земли цилиндрические плоды металлорастений, они заполняли ими отсеки боекомплекта, питающие штатные импульсные орудия.

Зловещее таинство завершалось.

Винты модернизированных техносом машин вновь пришли в движение, стремительно раскручиваясь, а затем три «Пустельги», управляемые сталтехами, поднялись в воздух, образовали построение и взяли курс на руины города.

* * *

Генерал Шепетов тоже не спал этой ночью.

Около двадцати трех по Москве пришло внезапное сообщение о вторжении штурмовых групп Ковчега на территорию Соснового Бора, и он, невесело усмехнувшись, подумал, что опять придется коротать ночь в тактическом центре оперативного штаба объединенной группировки войск.

За четыре года, минувших со дня катастрофы, изменившей не только лик планеты, но и складывавшийся годами международный паритет сил, Иван Андреевич четко усвоил: все события, происходящие в Пятизонье, неизбежно влекут за собой международный резонанс.

Любое изменение обстановки, способное серьезно потрясти отчужденные пространства, отдается в Большом Мире волной непредсказуемых событий, – рынки начинает лихорадить, скачут курсы национальных валют, паника среди населения часто выливается в массовые

беспорядки. Цивилизация вот уже четыре года живет, как на пороховой бочке, и его прямая обязанность – не допустить очередного взрыва страстей, не дать силам, делающим большую политику, зарабатывающим миллиардные состояния на нестабильности ситуации, вновь получить формальный повод для нагнетания истерии.

Просмотрев данные оперативной обстановки, Шепетов разозлился.

Званцев, скотина, опять спрятал голову в песок. Удобная позиция, ничего не скажешь. Потом, на «разборе полетов», будет ведь, сволочь, бить себя пятками в грудь, доказывая, что радел исключительно за бойцов, не желая подвергать их неоправданному, смертельному риску в начавшейся вдруг заварухе.

Ладно… – Шепетов сел в кресло за рабочим терминалом, припечатал ладонями сенсорное пространство, дождался активации кибернетического комплекса. В оперативный штаб он решил не идти, связь с дежурными офицерами доступна и отсюда.

Надо разобраться, что там происходит. Информации, поступающей от Званцева по официальным каналам, Иван Андреевич резонно не доверял.

Достав из стола старомодный портсигар, генерал открыл его, подцепил ногтем неприметный выступ, вытащил из открывшегося тайного отделения тонкую чипованную пластину – аналог мью-фона, адаптированный под сталкерскую сеть Пятизонья, затем вставил разработанное в номерных институтах военного ведомства устройство в специальное гнездо терминала.

В ситуациях внезапных, критических Шепетов давно нашел для себя надежный источник информации. Сталкерскую сеть пытались прослушивать спецслужбы всех ведущих держав, но реально внедриться в информационную среду Пятизонья, изучив принципы работы, частоты и шифры мью-фонов, удалось пока что лишь российской службе разведки.

Некоторое время генерал потратил, просматривая последние новости, затем удивленно приподнял бровь.

Иван Андреевич за последние годы пережил столько потрясений, что откровенно удивить его могло лишь событие экстраординарное, выходящее из ряда вон даже по меркам отчужденных пространств.

Не может быть!.. Или это провокация?

Коснувшись зоны защищенного канала связи, Шепетов произнес:

– Майора Брагина ко мне! Срочно!

* * *

Продвижение через руины осложнилось с первых же минут.

Устройство коммуникации, работающее на основе не известного Егору типа связи, транслировало все переговоры, дешифрованные с разных каналов, принадлежащих различным группировкам.

Разобраться в разноголосице боя удалось не сразу, но постепенно Баграмов втянулся, воспользовавшись фильтром сообщений, автоматически сортирующим входящие данные по позывным.

– Капитул-1, здесь Цитадель, ответьте!

Треск помех.

– Цитадель, Капитул-1 на связи!

– Капитул-1, доложить ситуацию!

Снова непонятные искажения.

– …связь с группой Шрама потеряна! Здание уничтожено ударом с воздуха!.. Есть основания… полагаем, что военные ни при чем! Три «Пустельги» числятся в списках потерянных машин… Двенадцать штурмовых групп Ковчега, по уточненным данным… Активизация деятельности механоидов по всему пространству… Выслали подкрепление… По запросу Титановой Лозы ответ отрицательный… Бои… Судьба Баграмова неизвестна… Свободные сталкеры объявили охоту…

Смена несущей частоты.

Незнакомый, далекий голос:

– Егерь-7, внимание! На подходе три дракона! Модифицированные техносом «Ка-85 Пустельга»! Заходят со стороны тамбура!

– Егерь-7 принял! Вижу их!.. Проклятье!.. Они атакуют! Бьют из импульса н-капсулами! Скорги! Какой-то новый тип! Укрытия не помогают! – Голос внезапно истончился, ушел в сиплый, захлебывающийся, полный нечеловеческой боли крик.

– В укрытие! – Команда Шрама резанула по нервам.

Егор, сбившись с шага, остановился, оборачиваясь.

В разлом улицы, приближаясь со стороны окраины города, резко снижался, следуя курсом атаки, штурмовой вертолет «Ка-85».

«Пустельга», модифицированная техносом!

Егор метнулся за ближайший простенок, а затем окончательно, бесповоротно впитав рассудком навязанную ритмику разворачивающегося боя, метнулся по уцелевшему лестничному маршу, пробежал несколько пролетов, поднявшись до уровня третьего этажа.

– Баграмов, ты куда?!

Он не ответил. События разворачивались слишком стремительно.

Выглянув в иззубренный оконный проем, Егор увидел облитый наростами серебра, медленно движущийся вдоль улицы, вздымающий

клубы пыли и праха боевой вертолет.

Датчики шлема автоматически взяли увеличение.

Егор сдержал инстинктивную реакцию, не отшатнулся, когда изображение рванулось навстречу и он внезапно увидел дыры в бронестеклах и силуэт сталтеха, застывшего в кресле пилота.

Глаза нежити сочились красноватым сумеречным сиянием.

Казалось, что их взгляды на миг соприкоснулись, и в ту же секунду заработали орудия «Пустельги». Шквал снарядов, изринутых четырьмя стволами, ударил по зданию, где-то пробивая стены, где-то лишь пятная их ртутными кляксами, словно н-капсулы, подаваемые к импульсным пушкам, имели разные свойства.

Впрочем, их поражающая способность от этого не страдала.

Егор, целившийся из ИПК по кабине «Пустельги», внезапно услышал звук шагов, резко обернулся, но выстрелить не успел – облаченный во все черное штурмовик Ковчега, выскочивший из глубин полуразрушенного этажа, неожиданно попал под удар вертолетных пушек. Несколько влажных шлепков, ударивших в стену, не пробили ее, но по кирпичной кладке внезапно метнулся узор серебристого инея, и сквозь помещение, выстрелив от стены до стены, неожиданно выметнуло тончайшие нити. Они пробили фигуру боевика, нанизав его на свое жуткое плетение, а через секунду по черной экипировке бьющегося в конвульсиях сталкера, словно позумент, зазмеились адские металлизированные узоры.

На лестничной площадке показался Шрам.

Мгновенно оценив ситуацию, он жестом показал Егору – уходи в глубь здания, там встретимся.

Баграмова не пришлось уговаривать. Он задержался у оконного проема ровно столько, чтобы выпустить длинную очередь бронебойных зарядов по кабине «Пустельги», и тут же кинулся прочь, стараясь оставить между собой и противником как можно больше преград – в основном полуразрушенных межкомнатных перегородок.

* * *

Майор Брагин вошел в кабинет Шепетова спустя пять минут после полученного вызова.

– Садись! – Генерал указал на кресло, напряженно слушая перехваченные переговоры. В рамках сталкерской сети царил настоящий хаос, на территории Соснового Бора шла схватка всех против всех, но анализ полученных данных четко указывал на ключевые слова, повторяющиеся на частотах различных группировок:

«Баграмов», «потерянный спецназ», «Узел» и «технос».

Немногим реже звучали слова «вознаграждение», «Ковчег» и «Хистер».

– Степан, необходимо задействовать наш канал связи с Орденом.

Брагин кивнул.

– И еще… – Шепетов вскинул на него взгляд покрасневших глаз. – Нужен боевой вертолет, коридор для прохода через Барьер и группа Зыбина.

Майор удивленно взглянул на командующего.

– А что, использовать эскадрилью, дислоцированную в Сосновом Бору, – не судьба?

– Исключено. Выполняй. И вот еще – посмотри, что там у тебя есть на Званцева.

Начальник службы разведки усмехнулся.

– Его номерной счет в банке Манхэттена устроит?

Шепетов удивленно приподнял бровь.

– Даже так? Конечно, устроит. Еще бы распечатку последних операций по нему, а?

– Сделаю.

* * *

Оторвавшись от преследования модифицированной техносом «Пустельги», они прошли метров триста, не больше, прежде чем попали в новую передрягу.

– Вот, если уж не везет, так во всем…

Кусок стены вырвало сантиметрах в десяти от головы Шрама.

Он отпрянул, но второй выстрел, пробив кладку, едва не лишил его руки.

– ИПК, в снайперском режиме! – Баграмов вжался в стену. – Четвертый этаж, угловое здание, левая сторона перекрестка!

Саид и Апостол, прикрывая командира, открыли ответный огонь.

Егор точно определил позицию снайпера. Третьего выстрела не последовало. Шраму все же задело руку, но пострадал в основном армган.

– Дом окружают! – Баграмов, уже вполне освоившийся с системами сканирования, встроенными в новую для него экипировку, переключился на широкий охват прилегающей территории. Сигналы, спроецированные на трехмерную, подгружаемую карту местности, разнились по цветовой гамме. Автоматическая подсистема распознавания целей анализировала множество данных, начиная от характерной маркировки имплантов,

энергоматриц экипировки и заканчивая используемыми частотами мью-фонов. Засечки боевиков Ковчега обозначались, к примеру, фиолетовым цветом, механоиды всех типов – красным, свободные сталкеры – желтым, а неопознанные или требующие уточнения сигналы – коричневыми маркерами.

Зеленые сигналы, как успел заметить Егор, идентифицировали бойцов Ордена.

– Плохо дело… – Шрам отсоединил поврежденный армган и протянул руку: – Апостол, дай твой!

– Лучше мой забери, – предложил Баграмов.

– Ладно. – Шрам начал снимать с креплений излучатель, изрядно мешавший Егору. – Саид, прикрой нас! Паша, что со связью?

– Помехи, – с досадой отозвался Апостол, занимая позицию у окна. – Капитул недоступен. Кто-то глушит мью-фоны.

Шрам присоединил лазер, активировал его.

В последние несколько дней со связью вообще творилось что-то странное. После очередной пульсации она работала, как заблагорассудится. То пропадала вовсе, то возобновлялась, безо всякой системы. Искажения, исходящие от зоны тамбура, мешали всем, и поэтому Шрам сомневался, что кто-то намеренно их ставит.

– Почему не пойти на прорыв? – спросил Егор, наблюдая, как с одной стороны приближаются две боевые группы Ковчега, а с другой россыпью желтых точек сквозь руины движутся вольные стрелки, вышедшие, по словам Дениса, на свободную охоту.

– Под перекрестный огонь попадем, – ответил Шрам. – Капитул в той стороне, – кивнул он на обширный пустырь, начинающийся сразу за зданиями перекрестка. – Думаешь, снайпер был один?

– Трудно сказать, – ответил Баграмов.

– Вот и я про то, – кивнул Шрам. – Если их там несколько, то сейчас Ковчегу не поздоровится. Не нравится мне, больно точно бьет. И на сканерах ничего не видно…

– Может, его метаморф прикрывает? – предположил Егор.

– Метаморфа я бы почувствовал, – спокойно ответил Саид. – Неживой он. Узлом клянусь – сталтех.

– Ладно. Переждем пару минут, – подвел итог дискуссии Шрам. – Паша, ты маскировку держишь?

– Всенепременно, брат Денис… – откликнулся Апостол. – Вольные стрелки нас гарантированно не видят. Насчет Ковчега – пока под вопросом. Прут нагло, но не факт, что не заметили. Они по жизни такие…

* * *

Пользуясь короткой передышкой, Егор подсел к Шраму.

– Почему Ковчег объявил награду за мою голову? – спросил он.

– Созрел? – усмехнулся Денис. – Ну, во-первых, твоя голова никому не нужна. Хистер желает заполучить источник информации в добром здравии. Для допроса с пристрастием. Ты сколько угодно можешь повторять, что ничего не помнишь, но на самом деле все не так. Я уже говорил: даже при элементарном транзите через Узел сознание успевает что-то зацепить. Воспоминания приходят спустя какое-то время. В основном в виде кошмаров, но даже из них мы стараемся почерпнуть крупицы знаний.

– То есть на самом деле Узел – не мифический символ?

– Орден – не секта, – отрезал Шрам. – Наши убеждения – жизненная философия отчужденных пространств. Между прочим, первая информация, доказывающая существование Узла, пришла четыре года назад именно от тебя, Егор.

– Не понял? – удивился Баграмов. – Что ты имеешь в виду?

– Твоя группа была первой, кто проник в границы Пятизонья извне. Помнишь свое сообщение, отправленное в штаб?

– Ты о металлорастениях? – догадался Егор. События той операции были свежи в памяти. По субъективному ощущению времени все происходило несколько дней назад. Он еще не освоился с мыслью, что минуло четыре года.

– Именно, – кивнул Денис. – Теперь уже доподлинно известно, что автоны образованы колониями скоргов. Они – агломерации нанороботов, если оперировать привычными для тебя терминами.

– И что это доказывает?

– В Пятизонье говорят разное. Ты услышишь множество теорий. Но наши ученые сумели кое в чем разобраться. Они исследовали сотни разновидностей автонов и выдвинули гипотезу, что микрочастицы, давшие начало современному техносу, когда-то были разработаны в лабораториях Новосибирского Академгородка. Однако даже самые сложные из известных к пятьдесят первому году микромашинных комплексов примитивны по сравнению со структурой металлорастений. Улавливаешь ход мысли?

– Не совсем, – признался Егор.

– Если допустить, что автоны образованы разработанными на Земле нанороботами, возникает закономерный вопрос – как сумели они эволюционировать за сорок восемь часов? Ты увидел первую поросль

металлокустарников спустя двое суток после катастрофы, верно?

– Да.

Шрам выглянул из укрытия. Группа боевиков Ковчега уже показалась в мрачном разломе улицы. Они прочесывали руины, медленно приближаясь к перекрестку.

– Если не брать в расчет разные фантастические теории, то существует лишь одно место, где могла протекать эволюция скоргов, – это Узел, расположенный вне нашего пространства и времени, – произнес Денис. Он говорил достаточно спокойно и взвешенно, невзирая на приближающуюся с каждой секундой опасность. – До сих пор не было известно, как течет время *там*. Возможно, анализ структурных изменений материала твоей экипировки что-то прояснит.

– Как микромашины из секретных лабораторий попали в Узел?

Шрам не удивился вопросу.

– Наблюдения показывают, что через пространство Узла во время пульсаций проходят миллионы тонн вещества, перемещаясь из одного отчужденного пространства в другое, – пояснил он.

– Хочешь сказать, что во время катастрофы микрочастицы попали в иное измерение, эволюционировали там, а затем уже видоизменившиеся колонии снова были выброшены в наше пространство, при первой спорадической пульсации?!

– Из тебя выйдет толк. – Шрам легонько хлопнул Егора по плечу.

Баграмов напряженно обдумывал сказанное им, наблюдая за медленным, но неотвратимым приближением боевых групп Ковчега.

– И теперь мои *вероятные* воспоминания имеют цену крови? Человеческих жизней?

Денис кивнул.

– Да. И мы готовы ее заплатить.

* * *

– Сталтехи!

Предупреждение Саида совпало с отрывистыми звуками одиночных выстрелов.

– Говорил же, что снайпер не один! – Шрам переключал режимы сканирования, пока не обнаружил слабые размытые сигналы, исходящие от трех человекоподобных механоидов.

– Из здания напротив бьют! Позицию сменили…

Боевики Ковчега, попав под огонь, рассыпались по руинам. Сталтехи били без промахов – три тела остались в разломе улицы.

– Вот теперь можно выдвигаться. – Шрам оценил обстановку и нашел ее приемлемой. Егеря, заняв укрытия, уже начали огрызаться в ответ на снайперский огонь, россыпь желтых сигналов, приближавшихся справа, исчезла. *Если двигаться в темпе, то пустырь проскочим,* – мысленно рассудил Шрам, не видя смысла в дальнейшей задержке у перекрестка.

– Уходим, в темпе! – скомандовал он.

Двигаясь короткими перебежками, постоянно контролируя обстановку, прикрывая друг друга, четверо сталкеров спустились на первый этаж полуразрушенного здания. Сквозь пролом в северной стене виднелся пустырь. Сталтехи пока что не заметили продвижения группы, продолжая методично расстреливать позиции боевиков Ковчега.

– Я иду первым. – Денис бросил взгляд вдоль улицы, фиксируя частые отсветы от попаданий лазерных разрядов. Стена расположенного напротив дома дымилась, щерясь безобразными пробоинами. Выстрелы армганов подрубили несколько железобетонных опор на уровне второго этажа, и часть постройки начала вдруг угрожающе проседать, уцелевшие участки кладки взрывались раскаленным кирпичным крошевом.

Боевики Ковчега быстро пришли в себя и теперь демонстрировали неплохую подготовку. Их массированный огонь заставил двух сталтехов отступить в глубь оседающего здания, третьего серьезно покалечило, и он, перевалившись через огрызок ржавых перил, рухнул вниз.

Шрам, наметив укрытие, выскочил на улицу, благополучно миновал перекресток и занял позицию.

– Баграмов, пошел! – приказал он по связи.

Егор рванулся вперед.

* * *

Два сталтеха, отступившие в глубь разрушающегося здания, внезапно остановились, затем, словно получив приказ извне, устремились к лестничному маршу, по которому только что пробежала трещина. Их не остановил ни оглушительный треск, ни звонкий лопающийся звук рвущейся арматуры.

Взбежав по лестнице, за секунду до ее окончательного разрушения, они оказались на четвертом этаже.

Отсюда открывался хороший обзор. Весь перекресток и расположенный за ним пустырь были как на ладони.

Сталтехи одновременно зафиксировали фигуру воина, облаченного в экипировку Ордена. Он совершал короткие перебежки, двигаясь от укрытия к укрытию, и находился в этот момент примерно на середине

слияния улиц.

Фасад здания вдруг начал оползать, внизу взметнулось плотное облако пыли, но ни вибрация разрушающихся конструкций, ни угроза гибели уже не могли остановить исчадия техноса. Они получили приказ, мгновенно утратив автономию, став лишь исполнителями, элементарными частицами огромного, невероятно сложного механизма, обретшего силу и теперь стремящегося ее приложить, изменяя реальность Пятизонья.

Приоритетная цель.

Один из сталтехов вскинул оружие, тратя последние секунды своего существования на прицельные выстрелы, второй начал трансляцию данных.

Короткая очередь, выпущенная из ИПК, резанула по перекрестку, слившись с грохотом рушащегося здания.

Баграмов упал.

Тела сталтехов уже перемалывались жерновами угловатых бетонных глыб, но отосланные данные достигли адресатов.

Три «Пустельги», утюжившие окраину города шквальным огнем из импульсных орудий, внезапно покинули находящиеся под атакой цели и, развернувшись, устремились к злополучному перекрестку.

* * *

Увидев, как падает Егор, подрубленный очередью, полоснувшей с четвертого этажа разваливающегося на куски здания, Шрам едва не взвыл от мгновенного отчаянья.

– Паша, прикрой!

Он рванулся назад.

Слева зачастил огонь импульсного пулемета.

Добежав до середины перекрестка, Денис рухнул рядом с Баграмовым.

Мгновенное сканирование помутило рассудок.

Мертв…

От чувства вселенской обиды, несправедливости, глупой случайности, перечеркнувшей столько усилий, хотелось взвыть.

Главный метаболический имплант Егора не реагировал на попытки воздействия. Он отрубился – как будто предал, бросил на произвол судьбы своего хозяина, позволяя ему истечь кровью от трех рваных ран…

Слабая надежда еще не погибла, она, назло всему, теплилась в рассудке Дениса.

– Держись, капитан… Держись… – Он закусил губу, встал, поднимая

тело Егора, оттаскивая его прочь с проклятого перекрестка, но судьба уже распорядилась по-своему.

На краю дымопылевого облака, поглотившего сумеречное пространство улицы, показались боевики Ковчега.

Сверху по ним ударил ИПК Апостола, вторя ему, разрядился армган Саида. Несколько человек упали, остальные вновь залегли, огрызаясь огнем.

Шрам, пошатываясь, бежал, под ногами уже хрустел мелкий бетонный гравий пустыря, до ближайшего укрытия оставалось сделать всего каких-то десять-пятнадцать шагов, когда, разрывая полог пылевой завесы, над зданиями показалась первая «Пустельга».

Управлявший ею сталтех чуть повернул голову. Прицел орудий сместился синхронно движению, тугие снарядные трассы хлестнули по оконным проемам руин.

Первым пропал сигнал Саида, затем взморгнул и погас изумрудный огонек, принадлежавший Апостолу. Денис по инерции протащил безвольное тело Баграмова еще несколько шагов, затем его пальцы разжались.

Все было кончено.

Вторая и третья машины начисто вымели снарядными трассами пространство улицы. Всплески огня, вырывая фонтаны каменной крошки, добежали до пустыря, ударили в спину, отшвырнув Шрама на несколько шагов, и понеслись дальше, вспахивая пустырь слепящими разрывами…

Он упал.

Черное хмурое небо смотрело ему в глаза пустым взглядом.

Начал накрапывать мелкий дождь, но Денис уже ничего не видел.

Боевые машины развернулись, вновь перепахивая руины снарядными трассами.

Двое штурмовиков Ковчега, каким-то чудом уцелевших под бесноватой атакой модифицированных техносом машин, вышли на перекресток.

Один из них остановился на краю пустыря, произвел сканирование дымящихся груд щебня и с сожалением констатировал:

– Тут двое, под завалами. Мертвы… – Он приподнял дыхательную маску, сплюнул скрипящую на зубах пыль и, включив мью-фон, сипло произнес: – На связи Егерь-4. Отходим к тамбуру. Объект погиб. Повторяю – отходим к тамбуру…

Генерал Шепетов с досадой отключился от сталкерской сети.

Некоторое время он сидел насупившись, тяжело глядя в одну точку,

затем скрепя сердце включил защищенный канал связи:

– Брагин? Группе Зыбина отбой. Они уже прошли Барьер?

– Нет.

– Пусть возвращаются. В Бору все кончено. Опоздали…

* * *

Три «Пустельги», завершив повторную атаку, поднялись над пустырем и вдруг начали кружить, расстреливая остатки н-капсул.

Цилиндрические снаряды вновь вспахивали землю и гравий, но теперь они не взрывались, цепочки воронок, на дне которых блестела ртутная жидкость, чертили периметр трех концентрических окружностей.

Спустя некоторое время, истратив боезапас, они развернулись, легли на новый курс и начали удаляться в сторону тамбура.

Титановая Лоза проводила их полным отчаянья и ненависти взглядом.

Черная горечь невосполнимой утраты плескалась в душе. Нить надежды, связавшая прошлое и будущее, оборвалась. Она опоздала. Перекресток улиц и часть пустыря скрыли под собой дымящиеся груды строительного мусора и тонны выбитой из воронок земли. Под обломками сканировались только два сигнала – они принадлежали Саиду и Апостолу.

Высоко в небе вспыхнула полоска мертвенного зеленоватого сияния, от него к изувеченной земле потянулись холодные сполохи света, тень искажений коснулась зданий, но она не остановилась.

Бледное зеленоватое зарево полыхало над зарождающимся городищем скоргов, только что «засеянным» из орудий модифицированных техносом боевых машин.

Дарлинг ощущала, как деформируется реальность. Новая сила вторглась в Пятизонье, безжалостно, равнодушно сминая в корявых пальцах человеческие жизни.

Дойдя до центра трех концентрических окружностей, Титановая Лоза достала какой-то предмет, положила его на землю и, не оборачиваясь, пошла назад.

Взрыв плазменной гранаты полыхнул за ее спиной, взметнувшись к небесам, рванув вдоль земли вспышкой всесжигающего пламени. Теперь она могла быть уверена, что ни одно металлорастение не прорастет в черном пятне, поглотившем три концентрические окружности, не помешает разбору завалов и поиску тел.

Импланты Титановой Лозы работали в режиме сканирования.

Надежда умерла. Но ее личная схватка с техносом только начиналась.

Эпилог

Цитадель Ордена. Три месяца спустя

Командор Хантер стоял у ограждения, наблюдая, как во внутреннем дворе занимаются недавно имплантированные послушники.

Он сильно постарел, но глаза смотрели все так же холодно, цепко, как и прежде.

Многое изменилось в Пятизонье. Облокотившись о перила, командор следил за действиями новобранцев, осваивающих нелегкую науку боевого применения имплантов, а его мысли кружили в водовороте проблем.

Очередная мутация техноса, произошедшая три месяца назад, до сих пор сотрясала отчужденные пространства.

Скорги изменились. Их колонии, модифицированные в пространстве Узла, больше не захватывали носители – они начали *создавать их*, постепенно отвоевывая у примитивов все новые и новые жизненные пространства…

…Один из послушников, сформировав временно стабилизованный сгусток энергии, не сумел удержать его под контролем, и яркая вспышка внезапно осветила внутренний двор Цитадели.

Приор Аргел устало махнул рукой.

– Перерыв.

Командор, воспользовавшись паузой, привлек его внимание.

– Нужно поговорить. – Хантер указал на галерею внешнего перехода. – Прогуляемся.

Они поднялись наверх.

– Как продвигается расследование? – Командор остановился, глядя вдаль, в сторону пересохшей впадины, оставшейся на месте ушедшего сквозь трещины озера, где теперь разрослись автоны.

– Глеб выходил на связь. Он продолжает поиски.

– Есть надежда?

– В пустоши видели странного сталкера. Под описание подходит. О большем пока говорить рано.

– Кто с Приором?

– Саид и Апостол.

Взгляд командора потемнел.

– До сих пор не могу понять, что произошло в Сосновом Бору, – произнес он. – Почему технос открыл охоту на Баграмова? Куда исчезло его

тело из-под обломков зданий?

– Он мог выбраться сам, – произнес Аргел. – Его метаболический имплант был введен в форсированный режим. Ты же знаешь – скорги способны поднять и мертвого. Мы смогли приступить к разбору завалов только через сутки. Времени было достаточно.

– Ладно. Дождемся вестей от Глеба. Ты исследовал артефакт, который принесла Дарлинг?

– Это обломок устройства, аналогичного маркеру. С той разницей, что у него нет панели выбора. Только один сенсор. Где Лоза его раздобыла?

– В разрушенных лабораториях Академгородка, – мрачно ответил Хантер. – Она сильно рискует в попытке отыскать свое прошлое. В последний раз Дарлинг все-таки добралась до секций крионики, но там уже кто-то побывал. Все камеры низкотемпературного сна демонтированы.

– Ковчег? – насторожился Аргел.

– Не исключаю. Хистер понемногу расчищает руины… Так что с артефактом?

– Я пока не готов делать выводы. Устройство узкоспециализированное. Оно не было предварительно настроено и ни разу не использовалось. Следы плавления старые, прибор был разрушен во время катастрофы.

– Его нужно реконструировать.

– Ты веришь в существование маркера Узла?

– Я не исключаю такой возможности. – Командор обернулся. – Технос начал целенаправленный захват территорий. Скорги эволюционировали. Пятизонье меняется. Они уже не ждут спорадических пульсаций. Некоторые виды механоидов самостоятельно перемещаются через Узел. Сталкеры видели появление энергетических образований, поведение которых выглядит *разумным!* Мы должны понять, что происходит, либо погибнуть. Третьего нам не дано, Аргел.

Пустошь

Невдалеке полыхал бой.

Сталкер, наблюдавший за схваткой из зарослей автонов, не собирался лезть в пекло. Он был слаб, изможден, его экипировка сильно пострадала, лишь фрагментами прикрывая тело.

Он почти ничего не помнил. Жил одним днем, собирал артефакты, относил их к торговцу, ел, спал и снова уходил…

…Отсвет лазерных разрядов, полоснувших по зарослям автонов, на миг озарил окрестности.

В красноватых сумерках под прорехой брони на предплечье сталкера вспыхнула и тут же погасла голограмма из трех букв:

D.R.G.

notes

Примечания

1

БСК – боевой сканирующий комплекс.

2

Армган – сленговое название общевойскового лазерного излучателя.

3

Мью-фон – устройство связи, добываемое из подбитых механоидов.

4

ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. «Карташ» – сленговое название оружия.

5

Маркер – специальное устройство, задающее одну из пяти отчужденных территорий в качестве конечной цели транспортировки. Прохождение объекта через Узел без предварительной активации маркера ведет к непредсказуемым последствиям: материализация в таком случае происходит вне зоны тамбура. Существует риск, что объект будет совмещен с другими материальными предметами, а это в большинстве случаев ведет к его уничтожению. Кроме того, без маркера невозможно прогнозировать, в какую именно локацию попадет объект.

6

Следуя идеологии Ковчега, любой сталкер, имплантированный не в лабораториях группировки, считался изуродованным и подлежал безусловному уничтожению.

7

МПУ – многофункциональный промышленный утилизатор.

8

Механик – легенда Пятизонья, сильнейший мнемотехник. По слухам, обитает где-то в пустоши. Способен отремонтировать любого механоида или вылечить безнадежно покалеченного сталкера. Иногда сам выходит на контакт с обитателями Пятизонья, но всегда соблюдает разумную дистанцию.

9

Скоргофаги – особый вид стабилизированных мнемотехниками микрочастиц, ориентированных на борьбу с любыми видами своих «диких» собратьев. В девяноста случаях из ста скоргофаги способны нейтрализовать повторное инфицирование сталкера серебристой «проказой Зоны».

10

ЭРЗ – эволюционировавший робот Зоны.

11

Драконы, на жаргоне сталкеров, – мутировавшие вертолеты. Чаще всего встречаются в пустоши.